
Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2017

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Олег МОНОМАХ. Святая Русь и огненные муравьи	3
Мирослав РУДЕНКО. Памяти парламента Новороссии	104
Кристина МЕЛЬНИКОВА. Главное — выжить и выстоять	122
Виктор СЕМЁНОВ. Узаконенное изъятие детей	165
Александр ГОРБАТОВ. Этот соблазнительный «февральский» дух... ..	170

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Заговор. Главы романа-эпопеи «Жернова»	21
Василий ВОРОНОВ. Два рассказа	128
Александр ЛОМТЕВ. Короткие рассказы	178

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Под ненастьем блуждающих туч. Стихи	96
Виолетта БАША. Свирель времён. Стихи	159
Александр ТИХОНОВ. Смерти нет. Стихи	195
Светлана СУПРУНОВА. Литературные пародии	226

УРОКИ ИСТОРИИ

Андрей ИВАНОВ. Гениальный разрушитель	201
Александр НИКИШИН. Терроризм как продолжение либерал-большевизма	212
Валерий ГАБРУСЕНКО. Москва, 1937	222

СИМВОЛ ВЕРЫ

Александр КАПЛИН. Россия и ее «смертельный враг»	235
---	-----

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Сергей СИДОРЕНКО. Растлитель	262
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Людмила РЯБИЧЕНКО. Государство втягивают в зону риска	274
Дмитрий ЛЕКУХ. Технический нокаут Украины	276
Адриан ПОСЛУШНИК. День Победы еще не наступил	279

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	282
--	-----

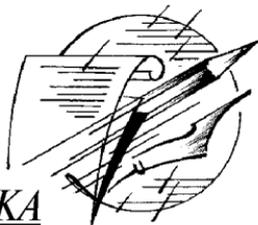
СВЯТАЯ РУСЬ И ОГНЕННЫЕ МУРАВЬИ

Рифмы революции

Разрушение Российской империи готовилось сто лет — если считать от Павла Пестеля, давшего декабристскому «Союзу спасения» антимонархический «Статут» в 1817 году. Последние ее полвека подготовка шла с особым остервенением — если считать от Дмитрия Каракозова, вышедшего из общества «Ад» и пустившего в 1866 году пулю в императора Александра II. Первый устав, составленный по западному образцу, и первое покушение на Помазанника Божия — рифмы революции.

Изначально в революционной среде присутствовала «бесовщина» (можно и без кавычек). В организации «Ад» «не только допускалась, но даже требовалась всякого рода безнравственность, — пьянство, обман, воровство».

«Первым революционером был дьявол!» — глядя в наставленный ему в глаз ствол, вразумлял убийц митрополит Владимир (Богоявленский), первый из епископов, убитых Революцией. Это будет январь 1918-го. До убийства императора Николая Алек-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сандровича останется всего ничего — полгода. И тогда вскроются реки крови.

Здесь заметим... Просто как факт. По теории вероятностей почти невозможно, но первые сборища «Ада» проходили в московском доме некоего Ипатова. Словно б уже тогда за предельные сущности подбирали к названию «Ипатьевский монастырь», колыбели династии, некий противовес, выраженный и фонетически, позже реализованный словосочетанием «подвал дома Ипатьева».

С какого-то момента в обществе стало насаждаться мнение, что революция в России неизбежна. Революцию ждали, её призывали. Отчаивались. От нетерпения занялись терро-ром.

Лев Тихомиров, прошедший путь от народовольца до идейного монархиста, вспоминал о 1870-х: «...мир развивается революциями — это было в эпоху моего воспитания аксиомой, это был закон. Нравится он кому-нибудь или нет, она придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что её ещё не было; очевидно, что она должна прийти скоро».

Передовое общество, терявшее религиозное отношение к жизни, набухало ожиданием, как пакля пролитым маслом, жаждало огня.

Для понимания, как воспринималась в последней трети XIX века грядущая буря, здесь уместно на помощь призвать художественное слово — пусть кому-то покажется и неожиданным — «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина. Революционность своего старшего брата Бунин угадывал в «вечной легкомысленности, восторженности, что так присуща была дворянскому племени и не покидала Радищевых, Чацких, Рудиных, Огаревых, Герценов даже и до седых волос...» Ими двигал «...праздник «преступной», а потому сладостно-жуткой причастности ко всяким тайным кружкам, праздник сборищ, песен, «зажигательных» речей, опасных планов и предприятий...» Но при этом для рядового русского человека царь «всё ещё оставался образом «земного бога», вызывал в умах и сердцах мистическое благоговение» — и до и после убийства Александра II. Слово «социалист», которое также произносилось «мистически», содержало в себе «великий позор и ужас, ибо в него вкладывали понятие всяческого злодейства».

В следующем десятилетии революционеры выглядели вполне похоже на нынешних разрушителей. «Известно, что это была за среда, — говорит Бунин, — ...жили, в общем, очень обособленно от прочих русских людей, даже как бы и за людей не считая... и имели всё свое, особое и непоколебимое:

свои дела, свои интересы, свои события, своих знаменитостей, свою нравственность, свои любовные, семейные и дружеские обычаи и свое собственное отношение к России: отрицание её прошлого и настоящего и мечту о её будущем...»

Нынешние революционеры ждут «конца Путина» как их предшественники ждали «конца монархии», с нетерпением, работая на это, создавая в обществе особую атмосферу. Ждали с года на год.

Замутилось в 1905. Но и быстро сгинуло. В октябре 1906 Александр Блок, видя вялость смуты, взывал: «Займём огня у Бакунина! Только в огне расплавится скорбь (!), только молнией разрешится буря...» Юная Марина Цветаева в 1908 (ей почти 16) плакалась: «Как примириться с мыслью, что революции не будет? Ведь только в ней и жизнь?... Неужели эти улицы никогда не потеряют своего мирного вида? Неужели эти стекла не зазвенят под камнями?» Лепет прекраснородушной обезбоженной интеллигенции создавал электричество в атмосфере России.

О повестке столетия

Говорить о конспирологических мотивах революции до сих пор считается плохим тоном, «не комильфо», так мы воспитаны. Но вот уж и наша Церковь легитимизировала разговоры о тайне Революции. Патриарх Кирилл в Неделю о Страшном Суде (19.02.2017) произнёс на проповеди в Храме Христа Спасителя: «Революция была великим преступлением. И те, кто обманывал народ, кто вводил его в заблуждение, кто провоцировал его на конфликты, преследовали совсем не те цели, которые они открыто декларировали. Была совсем другая повестка дня, о которой люди совсем даже не помышляли».

Поговорим не о конспирологических теориях, но о конспирологической практике. Оглянемся: ибо *что было, то и будет*. То, *что было*, позволяет сфокусировать взгляд на том, что есть и хоть гадательно узнать, что может из этого выйти.

Сто лет выработывалось электричество ненависти, весёлой злобы, буйного помрачения, всего того, что вытекает из отвержения Божиих заповедей и порождает революционный фанатизм. Деловые люди особого склада однажды сообразили, как использовать эту энергию для решения своих прикладных задач. В хаос процесса были влиты их ресурсы и сформирован «невидимый стержень». Революционная энергия была поначалу направлена на разрешение пресловутого еврейского вопроса. Заметим, эта цель оказалась единственно вполне достигнутой. Словно б она и была истинной.

В иудейской среде бытует представление, что в каждом поколении евреев должен быть свой Моисей. В 1880—1920 годы такой фигурой стал Джейкоб Г. Шифф — родственно и финансово связанный с домом Ротшильдов, очень крупный банкир и, как сообщают о нём его биографы, — «главный еврейский лидер Америки с 1880 по 1920 год. Роль Шиффа в разогреве русской революции и, как мы увидим, в её техническом исполнении исключительна. Еврейский биограф Шиффа видит причины оголтелой русофобии Шиффа в его религиозности: «Банкир настойчиво сравнивал положение евреев в России с библейской историей Египетского исхода, а себя самого, без сомнения, видел новым Моисеем». Биограф называет отношение Шиффа к России «личной войной, которая с годами превратилась во всепоглощающую страсть». Шифф был фанатик, видевший свою миссию в уничтожении России. Его цель, воспринятую из древних книг, мы можем уразуметь лишь через много лет после завершения его «адовой работы». Поводом, но не причиной, начала его личной войны стало ограничение прав иудеев, оказавшихся в Российском подданстве наряду с поляками и литовцами, также ограниченными в правах, в результате разделов Польши 1793 и 1795 годов. После убийства Александра II в 1881 году произошло несколько еврейских погромов (власти их мгновенно пресекли), и правительство ввело «Временные правила 3 мая 1882 года». С лёгкой руки публицистов «освободительного направления» эти временные правила стали именоваться «антиеврейскими законами». Между тем один из трёх пунктов Временных правил уравнивал иудеев с христианами, воспрещая производить торговлю в воскресные дни и двенадцатые христианские праздники. Два первых пункта ограничивали права иудеев получать неправомерную выгоду, используя некоторые свои этнические особенности. Правила применялись «лишь в губерниях постоянной оседлости евреев». Очевидно, что при нормальном развитии событий эти правила были бы скорректированы и упразднены естественным путём, как и для других народов. Но не это было нужно. Судьбы простых евреев Шиффа не интересовали.

Когда глава МВД России В.К. Плеве приступил к ослаблению еврейских законов (например, был снят запрет на проживание иудеев в 101 городке «с оживленной торгово-промышленной деятельностью и торговлей хлебом»), террорист убил Плеве бомбой. Биограф Шиффа говорит примечательную вещь: «Именно крестовому (правильнее бы антикрестовому. — Авт.) походу против России Шифф обязан своим возвышением на невиданную прежде для еврейского лидера высоту».

По прошествии века можно точно сказать, что отмена «антиеврейских законов», в том числе отмена черты осёдлости, были промежуточной целью, лишь одним лестничным маршем в череде подобных, ведущих к цели всеобщей величины. Следующим этапом стало получение евреями привилегированного положения в России, в последующем — главенствующего. Еврейская энциклопедия сообщает: «После Февральской революции 1917 г. евреи впервые в истории России заняли высокие посты в центральной и местной администрации. В различных составах Временного правительства...» Они играли важную роль «во влиятельном Петроградском Совете» и в Московском Совете.

В большой игре вдолгую целью стало — ни много ни мало — получение мирового владычества. И эта цель, как мы видим уже в XXI веке, почти достигнута.

Начинал Шифф в 1880-е с финансирования американского ежесеместника «Свободная Россия», который был трибуной «Общества американских друзей российской свободы». Ныне преемники Шиффа также уделяют первостепенное значение «просветительской работе». Дальше — больше. Шифф организовывал в Нью-Йорке бойкот русского военного корабля, визит которого изначально предполагался дружеским, сеял вражду, выступая против предоставления займа России, был инициатором того явления, которое ныне называется «санкциями». Всё это хорошо известно, имеет литературу, повторяться не будем. Лишь напомним, что самым известным политико-экономическим предприятием Шиффа стало предоставление кредита Японии в 1904—1905 годах на сумму в 200 млн. дол. (эквивалент 32,2 млрд. дол. 2015 года — по данным США). Риск был велик. Ни одна европейская держава прежде не терпела поражения в большой войне от неевропейской нации. Шифф выиграл. Неудачи России при освещении событий в нужном Закулисе свете внесли свой заряд и дали вспышку новой русской смуте. Это был этап.

Появление в 1905 году в Петербурге Льва Троцкого, ставшего вдруг фактическим руководителем (вместе с Парвусом) Петербургского совета рабочих депутатов, также связано с именем Шиффа. В 1905-м Троцкому 25 лет, он вернулся из Америки, не имея ни партии, ни особого влияния в революционной среде. Но вдруг...

О тайне восшествия Троцкого на революционный Олимп говорит Х.Г. Раковский на допросе, указывая на родственную связь Троцкого с банкиром Абрамом Животовским. Абрам Львович Животовский «1-й гильдии купец, масон» был связан «с банкирами братьями Варбургами, которые, в свою

очередь, являются родственниками банкира Якова Шиффа, то есть из той банкирской группы, которая и финансировала революцию 1905 года. И это и есть та причина, в результате которой Троцкий одним движением взбирается на самую вершину революционной иерархии». Действительно, Феликс Варбург был старшим партнёром в банке Шиффа «Kuhn, Loeb & Co», одного из самых влиятельных инвестиционных банков в конце XIX и начале XX века. Совместно с Шиффом Феликс был одним из создателей Американского еврейского распределительного комитета. Его дочь в 1916 году вышла замуж за В.Н. Ротшильда. Другой Варбург — Пол был идеологом создания Федеральной резервной системы, приходился Шиффу свояком. Третий Варбург — Макс в 1910—1938 годах руководил германским банком М.М. Warburg & Co. Финансировал проекты и при Вильгельме, и при Гитлере. По инициативе Шиффа этот Варбург «раскошелился на крупный кредит для Германии», так как Шифф считал, «что надо прилагать все совместные усилия, если они направлены против России».

Революция в России была их клановым и даже семейным делом. На каждом этапе задействовались нужные люди как инструменты, приспособленные к выполнению текущих задач.

Судя по всему, масонство также подпитывалось из этого или родственного «анонимного источника». В Париже в 1901—1905 годы действовала Русская Высшая школа общественных наук. В Школе прошли обучение многие российские политики оппозиционного толка. Создателем школы был М.М. Ковалевский — видный учёный, один из руководителей русского масонства, член I Государственной думы и Государственного совета. В этой масонской Школе читали лекции деятели различных оппозиционных направлений, в том числе С.А. Муромцев, П.Б. Струве, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин. Среди слушателей, между прочим, был молодой Л.Д. Троцкий. Школа закрылась в январе 1906-го, вероятно, достигнув результата — поражения в войне с Японией и пика революции в декабре 1905 года. Как факт отметим, что закрытие Школы совпало с арестом последнего председателя Петербургского совета рабочих депутатов А.Л. Парвуса и ликвидацией самого Совета рабочих депутатов. Школа осталась без анонимных пожертвований.

В Революцию были вложены гигантские средства. Выгода многократно перекрыла издержки. О размере вложений существуют разные мнения. Представление о целом можно получить, видя фрагмент. Посол Временного правительства в

США, а затем формально и Советского правительства Борис Бахметьев сообщал, что большевистские лидеры в период 1918—1922 годов должны были осуществить поставки золота в Америку фирме «Кун, Лёб и Ко», контролируемой Шиффом, стоимостью в 600 миллионов долларов в качестве погашения задолженности», что при простом пересчёте соответствует 533 т. золота.

Отразилось так: «Во время Первой мировой войны, с 1914 по 1918 год, и до 1920 года доллар потерял больше половины своей покупательной способности. За 1921—1922 годы валюта США окрепла на 16% и стала играть ведущую роль среди мировых валют». В 1921 году в 35 губерниях Советского государства начался голод. Страдали от голода 40 миллионов человек, 5 миллионов умерли.

Когда Троцкий говорил, что Коминтерн для мировой революции — это консервативная организация по сравнению с Нью-Йоркской биржей, он знал, что говорил. Но и не он один это понимал. Россия в 1930-е сумела в значительной степени перевернуть и Троцкого, и Коминтерн, и влияния Закулисы, впрочем, начав с Троцкого, идеолога Коминтерна и члена его Исполкома. Сталин их переиграл.

Своё положение в России наследники Шиффа восстановили 1990-е, с лихвой.

В XXI веке СМИ уже открыто, с горделивым восторгом сообщают о продолжателях его дела. На сайте известного иудейского движения Хабад (в русскоязычной версии Ru.Chabad.org) в материале «Краткий биографический очерк», посвящённом лидеру движения второй половины XX века Менахему Менделу Шнеерсону, седьмому любавичскому цаддику, читаем: «Ребе построил невиданную сеть филиалов Хабада во всём мире. Тысячи его последователей разбегались во все уголки земли, и, как выразился один из крупнейших израильских раввинов: «Куда бы вы ни приехали, вы встретите две вещи — кока-колу и Хабад. И даже там, где нет кока-колы, есть Хабад».

В 2017 году к власти в США пришёл клан, который призван возвести в Иерусалиме Третий храм, исполнить древнее пророчество. Широко известно высказывание президента США Дональда Трампа: «У меня еврейские внуки и еврейка-дочь, и это почётно для меня». Дочь Трампа Иванка замужем за Джаредом Кушнером, отец которого — Чарльз Кушнер — является одним из руководителей еврейской общины Нью-Йорка. Иванка приняла иудейское вероисповедание, ведёт соответствующий образ жизни. Джаред Кушнер с 20 января 2017-го — старший советник президента Трампа. Примеча-

тельно, что Министерство юстиции США заблаговременно дало заключение, что закон о непотизме (кумовстве) «не запрещает произвести это назначение».

Для России это значит, что Закулиса, стравливая всех со всеми, создав в древней столице Руси майдан и вцепившись в Россию зубами, зубов не разожмёт. Россия стоит поперёк дороги. Не разожмёт, пока их не удалить — тем или иным способом. Всё это значит, что, как и при Шиффе, в новую русскую цветную революцию будут вливаться средства. Будут использоваться известные и новые технологии.

Менеджер

Стоит отметить как факт, что ждущие революцию, в том числе её вожди, не были носителями пророческого дара. Молодой Троцкий задавал «русским товарищам в упор вопрос: когда, по-вашему, произойдет социалистическая революция?.. Отвечали: через 50 лет, через 100 лет, а некоторые называли и более длительные сроки». Им было уютно в Европе. В январе 1917-го, выступая перед молодёжью в Швейцарии, Ленин вздыхал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...» Полыхнуло через несколько недель.

Но если Ленин и другие «русские товарищи» явно не спешили с революцией, то в революционной среде были люди практического склада ума, желающие получить результат «здесь и сейчас», любыми средствами. Революция через 50—100 лет Парвуса не вдохновляла. Георгий Катков замечает: «Он — живое доказательство, что авантюристы XX века могли играть решающую роль в политике великих держав во время Первой мировой войны не в меньшей степени, чем такие же авантюристы в интригах итальянских государств эпохи Возрождения». Ему вторит Элизабет Хереш: «Парвус — одна из главных теневых фигур революции».

Александр Парвус (Израиль Гельфанд), о котором Ленин сказывал — «выдающийся марксист, но чудит», в молодости поставил перед собой две цели — сказочно разбогатеть и уничтожить Российскую империю. Обе удались.

Троцкий вспоминает: «В редакции «Искры» все считали Парвуса человеком выдающимся, но каким-то особенным, на свой лад; он же считал всех провинциалами, которые дальше борьбы с царизмом ничего не хотят видеть». Над его желанием разбогатеть иронизировали. Высокособый Парвус объяснял: «Партийный аппарат окостенел... Они (профессиональные революционеры, живущие в Европе) довольны

тем, что есть, ничего не хотят менять. Революция пугает их потому, что пострадают кассы... Нам, революционным марксистам, нужно издательство, независимое от партийных бонз. Нужна большая ежедневная газета, выходящая одновременно на трех европейских языках. К ней нужны приложения: еженедельные, ежемесячные, отдельные исследования, памфлеты и пр... Надо во что бы то ни стало разбогатеть!» Человек был с размахом. Он разбогател с началом войны «на каких-то германо-турецких военно-торговых операциях», порвал с левыми и выступил «публично, как защитник прогрессивной миссии германского милитаризма».

Его интересовал результат. Давид Шуб пишет: «Парвус доказывал германским дипломатам, что только русские социал-демократы в состоянии подготовить новую всеобщую забастовку в России под лозунгом «Свобода и мир», и при этом подчеркивал, что большевики под руководством Ленина являются самой влиятельной организацией». Но от ленинской группы он уже откололся, блефовал. Ему важно было получить деньги. Вильгельм II дал, хотя не верил, что какие-либо потрясения опрокинут русский трон, но был заинтересован в возникновении таких потрясений, надеясь, что это подтолкнёт Николая II к заключению сепаратного мира, после чего Германия сможет «свести счеты с Великобританией». В марте 1915-го Парвус стал главным советником германского правительства по революционным делам в России. И получил свой первый миллион.

Парвус стоит за «стихийным возникновением» забастовок в Петрограде и Николаеве. После начала его деятельности, морской министр Иван Григорович сообщал: «По новейшим дошедшим до меня сведениям, появление прокламаций является результатом действий агентов воюющих с нами держав, не останавливающихся ни перед какими неблагородными мерами». И позже: «Немцы ведут усиленную пропаганду и заваливают деньгами противоправительственные организации. Сейчас особенно остро на Путиловском заводе...»

Путиловский завод был выбран не случайно в качестве «запала»: банкир Абрам Животовский, родной дядя Троцкого, связанный со структурами Шиффа, являлся компаньоном Алексея Путилова.

Парвус, судя по всему, причастен и к блокировке поставок пшеничной муки в начале 1917 года, что вызвало демонстрации с весёлым скандированием «Хлеба! Хлеба!» Хотя хлебные изделия из ржаной муки, как и все другие продукты, в продаже были.

Не лишено любопытства, что в решающие дни февраля 2014-го в Киеве так же вдруг в магазинах пропал хлеб.

В конце XX века люди авантюристического склада, причём с явно выраженной глумливой плутоватостью в лицах «а-ля Чубайс», вновь оказались в центрах принятия решений. И вновь разорвали нашу страну, сказочно разбогатев.

Россия в некоторой мере переварила и их. Но судя по их журналистике, они вновь выжидают момента — закрепить ускользнувший успех, завершить адову работу, покончив наконец с «русским вопросом». А вместе с ним с человеческим вне зависимости, понимают они это или нет.

Кругом измена

В Петрограде, как в стальной коробке, 27 февраля 1917 года соединись все компоненты «адской бомбы». Рвануло. Был понедельник. Накануне, в воскресенье, в своих храмах люди не услышали слов вразумления. Не было остерегающих воззваний иерархов, запрещавших участвовать в беспорядках. Николай Жевахов, исполнявший должность товарища обер-прокурора Святейшего Синода, свидетельствует, что католическая церковь сделала такое обращение к своим, и «ни один католик, как было удостоверено впоследствии, не принимал участия в процессиях с красными флагами». Православное духовенства голоса не подало.

В 1612 году по всей Руси в храмах зачитывались воззвания патриарха Гермогена, пребывавшего в застенке. Народ знал правду, знал, как поступать, к чему стремиться. Была цель: создать ополчение, изгнать интервента, избрать царя. Церковь исполняла роль СМИ, поднимала народ, когда в голос, когда интонационно.

К февралю 1917-го в России почти не было газет, выступающих против революции (за исключением разве что «Нового времени»). Почти все газеты смешивали правительство и царскую семью с грязью и не были закрыты.

В Киеве в декабре 2013-го будет так же — все ТВ-каналы станут пропагандистами майдана. В том числе и главный, принадлежащий главе Администрации украинского президента. Он загодя поставит под свой контроль новостные студии всех каналов, предаст своего президента, а вместе с ним и половину населения Украины.

Князь Жевахов повествует о памятном заседании Св. Синода 26 февраля 1917-го: «Перед началом заседания, указав Синоду на происходящее, я предложил его первенствующему члену, митрополиту Киевскому Владимиру, выпустить

воззвание к населению, с тем, чтобы таковое было не только прочитано в церквях, но и расклеено на улицах. Намечая содержание воззвания и подчеркивая, что оно должно избегать общих мест, а касаться конкретных событий момента и являться грозным предупреждением Церкви, влекущим, в случае послушания, церковную кару, я добавил, что Церковь не должна стоять в стороне от разыгрывающихся событий и что ее вразумляющий голос всегда уместен, а в данном случае даже необходим.

— Это всегда так, — ответил митрополит. — Когда мы не нужны, тогда нас не замечают: а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью».

«Я знал, — продолжает Жевахов, — что митрополит Владимир был обижен своим переводом из Петербурга в Киев. Однако такое сведение личных счетов в этот момент опасности, угрожавшей, быть может, всей России, показалось мне чудовищным. Я продолжал настаивать на своем предложении, но мои попытки успеха не имели...»

Когда избитого митрополита Владимира 25 января 1918-го бандиты, переодетые в солдат и матросов, поведут в Киевской лавре мимо Успенского собора, чтобы запугать, получить деньги или убить, никто не бросился его спасать. У собора стояла большая группа монахов и паломников. «Все они отнеслись к уходу митрополита совершенно безучастно, — говорит очевидец, — и на призыв какой-то богомолки заявили, что это не их и не ее дело».

Государь Николай Александрович 2 марта 1917 года записал в дневник: «Кругом измена и трусость и обман!» Монархия пресеклась.

Не оставляет мысль, что в роковом Феврале каждому зримо был дан выбор, словно даже и руль корабля России дан был в руки, который можно было ещё и вывернуть, и уберечь страну от надвигавшейся чудовищной бури.

Особенно тяжёлое впечатление, до чувства брезгливости, производит измена великого князя Кирилла Владимировича, который во главе Гвардейского экипажа, украсившись красными бантами, 1 марта присягнул председателю Государственной Думы. Впрочем, он и ранее был замечен склонностью к измене: в 1904 дезертировал из Порт-Артура, получив там нервное расстройство.

Здесь мы не говорим о банкирах, червоточина зримо возникла при премьер-министре Витте, который любил беседовать «с главою дома Ротшильдов — бароном Альфонсом», который, по его словам, из Ротшильдов «в сущности был единственный выдающийся человек».

«Первым солдатом революции», солдатом, изменившим присяге, Временное правительство назвало Тимофея Кирпичникова, старшего унтер-офицера учебной роты. В ночь на 27 он устроил вместе с другими унтерами сговор. Решили: утром откажемся, не пойдём «против народа!» Приказ же от самого Царя повелевал: «...завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны...» Утром они убили офицера, своего командира — штабс-капитана И.С. Лашкевича. Коротенький шнур, ведущий к бомбе, был подожжён. Катков замечает: «Впоследствии офицеров нередко убивали те солдаты, которыми они командовали. Вообще говоря, самое революционизирующее действие на солдат и матросов оказывало именно убийство командира». Лашкевич, по странной записи очевидца, «был убит метко пущенной случайной пулей!»

В революционные дни февраля по Петрограду носился слух, что полицейские стреляют из пулемётов с крыш. Но у полиции не было пулемётов. Слух не подтвердился. Но люди гибли. В последующем и это было взято на вооружение. «Неизвестные снайперы» стреляли в Москве 1993-го, в странах «арабской весны» и на киевском майдане.

Отметим, что участь генералов, предавших Государя, напоминает участь Иуды, предавшего Христа. Иуда раскаялся, но было уже поздно. И они, выполнив своё, стали сатане неинтересны, они не пережили страшного 1918 года.

Начальник генерального штаба генерал Михаил Алексеев, надавивший на командующих фронтами высказаться за отречение Государя, позже даст толчок Белому движению. Но сам умрёт не военной смертью — от воспаления лёгких. Генерал Николай Рузский, задержавший Государя во Пскове и приложивший сверхусилия для отречения, принял лютую смерть в Пятигорске — был зверски зарублен на кладбище красными в числе заложников.

«Первый генерал революции» Лавр Корнилов, бравший под стражу царскую семью, погиб через год после падения монархии. Шальной снаряд залетел в его комнату. Генерал А.И. Деникин записал: «Неприятельская граната попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного. Мистический покров предвечной тайны покрыв пути и свершения неведомой воли».

Соборная клятва

В канун столетия вновь зазвенели бойкие обвинения в адрес Государя Николая Александровича. Традиция давняя.

Звучало даже из уст тех, кому были симпатичны его человеческие черты характера. Георгий Катков, выявляя причины отречения, показал: «Николай II не допускал сознательного подчинения своих решений гневу или страху, да, по всей вероятности, и другим страстям. Его ясное равновесие основано было на убеждении в том, что сердце его — которое, как он считал, «в руках Господних» — чисто. В этом смысле в личности императора был некий элемент святости... Он не был мистиком, который повсюду видит знаки и предзнаменования...» Но, считает Катков, «строгое соблюдение Николаем II велений совести при принятии всякого решения оказывалось удивительно бесполезным, не потому, что совесть его была нечиста, а потому, что он верил в некую как бы волшебную и неизбежную победу справедливых решений просто в силу их справедливости. А это ошибка, так же, как ошибочно верить, что правда восторжествует среди людей просто потому, что она — правда». Историк, по сути, обвиняет императора в том, что тот поступал по совести, укоряя святостью! У Солженицына в «Красном колесе» авторское резюме как резюме горящего прокурора: «Слабый царь, он предал нас. Всех нас — на всё последующее». Александр Исаевич, расчистив в понимании Революции многое, прояснив многое, уже подкатил нас к одной приоткрытой двери, которую осталось лишь толкнуть, чтобы увидеть всё в ясном свете. Но — не толкнул, мимо просквозил.

Солженицын и сам напоминает, что «волю монарха подданные должны выполнять беспрекословно». Ну и как — исполнили? 26 февраля, в памятное воскресенье, Государь направил начальнику Петроградского военного округа С.С. Хабалову, обладавшему всей полнотой власти в столице, телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Не нашлось у них сил, средств, а в себе желания.

Прокурорские нотки в адрес Царя, помазанника Божия — нелепость. Царь — не менеджер в нынешнем понимании этого слова, не президент. Закон для царя — это итоговый документ Земского собора 1613 года. Соборная клятва гласит: «Целовали все Животворный Крест и обет дали, что за Великого Государя, Богом почтенного, Богом избранного и Богом возлюбленного, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всея Руси Самодержца, и за Благоверную Царицу и Великую Княгиню, и за Их Царские Дети, которых Им, Государям, впредь Бог даст, души свои и головы свои положили, и служить Им, Государям нашим верою и правдою, всеми

душами своими и головами. Заповедано, чтобы Избранник Божий, Царь Михаил Феодорович Романов был родоначальником Правителей на Руси из рода в род, с ответственностью в своих делах перед единым Небесным Царем. И кто же пойдет против сего Соборного постановления — Царь ли, Патриарх ли, и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святыя Троицы...»

В кровавой Смуте XVII века Русь вымолила себе Царя. Когда же Русь отказалась от клятвы предков, Царь ушёл.

Не Царь, но народ нарушил клятву.

Не царь отрёкся от престола, но народ отвернулся от престола и предал Царя.

Пожелала Русь в XX веке жить без царя — вольному воля. Дело адово одолело. Не пожелали жить горным, пожили под Сталиным, бичом Божиим, — под управлением «эффективного кризисного менеджера». В конце века, при менее толковом менеджере, государство разорвалось по внутренним административным границам, которые Сталин в своё время не смог или не успел стереть.

Дорвать Россию

Эхо голоса Шиффа гуляет по свету сто лет. Именно Шифф называл Россию «врагом человечества». Его голос слышен в словах Черчилля, назвавшего в 1946 году СССР причиной «международных трудностей», в риторике Рейгана, объявившего Советский Союз «империей зла» и «центром Зла в современном мире». Они всегда убеждали мир в моральном превосходстве Запада над Союзом. То же слышим мы и в речах нынешних западных политиков.

В программе Парвуса 1915 года заложена идея о расчленении России. Был план:

«— Украина: подстрекательство против русского господства за автономию, особенно среди крестьян...

— Финляндия: заняться отделением от России...

— Кавказ: русско-турецкое военное положение благоприятствует сепаратистской тенденции...»

Примечательно, что Закулиса в 1918-м не была вполне удовлетворена итогом русской Революции, завершившейся убийством императора. Вынашивалась идея разорвать русский народ. В сентябре 1918-го полковник Эдвард Хаус, исключительно влиятельный советник президента США Вудро Вильсона, утверждал, что «остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная евро-

пейская часть страны». Эхо этих голосов вдохновило академика Андрея Сахарова. Его Конституция утверждала: «Россия разделена на четыре экономических района — Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций...» Сахаров и стоящие за ним в своих мечтаниях были — что касается России — солидарны с Бакуниным, который грезил о разрушении государств и создании на их месте свободных автономных обществ, организованных «снизу вверх». На территории исторической России «сахаровцы» желали видеть множество республик, причём: «Границы между республиками являются незыблемыми первые 10 лет после Учредительного Съезда. В дальнейшем изменение границ между республиками, объединение республик, разделение республик на меньшие части осуществляются в соответствии с волей населения...». Атомизация России и ныне на повестке дня мировых и внутренних авантюристов: «Колоссальные естественные богатства Сибири несправедливо принадлежат одной России»...

И они не обязательно столь умны, как Парвус, и не столь прекраснодушны, как Сахаров, и не столь жуликоваты, как Чубайс и вся его плутолицая гвардия 1990-х. Это же и в речах украинских политиков: «Самым главным врагом Украины остается Московская империя. Если она не распадется, нашей стране не будет покоя. Украинцам стоит приложить все усилия для того, чтобы разделить Россию на части». В головах русских либералов подобные мысли цветут пышным цветом.

Покаяние

Почему Господь, попустив по грехам нашим смуты, голод, эпидемии, войны, дал России выжить? Что есть такого в русском человеке, в человеке Святой Руси, что ещё даёт нам шанс исполнить волю Божию в истории мира?

Николай Гоголь, поясняя, за что любит русский народ, поделился наблюдением: русский человек может очень быстро покаяться и преобразиться. Часть декабристов покаялась, распознав в своей дерзости грех, состоящий в нарушении заповеди «не убий» и высшего установления не прикасаться к помазанникам Божиим. Памятны свидетельства: на каторге Нерчинских заводов, не имея возможности ходить в церковь, целая группа декабристов объединилась в религиозную «конгрегацию» (во главе с П.С. Бобрищевым-Пушкиным) «для чтения и обсуждения Евангелия и других

книг Священного Писания». Многое зависело от духовенства, призванного окормлять сидельцев. В Петропавловской крепости выдающуюся роль сыграл иерей о. Пётр Мысловский. Он явил себя политическим преступником буквально живым Евангелием. Следственная комиссия позже констатировала, что о. Пётр «трудами своими, терпением и отличными способностями действовал с успехом на сердца преступников, многих из них склонил к раскаянию и обратил к вере». Открытого безбожника И.Д. Якушкина, человека яркого и даровитого, о. Пётр убедил исповедаться, М.И. Муравьева-Апостола, впавшего в отчаяние, отговорил от самоубийства. Трое из пяти приговоренных к казни (К.Ф. Рылеев, М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. Муравьев-Апостол) добром помянули о. Петра в предсмертных письмах и завещаниях. Рылеев в прощальном письме восклицает: «Благодарю моего Создателя, что Он меня просветил, и что я умираю во Христе...» Лютеранин П.И. Пестель на эшафоте попросил от о. Петра предсмертного благословения. В последнем письме он пишет несчастным родителям: «Я должен был раньше понимать, что необходимо полагаться на Провидение, а не пытаться принять участие в том, что не является прямой нашей обязанностью в положении, в которое Бог нас поставил, и не стремиться выйти из своего круга. Я чувствовал это уже в 1825 году, но было слишком поздно!»

В смуту 1905—1907 годов Русь вновь выиграла духовную битву, государство воспрянуло. По сравнению с 1905-м в 1913-м количество монастырей выросло с 860 до 1005, число монашествующих — с 63 тысяч до 92 тысяч человек. Духовенство активно участвовало во вразумлении народа, в том числе поддерживая русские монархические организации, занимая в некоторых руководящие посты. Вероятно, указ, запрещающий духовенству заниматься политической деятельностью, изданный Св. Синодом в 1913 году, был ошибкой.

Здесь непременно стоит сказать и о судьбе председателя Петербургского Совета рабочих депутатов Г.С. Носаря (Хрусталёва). О жизни в эмиграции (после суда и побега из ссылки) он вспоминал: «... всё разнообразие новой жизни не могло подавить во мне любви к России... Под давлением тоски я решил вернуться в Россию, воспользовавшись Высочайшим указом Сенату от 21 февраля 1913 г...» Носарь был родом из Переяславля (Хмельницкого), что близ Киева. За любовь к России бывшие товарищи его ненавидели. Им не нравилось, что Хрусталёв, вспоминая о своём председательстве, сетовал: по каждому вопросу вынужден был обращаться к Троц-

кому (тот имел рычаги влияния). Ненавидели и за то, что Носарь открыл: «товарищеская» эмиграция состоит на 95% из евреев. При этом трепетал от любви к России: «Как подсолнечник органически тянется за солнцем, так я стихийно тянулся из прекрасного далека за Великой Россией, откуда я был выброшен отливом революционной волны. Ностальгия по родине и боль по ней особенно остро сказывались в каникулы великих праздников — Рождества и Пасхи... Недоставало русского быта, хотелось увидеть русские степи и леса, нашу Волгу и наш Днепр, услышать настоящую народную русскую песню, влиться в толпу русских богомольцев, исколесывающих Русь из года в год от св. Сергия Радонежского до Антония и Феодосия Печерских, от Соловецких святых до Митрофания Воронежского, от Почаевской лавры до Серафима Саровского, хотелось окунуться в русскую жизнь, попасть в битком набитый публикой третьеклассный вагон, только во что бы то ни стало быть на родине».

Передают смысл одного любопытного высказывания Сталина о русском народе во время Великой Отечественной: «Вы думаете, они воюют за нас, за коммунистов? Нет, они воюют за свою матушку Россию». В ходе войны Сталин, как было замечено, стал более похож на потомка Суворова и Кутузова, нежели на наследника Ленина и Троцкого.

Двухсотлетний революционный опыт показывает — без постороннего злого влияния русский человек рано или поздно возвращается к Богу. Русский человек воскресает, обретая почву, понимая и исправляя свои ошибки.

Чем побеждать будем

Есть на свете мелкое живое существо, называется: муравей огненный красный импортный (по-латыни *Solenopsis invicta*), обладающий мощным вкусом и убийственным ядом. Это живучее, как бес, крошечное чудовище плодовито и готово заселить собой всю Землю, видя в этом ещё и мессианскую задачу. Оно смертельно опасно для людей, имеющих некоторые внутренние болезни. Святая Русь столкнулась с аналогом этой твари. Не будь у России внутреннего нездоровья, сгорел бы муравей в своём собственном пламени. Не сгорел.

Мы видим: сатанинская огненная сила выкатывает на финишную прямую, расчищая себе дорогу, стравливая всех со всеми — русских с малороссами, христиан с мусульманами, беженцев с аборигенами, либералов с традиционалистами, отвлекая внимание от своей огневой деятельности. Про-

тивопоставить создаваемому хаосу мы можем только нравственную силу и опыт предков, осознав свою миссию в этом мире. Ради этого Господь — как мы смеем думать — и хранит нас, любя и направляя. Сопереживанием России, мыслями о ней, в мире живут многие люди — это люди Святой Руси.

Немецкий философ Вальтер Шубарт в своей дивной книге «Европа и Душа Востока» напоминает: «Мессианское жизнеощущение русских восходит к XVI столетию. Впервые оно появляется у религиозного писателя старца Филофея. От него исходит учение о Москве как о Третьем Риме... Мессианской является русская национальная идея — от Священного Союза Александра I до большевистской пропаганды освобождения мирового пролетариата. Меняются формы её проявления, но для острого взгляда очевидна её неизменная сущность». С этим надо согласиться, уточнив, что с каждой эпохой во взгляде на национальную идею как бы наводится резкость, взгляд фокусируется, сосредотачивается на предмете, на цели. Владыка мира корректирует наше зрение.

Православный мыслитель Геннадий Шиманов пришёл к пониманию, что красная идея — «это не только безбожие и величайшая в мире гроза, это также и некая тайна и орудие Божьего Промысла».

В 1938 (!) году Шубарт высказался так: «Быть может это и слишком смело, но это надо сказать со всей определенностью: Россия — единственная страна, которая способна спасти Европу и спасет ее, поскольку во всей совокупности жизненно важных вопросов придерживается установки, противоположной той, которую занимают европейские народы. Как раз из глубины своих беспримерных страданий она будет черпать столь же глубокое познание людей и смысла жизни, чтобы возвестить о нем народам Земли. Русский обладает для этого теми душевными предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов».

Каков же путь? Сейчас вновь заговорили об идее «справедливости», которая является притягательной силой. Социальная справедливость — «свобода, равенство, братство»? Химеры притягательны. Но можем ли мы повторить слово в слово вслед за Виктором Гюго: «Единственное, чего мы ждем от будущего, единственное, чего мы хотим, — это справедливость»? Горделивая фраза начертана на памятнике братства в Париже на кладбище Пер-Лашез. Такое на православном кладбище и представить невозможно! Христос говорил фарисеям и книжникам, мудрецам Израиля: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы?» Вот и Пушкин

милость к падшим призывал, как и все мы призываем в молитве: «Господи, буди милостив мне, грешному!»

Нет, Россия — не Европа, но особый континент — Святая Русь. Сердечные речи о справедливости хороши, но не для знамени, не для хоругви. Русский скорее скажет: «Справедливость — оно б и недурно. Но на то и шука, чтобы карась не дремал. А как без шуки русскому человеку в рай попасть?» Мудрец, услышав подобное, мозги сломает.

Святая Русь — не романтико-фольклорная придумка, но неизменяемая во времени матрица народного и государственного идеала. Святая Русь — достижимый идеал земной жизни, ступенька к спасению в вечности, шаг к воротам в рай Божий. Это чувствуют некоторые, находясь и на другой стороне планеты, что и делает Русь притягательной, а условную «партию» Святой Руси — всемирной.

Но речь следует вести и о создании глобальной структуры, возможно, уже на основе некоторых, уже имеющихся. Ближайшая цель — воссоединить разделённый русский народ, объединить русские земли, твёрдо заявив об особой миссии Русского мира, призванной вернуть человеческому сообществу нравственный закон, данный Богом. Благонамеренному человечеству, тяготеющему к жизни по правде, не на кого больше надеяться на Земле, кроме как на русский народ, на Святую Русь. Жить по иным законам — гарантированная гибель в королевстве «огненных насекомых».

ЗАГОВОР

ГЛАВЫ РОМАНА-ЭПОПЕИ «ЖЕРНОВА»

Глава 1

Молодой человек высокого роста, с весьма привлекательным, но изнеженным и даже несколько порочным лицом, стоял у ограды Летнего сада и жадно курил тонкую папироску. На нем были кожаная куртка военного покроя, бриджи, сапоги и фуражка с черным артиллерийским околышем. Он то ли ждал кого-то, то ли не знал, что делать и куда идти.

Почти напротив того места, где стоял молодой человек, высилось массивное трехэтажное здание, занимающее угол Адмиралтейского проспекта и Гороховой улицы, всем известная так называемая «Гороховка», где помещалась Петроградская Чека — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Полуденное солнце искоса освещало ту часть здания, что выходила на Гороховую, отражалось в окнах, за которыми вершилась тайная воля новой власти, менее года назад установившейся в России в результате вооруженного октябрьского переворота, совершенного большевиками.

Молодой человек только что вышел из этого здания, был заметно

ПРОЗА

взволнован и, точно продолжая прерванный спор, время от времени пожимал плечами, кривя чувственные губы. И волноваться у него имелась веская причина: не так давно Чека арестовала несколько его товарищей по Михайловскому артиллерийскому училищу, арестовала, как казалось молодому человеку, без малейшего на то основания, вменив им в вину заговор с целью насильственного свержения советской власти.

«Это ж надо: насильники против насилия! — при этой мысли молодой человек брезгливо опустил углы губ и качнул головой. — Им, значит, можно насиловать, а другим — упаси бог».

Молодой человек знал наверняка: заговора, в полном смысле этого слова, не было, хотя все его товарищи, и он сам, советскую власть не признавали, большевиков считали узурпаторами и немецкими прихвостнями, а были всего-навсего разговоры в тесном кругу о том, что власть эту необходимо скосырнуть, что для этого надо решительным образом объединить все истинно демократические и патриотические силы. Однако никто из них не знал, как это сделать, а главное — кто бы мог выступить застрельщиком в этом благородном начинании. Все недавние вожди новой, то есть демократической, России показали свою несостоятельность, при первой же опасности разбежались кто куда, оставив народ на произвол узурпаторов в лице Ленина, Троцкого, Зиновьева, расхристанной солдатни и матросни.

И вот кто-то из своих же донёс об этих разговорах...

Всё это ужасно мерзко, а главное — не знаешь, кому теперь можно доверять.

Полчаса назад молодой человек пытался втолковать председателю Петрочка Моисею Соломоновичу Урицкому, что так нельзя, что это незаконно и даже бессмысленно, потому что... какой там уже заговор! — так, мальчишеская болтовня. И почему тогда не арестовали его, Леонида Каннегисера? Ведь он тоже участвовал в этих спорах-разговорах, следовательно, тоже заговорщик!

— Надо будет, и тебя арестуем, — ответил Урицкий, с презрительной ухмылкой глядя на молодого человека сквозь круглые стекла пенсне, по-птичьи склонив набок круглую голову с выпирающими надбровными дугами.

С председателем Петрочка — он же народный комиссар внутренних дел Северной коммуны — Леонид Каннегисер знаком... не то чтобы близко, нет, но сталкивался с ним еще в ту пору, когда шла подготовка к выборам в Учредительное собрание. Тогда Урицкий отвечал от партии большевиков за

эти выборы, а молодой человек принимал в них участие от Трудовой народно-социалистической партии. Ну и — как бы это сказать? — все-таки оба евреи, общие корни и тому подобное. К тому же отец молодого человека — известный инженер-кораблестроитель, и дед его тоже, за что и получили от царя-батюшки русское дворянство. И хотя никто из них не принял православия, оставаясь в иудейской вере, пользовались в Петрограде — в недавнем времени Санкт-Петербурге — большим и заслуженным авторитетом, так что и сам молодой отпрыск рода Каннегисеров вовсю пользовался — в свою очередь — авторитетом, накопленным его предками на службе российской монархии.

Это был не первый разговор между молодым Каннегисером и председателем Петрочека, но такой же бессмысленный, то есть для обоих совершенно бесполезный. И происходили эти разговоры до сих пор в кабинете Урицкого на третьем этаже в доме №6, что на Дворцовой площади, где располагался Комиссариат внутренних дел Северной коммуны. Сегодня же Урицкий принял его на Гороховой, выкроив полчаса между допросами. Но если раньше каждый из них во время этих встреч пытался доказать свою правоту, то на этот раз разговор велся на повышенных тонах, в основном со стороны молодого человека, так что Урицкий, не выдержав, велел Каннегисеру убираться ко всем чертям и больше не показываться ему на глаза, иначе он, Урицкий, за себя не отвечает.

Некоторое время они молча смотрели в глаза друг другу, затем молодой человек круто повернулся и пошел к двери. Но в дверях задержался, искоса глянул на хозяина кабинета: тот сидел за огромным столом, за которым когда-то сидел Петербургский градоначальник, однако отсюда, от двери, новый хозяин этого кабинета казался таким маленьким, таким невзрачным, таким, можно сказать, ничтожным, что трудно было поверить в дьявольскую силу его власти.

— Если с моих товарищей упадет хотя бы один волос... хотя бы один... — произнес Каннегисер с кривой ухмылкой на побледневшем лице и закончил почти шепотом: — Я... я вас... убью. Клянусь честью дворянина.

Открыл дверь и вышел.

Конечно, сказал он эти слова сгоряча, хотя лишь повторил то, что незадолго до этого говорил своим товарищам по училищу, — тем, кого не коснулись аресты. И тоже в запальчивости. Однако слово не воробей: надо, действительно, что-то делать. Тем более что ты на свободе, а твои друзья... И наверняка думают, что в их аресте виноват именно ты, Леонид

Каннегисер, потому что... потому что твой старший брат Сергей, как оказалось, был провокатором, то есть доносил полиции на своих товарищей эсеров, а когда его провокаторство открылось, взял и застрелился.

С тех пор черная тень брата-самоубийцы неотвязно стоит за твоей спиной, когтит твою совесть. Избавиться от нее можно, лишь окропив кровью Урицкого жертвенный алтарь свободы. Тем более что этот Урицкий... он совершенно обнаглел: готов ради своих химер уничтожать всех, кто с этими химерами не согласен. И это не просто домыслы: о страшных и тайных делах, творящихся на Гороховой, говорит весь город с содроганием, списки расстрелянных вывешивают в людных местах и печатают в «Красной газете», официальном органе Северной коммуны. Более того: из-за этого евреи стали пугалом для русского обывателя, вызывают ненависть и презрение. Дело может дойти и до погромов. И всё лишь потому, что в Петрочека верховодят евреи же, их грязные делишки заставляют вспоминать жуткие библейские истории времен царя Давида...

Ну и, наконец, честь дворянина, будущего офицера...

Вот только будет ли это будущее? Но если за него не драться...

На противоположной стороне Адмиралтейского проспекта остановился господин лет пятидесяти, с узким лицом, которое почти до носа прикрыто серым кашне, в черном длинном плаще, в черной же шляпе и с тростью. Ярко светило солнце, но было по-осеннему прохладно, и все-таки мужчина странно выглядел в своем черном одеянии... если только он не носил по ком-нибудь траур. Этот странный господин некоторое время наблюдал за молодым человеком, затем решительно пересек проезжую часть, по которой, впрочем, мало кто ездил в это неспокойное время, приблизился к молодому человеку и, приподняв шляпу, спросил:

— Господин Каннегисер?

— Да. Чему обязан?

— Хотелось бы поговорить с вами по делу, которое до вас сейчас особенно уже касается.

— А до вас? Простите, не имею чести знать уже вашего имени...

— Если бы так не касалось и до меня, я бы к вам уже и не обратился. Что же касается до моего имени, то это не столь уже и важно. Важнее другое: мы с вами евреи, нам надо действовать сообща.

Молодой человек брезгливо поморщился, выражая явное неудовольствие оттого, что ему, русскому дворянину, в пос-

леднее время слишком часто тычут в нос его еврейством, однако это неудовольствие ничуть не смутило черного господина, по выговору которого можно точно определить, что он из Одессы.

— Таки давайте пройдем уже с вами в сад, посидим, поговорим, — настойчиво предложил черный господин. — Поверьте, нам уже таки есть за что поговорить.

Каннегисер передернул плечами, но спорить не стал, и они прошли — один за другим — вдоль ограды, вошли в настежь распахнутые ворота и сели на первую же чугунную скамью.

— Итак, я вас слушаю, — нетерпеливо произнес Каннегисер, добавив: — Учтите: у меня мало времени.

— Это таки не имеет значения. Да я вас и не задержу, — усмехнулся черный господин и протянул Леониду «Красную газету». — Не читали?

— Нет. А что там?

— Гляньте-таки уже сюда.

Леонид взял газету и увидел на второй странице сообщение о расстреле заговорщиков против советской власти. И среди них фамилии своих товарищей по училищу: Кузьмин, Сорокин, Журавлев, Перельцвейг... Значит, когда он разговаривал с Урицким, их уже не было в живых... Боже мой, если бы он знал...

Каннегисер даже задохнулся от столь неожиданного известия — оттого что его провели за нос как... как мальчишку, что он даже не мог предположить, чем всё это обернется на самом деле, хотя Урицкий и его ведомство давно показывают себя во всей своей дьявольской неукротимости. Но то касалось других, а теперь коснулось тебя самого, и ты ничего не сделал, чтобы предотвратить...

Леонид встал, постоял в раздумье, сел, достал портсигар, вытащил непослушными пальцами папиросу, долго не мог зажечь спичку, наконец закурил, откинулся на спинку скамьи: он был потрясен, растерян, подавлен, не знал, что делать: сейчас ли вернуться в Чека и застрелить Урицкого, или...

— Я таки знаю, — заговорил черный господин сочувствующим тоном, тоже закулив папиросу, — что вы только что от Урицкого. Мне таки известно, за что между вами шел уже разговор. И чем он уже закончился. Так вот...

Господин выпустил дым изо рта, глядя на шпиль Адмиралтейства, вокруг которого с криками метались вороны и галки, при этом слегка задрал голову, обнажив спрятанную в шарф часть черной с проседью бороды. Затем продолжил:

— Так вот, я и говорю: ваше решение мы таки вполне одобряем...

— Какое решение? — подался к черному господину Каннегисер, до которого не сразу дошел смысл сказанного.

— Ваше решение убить Урицкого.

— Откуда вы знаете?

— Нам таки положено знать уже все, — отрезал господин. — И не задавайте лишних вопросов. У нас...

— У кого это — у вас? — раздраженно перебил черного господина Каннегисер, не обращая внимания ни на его предупреждение, ни на его категорический тон. В эту минуту он ненавидел не только Урицкого, но и этого господина, и всех-всех-всех, потому что никто из них не сделал ничего, чтобы предотвратить это отвратительное убийство. Он ненавидел и самого себя — за то же самое. — Я не люблю, когда со мной играют в прятки, — отрезал Леонид, хотя сейчас ему было совершенно безразлично, играют с ним или нет.

— У нас — это у нас, мой друг, — усмехнулся господин одними губами, в то время как глаза его, черные, с голубоватыми белками, смотрели строго и не улыбочиво. — Так вот, у нас есть до вас предложение... пожелание, просьба, требование... рассматривайте это, как вам уже будет угодно. — И снова выпустил дым изо рта, сложив губы куриной гузкой. Он явно никуда не спешил, незаметно втягивая Каннегисера в свою игру.

— И все-таки... позвольте вопрос? — не выдержал юнкер.

— Ну-с?

— В чем ваше требование? И почему вы стоите за этот театр?

— Что ж, эти вопросы с вашей стороны вполне уже правомерны. И я таки вам на них отвечу. Начнем со второго вопроса. Мы знаем, что покушение на Урицкого всё равно состоится. Мы знаем, что это покушение намечается со стороны черносотенцев. А это откроет плотину для еврейских погромов. Если же известное вам лицо будет убито евреем, то русские увидят, что не все евреи думают одинаково с товарищами Урицким, Зиновьевым, Троцким и прочими. Это таки внесет расстройство в ряды наших врагов. Что касается до наших требований, то они заключаются в том, чтобы вы исполнили свой приговор тридцатого августа. Ни днем раньше, ни днем позже. Я думаю, что трех дней для подготовки акции вам таки будет уже вполне достаточно.

— Почему именно тридцатого?

— Потому, что так уже нужно. Зато я вам обещаю, что если вас арестуют, мы сделаем со своей стороны всё, чтобы вас освободить. Или, во всяком случае, не тронули уже ни ваших родственников, ни ваших друзей и знакомых. И, наконец,

последнее. Уверяю вас, что, совершив эту акцию, ваше имя войдет в историю... Евреи всего мира будут вас помнить и молить за вас бога.

— Мне слава не нужна, — отрезал молодой человек, хотя думал о своем будущем почти теми же словами, какими обрисовал его черный господин. — Что касается сроков... я подумаю, — произнес он, хмуря свой юношеский лоб.

— Надеюсь уже, что пяти минут вам таки хватит?

Каннегисер покосился на черного господина. Затем перевел взгляд на шпиль Адмиралтейства. Вокруг него по-прежнему летали галки и вороны. И в голове, подобно чем-то обеспокоенным птицам, крутились какие-то слова, ритмические строчки, фамилии расстрелянных, но ничего серьезного, то есть ни о чем таком решительно не думалось, хотя все это странно и непонятно. Если же в голове и появлялись какие-то полумысли, то тут же и пропадали, точно испугавшись стать мыслями. Да и о чем думать? Всё давно обдумано и решено. Этот Урицкий — омерзительнейший тип, ему не место на планете Земля. И потом... после убийства Урицкого и его, Каннегисера, смерти... — а он, Леонид, знает наверняка, что тоже погибнет, — люди взбодрятся, почувствуют угрызение совести за свою бездеятельность, покорность и равнодушие к судьбам отечества... Да, именно Отечества. К тому же он смоеет позор со своей фамилии, навлеченный на нее старшим братом. А тот факт, что этот черный господин хочет, чтобы акция возмездия совершилась тридцатого, так пусть будет тридцатого. Лично для него, Леонида Каннегисера, это не имеет ни малейшего значения. Более того, появилась определенность, не придется откладывать в долгий ящик исполнение решения, мучиться сомнениями.

Черный господин вынул из нагрудного кармана часы, многозначительно щелкнул крышкой.

Каннегисер вздрогнул, обернулся к господину, произнес слегка охрипшим от волнения голосом:

— Я согласен.

— Я за это ни минуты уже не сомневался, мой юный друг. Теперь мы будем следить за каждым вашим шагом.

— Зачем?

— Чтобы уберечь вас от ошибок. — И спросил: — У вас есть оружие?

— Да.

— Что за оружие?

— Кольт.

— Это очень громоздкое оружие. Возьмите вот это.

С этими словами черный господин протянул молодому человеку браунинг. Тоже черный, который целиком уместился на ладони будущего террориста.

— Пули в нем отравленные и надпиленные, — предупредил черный господин. — Но лучше все-таки стрелять с близкого расстояния.

Затем поднялся, слегка поклонился, тронув рукой поля своей черной шляпы. На среднем пальце зловеще блеснул массивный перстень с черным камнем. Черный человек повернулся и пошел прочь слегка раскачивающейся походкой.

Молодой человек долго смотрел ему вслед, пока черная фигура не скрылась из виду. Он вспомнил, что видел такой же перстень у кого-то из знакомых своего отца. Кажется, у бухгалтера отцовской конторы Юлия Иосифовича Лепы. К тому же слышал краем уха, что этот перстень свидетельствует о принадлежности к какой-то масонской секте, что Керенский, говорят, тоже был масоном, а может быть, продолжает состоять в этом ордене, и множество других, кто еще недавно толпился вокруг опустевшего трона Романовых.

Боже, как много скрывается от людских глаз того, что движет или пытается двигать историей России! И как трудно распознать в этом бедламе ее друзей и врагов!

Молодой человек потер лицо обеими ладонями, пытаясь сосредоточиться. Что-то в разговоре с черным господином ему не понравилось. Но что именно? Он слово за словом перебрал в уме весь разговор и споткнулся на фразе: «Если же известное вам лицо будет убито евреем...» Из этих слов следует, что новая власть будет знать, кто убил Урицкого. И не только власть, но и общество. Откуда? Он, Леонид, не собирается отдавать себя в руки этой власти. Более того, он собирается сразу же уехать из Петрограда. Куда? Он еще не решил. Но, скорее всего, на юг, где, по слухам, накапливаются силы для борьбы за светлое будущее России. Лучше всего в Одессу: там много друзей, оттуда легче, в случае чего, сбежать за границу. Следовательно... Следовательно, либо кто-то донесет на него, либо его арестуют сразу же после теракта.

А еще черный господин сказал, что они будут контролировать каждый его шаг. Зачем? Чтобы он не смог избежать ареста? Или остаться в живых?

Впрочем, какое это имеет значение? Лично он готов ко всему. Даже к смерти. Во всяком случае, всегда надо готовиться к худшему. Так что пусть следят. Но он постарается вывернуться. Умирать в двадцать три года — глупо. Тем более что он еще полностью не раскрыл свои возможности. А когда он

будет далеко от Петрограда, сам поведаёт миру о совершенной им акции возмездия.

И Каннегисер огляделся, но не увидел поблизости ни единой живой души, которая должна за ним надзирать. И вообще ничего не изменилось в мире за те минуты, что он разговаривал с черным господином. Всё так же ярко светило солнце, в кронах лип с тяжелой листвой шумно возились воробьи. Разве что стало заметно теплее да вороньё угомонилось и перестало летать вокруг Адмиралтейского шпиля.

В церквах зазвонили, созывая верующих на полуденную молитву...

Леонид Каннегисер, хотя и оставался иудеем, но, в то же время, был юнкером православного воинства, а это накладывало определенные обязательства, пусть формальные, но... но не отгораживаться же от своих товарищей по оружию, с которыми завтра, быть может, ему идти в смертельный бой. Да и какая разница, кто как молится богу! Если он существует, то один на всех.

И Леонид, сняв фуражку, перекрестился и побрел в сторону выхода из Летнего сада.

Если в мире ничего не изменилось, то что-то буквально перевернулось в нём самом, Леониде Каннегисере. Да вот беда: он никак не может найти нужных слов, чтобы определить этот переворот. Зато вспомнилось недавно им же написанное:

*И если, шатаясь от боли,
К тебе припадую я, о, мать,
И буду в покинутом поле
С прострелянной грудью лежать,
Тогда у блаженного входа,
В предсмертном и радостном сне,
Я вспомню — Россия, Свобода,
Керенский на белом коне...*

Молодой человек был известным в Петрограде и Одессе поэтом-романтиком. К тому же одно время работал личным секретарем Александра Федоровича Керенского, министра-председателя Временного правительства России. Но не удержался на этой должности: такие должности не для поэтов. И все-таки то было светлое время. Светлое и счастливое. Но народ... народ не оценил это время, не оценил людей, желавших ему свободы, равенства, братства. Ему, народу, не желающему воевать за свободу отечества, подавай хлеб, землю, что-то еще, такое же приземлённое, материальное, что из века

в век было исключительной потребностью всех рабов. И всё это низменное большевики народу пообещали, не задумываясь о последствиях. И вот случилось то, что случилось. Но ничто в мире не вечно, всё преходяще...

И Леонид с надеждой погладил пальцами рубчатую рукоять браунинга.

Глава 2

Через четверть часа Каннегисер в задумчивости поднимался по ступенькам Исаакиевского собора. Он и сам не знал, что привело его сюда. И уж, конечно, не любопытство. Тогда что? А-а, нуда: расстрелянные. Почти все его товарищи были православными. Даже Перельцвейг. Поминальные свечи — вот что надо сделать в первую очередь. И заказать заупокойную. Родные — само собой, а ты... ты... Чтобы души их...

*Плачет дома мать. Кругом семья
Причитает, молится и кается,
А по небу легкая ладья
К берегам Господним пробирается... —*

пришли на ум строки из собственного стихотворения. А еще удивление: его товарищей, не успевших совершить главное, уже нет на свете, а он всё еще жив, дышит, смотрит, думает... О чем? О чем думать в этой черной ночи, которая покрыла Русь от края до края? В то время как в недавно покинутом им здании продолжает вершить неправое дело маленький еврей, уже приговоренный к смерти. И не только им, Леонидом Каннегисером, — историей! И этот приговор будет приведен в исполнение... Тридцатого.

Тридцатого — до Судного дня целая вечность. Куда ее деть? И как ее прожить, чтобы не уронить в глазах Будущего образ Святого Мстителя, определенный ему Судьбой?.. А, впрочем, какое это имеет значение? Имеет значение сам факт, который еще должен таковым стать. А пока... пока по старой русской традиции надо завиться веревочкой, чтобы чертям стало тошно. Есть тут недалеко одно злачное местечко, куда открыт вход только для избранных: девочки, мальчики... цыгане... Забыться, забыть... Всё к черту! Может, в последний раз...

— Каннегисер! Лева! Ты ли это? — вскричал молодой человек, почти одних лет с Леонидом, разве что чуть постарше, но плотный, низкорослый, губастый, розовощекий, тоже оде-

тый в кожаную куртку, но остальное всё не то: вельветовые штаны, американские ботинки на толстой подошве.

— Исак? Не может быть, — произнес Леонид равнодушно, узнав в толстогубом Исаака Бабеля, с которым познакомился в Одессе, дай бог памяти, году в пятнадцатом. Да-да, именно три года тому назад, когда еще ни о каких революциях не было и речи. В ту пору русская молодежь рвалась на фронт, поветрие сие захватило и многих молодых евреев из обеспеченных семей, но брали далеко не всех. Потом возникла острая необходимость в младших офицерах, убыль которых была страшная, немцы наступали, русской революции грозила опасность, и Леонид пошел в юнкера. А Бабель... он, кажется, тоже пописывал... вроде бы рассказы...

— Таки узнал? А я тебя узнал-таки сразу же. И глазам своим не поверил, — тараторил Бабель, тряся Леонида за рукав куртки. — И что такой уже скучный? А? Девоч мало? Или тебя девки уже не интересуют? Мальчики? И почему таки сюда? Ты приняв православие?

— Нет, я не принял православие, — ответил Леонид, мрачно разглядывая Бабеля из-под козырька юнкерской фуражки. — У меня только что... нет, не только что... я только что узнал: в Чека расстреляли моих друзей... Хочу поставить свечи...

— А-а, ну-у... вот как... — в растерянности заморгал Бабель выпуклыми глазами. Затем снова встрепенулся, предложил: — Тогда пойдем вместе. А я, видишь ли, пришел сюда посмотреть и послушать: сказали, что будет выступать сам святейший патриарх Тихон. Интересно, за что он уже будет говорить... Ты же знаешь, я работаю в «Красной газете»... вернее сказать, подрабатываю... — И Бабель хихикнул, прикрыв ладонью рот.

— Не знаю. Я не читаю ваших газет, — отрезал Леонид.

Однако отчужденный тон его не смутил Бабеля.

Они вошли внутрь собора. Народу было не так уж и много, и всё больше старики да старухи, отставные полковники, пара генералов, чиновники, девочки в белых платьицах.

Пророкотал на низших регистрах бас соборного дьяка.

На хорах рыдающими голосами откликнулись певчие «Покаянной молитвой о Руси» композитора Петра Чайковского:

*С сердцем покаянным,
с пламенной молитвою-ууу
припадем к Создателю-ууу.
Боже, храни родную Ру-усь.*

Басы и баритоны мерным рокотом раскатывались между колоннами, тенора забирались под самый купол собора, сыпались оттуда серебряным дождем...

*Божье промышленье
скорби посылает ей
за грехи сы-но-вни-еее.
Боже, спаси родную Ру-усь.
Боже, прости е-е-ооо,
Боже, храни е-е-ооо.*

Бабель остался возле колонны, Каннегисер прошел вперед, где плавал лиловый дым кадилниц.

Певчие уже не молитву пели, а плач, затапливая слезами маленькие фигурки молящихся:

*Много в удел ей дано испытани-ий,
Много дано ей еще пережи-ить.
Дай обновлени-е,
дай уповани-е,
доблесть и силу ее возроди-ить.
Боже, храни родную Ру-усь...*

Леонид прошел к алтарю, поставил несколько свечей, зажег их, стоял, крестился, слушал молитву, по щекам катились слезы...

В училище на общей утренней молитве он всегда стоял в строю, пел вместе со всеми. «Покаянная молитва о Руси» в последние месяцы была любимой в училище, ее пели с особым вдохновением...

Пели... Всё в прошлом...

После ареста «заговорщиков» занятия в училище прекратились и, скорее всего, навсегда. Впрочем, это уже не имеет никакого значения. Потому что юнкер Каннегисер свой первый и единственный бой назначил себе сам и примет его. А Бог должен помочь ему этот бой выиграть. И не важно, какой Бог: православный или иудейский.

Патриарх Тихон, ветхий старец с белой бородой, полусидел в золоченом кресле, облитый шелком лиловой рясы, окруженный служками. Он тоже открывал рот и время от времени крестил прихожан золотым крестом с изумрудами. Прихожане кланялись, крестились, подходили к ручке святейшего, лобызали. На всех с хоров изливался могучий бас соборного дьяка:

Боже, храни родную Ру-усь...
Боже, храни ее-ооо...
Боже, спаси ее-ооо...

Ему, рыдая, вторил хор.

Забыв о Бабеле, Каннегисер дослушал молитву до конца, покинул собор и пошагал в сторону Адмиралтейской набережной.

Бабель догнал, пристроился рядом, зататорил:

— Им уже таки недолго осталось... всем этим графьям, архиереям и прочим. Они себе думают, что вымолят у своего Бога возвращения к прошлому. Идиоты! Гнездо заговорщиков. Ничего, Чека скоро наведет порядок и здесь... Я недавно побывал в морге на Выборгской стороне — ужас! Расстрелынные свалены в штабеля... Кого там только нет...

— Чему ты радуешься?

— Я? Радуюсь? — смутился Бабель. — Нет! Наоборот — жуть берет. Вони-ища-ааа! Зимой еще ничего, а сейчас... Я к тому, что газетчик должен всё видеть, ко всему привыкнуть, ко всем, так сказать, изнанкам жизни... И, знаешь, щекотит. Да! Я еще не видел, как расстреливают, но посмотрю обязательно...

— Не забудь попробовать...

— А-ааа... Н-нет, пожалуй, нет. Не смогу. Хотя, впрочем... Куприн говорил, что писатель всё должен попробовать. Всё! Даже родить, если получится... Хах-хи-хи! — поперхнулся он коротким смешком. — Чтобы описать для потомства во всех подробностях. — Но заметив, что Каннегисер хмурится, сменил пластинку: — Впрочем, всё это ерунда... Я слышал — твой брат застрелился? Нет? Болтают всякое... Он ведь был членом Петросовета? Так? В Одессе за это таки много говорили... Ну а ты? Что пишешь?... У нас тут много одесситов. Собираемся иногда, разговариваем... Думаю податься в Москву: там сейчас решается всё. А здесь... — пренебрежительный взмах рукой. — Хочу пойти к Горькому... Чёрт знает что! Не печатают! Нет, в газете кое-что, но так, мелочь уже, а хочется большого, настоящего, — тараторил без умолку Бабель.

Каннегисер шел молча, казалось, не слышал, что ему говорят. И всё убыстрял и убыстрял шаги, так что коротконогий спутник его, чтобы не отстать, вынужден был трусить рядом, подпрыгивая, хватая Леонида за рукав.

— Извини, — промолвил Каннегисер, неожиданно останавливаясь и отрывая руку Бабеля от своего рукава. — Я спешу. — Пошагал дальше и скоро исчез за поворотом.

Бабель некоторое время смотрел недоуменно вслед быстро удаляющейся фигуре, пожал плечами: эти Каннегисеры... они всегда были снобами. Кому-кому, а им революция поперек горла. Ну и чёрт с ними!

Глава 3

— Эй, х“аждани-иин! — окликнул Бабеля мужской голос с тем неистребимым малороссийским, местечковым акцентом, по которому говорящего тотчас же можно выделить из всех, изъясняющихся на русском языке.

Бабель обернулся.

На противоположной стороне улицы стояли два солдата в фуражках без кокард, в обмотках, в сильно поношенном обмундировании. На плечах винтовки. А чуть впереди них человек в кожаных куртке, фуражке и даже штанах, с большим красным бантом на груди и красной же повязкой на рукаве, с желтой кобурой с торчащей из нее рукояткой револьвера. На ногах высокие ботинки на шнуровке. Такие носят в Англии, в Петрограде их не купишь ни за какие деньги. Зато можно купить в Одессе. Человек этот как будто специально вырядился таким образом, чтобы резко выделяться из толпы петроградцев, из кого бы она ни состояла.

— Вы до мене? — спросил Бабель, тыча себя в грудь.

— До вас, до вас! — подтвердил кожаный человек. — Подходите уже до нас. П’ховехка документов.

Бабель пересек улицу, подошел, на ходу вытаскивая бумагу, удостоверяющую «в том, что гражданин Бабель И.Э. является штатным сотрудником «Красной газеты».

Кожаный человек мельком глянул на бумагу и произнес, как отрезал:

— Это не имеет быть за настоящий документ. Такой документ я уже моху написать сам. Я не вижу здесь, чем хазличать в нём за ваше социальное лицо.

— При чем тут мое лицо? — возмутился Бабель. — Мое лицо не может о чем говорить. Как, между прочим, и за ваше таки уже тоже...

Черные навывкате глаза кожаного человека вспыхнули черным почти потусторонним светом.

— Вы имеете нахушать хеволуцьённый похядок! — выдавил он сквозь зубы. — Мы не имеем пхава возможности техпеть пхотив такой нахушений.

— Да что я такое нарушил? — воскликнул Бабель. — Я уже ничего таки не нарушал!

— Кокнуть его — и дело с концом, — посоветовал солдат с рыжеватой бородой. — И добавил: — Ишь, вырядился, чертова кукла буржуйская.

— Да какой же я уже буржуй! — возмутился Бабель. — Я всей душой за революцию, интернационал и свободу для пролетариата. Меня знает сам товарищ Урицкий! Моисей Соломоныч!

— Говорить можно всё, что в голову взбредет, — упорствовал солдат. — А ученого человека за версту видать. Как ту ворону. Контра! — Заключил он и решительно потянул с плеча потертую до белизны винтовку.

Другой солдат, помоложе, без бороды, но неделю не бритый, тоже взялся за ремень своей винтовки.

— Вот! — воскликнул Бабель после секундного замешательства, вынимая из внутреннего кармана другую бумагу. — Вот вам, глядите уже, мой мандат! Глядите, глядите!

Кожаный человек развернул, побежал глазами по строчкам. Оба солдата заглядывали ему через плечо, шевелили губами, тот, что помоложе, бормотал:

— Сек-рет-ный со-труд-ник чрезвы... чрезвы-чай-ной комис-сии по бо-рьбе с... по борьбе с контр... контр-ре-во-лю-ци-ей...

— Ну, это ж совсем имеет духое дело! — восторженно воскликнул кожаный человек, возвращая Бабелю мандат. — Извини, товахищ Бабель, не ухадали. Хлядим — ты идешь, хядом с тобой какой-то тип. Очень подозрительно на оффиса. — Спросил почти весело: — Откуда будешь?

— Из Одессы.

— А я из Хомеля. Давно?

— С марта прошлого года.

— А я с февхала. — И, протягивая руку: — Шекльман, Хаим. Хад познакомиться.

— Взаимно.

— Ну вот, родственники встретимшись, — усмехнулся рыжебородый. — Свой свояка не признавши издаляка.

Солдаты, отойдя в сторонку, принялись скручивать сигарки.

Бабель выговаривал Шекльману:

— Мне разрешили предъявлять уже этот мандат на самый исключительный случай. А ты солдатам... Мало ли что...

— Извини, Исак. — И пояснил: — Пехвый хаз имею выходить на патхуль. Не хазобхался еще.

— Ладно, замнем для ясности, как говорят у нас в Одессе.

— В Хомеле у нас тако же ховохят.

— Э-эй! — закричал рыжебородый кому-то. — Гляди-тко! Гляди! Что делайтси-то-ооо...

Бабель и Шекльман оглянулись: на противоположной стороне улицы, чуть наискосок, лежал на тротуаре человек, а два других бежали по улице и тут же скрылись в подворотне.

Шекльман сорвался с места и, неуклюже перебирая непривычными к бегу ногами, поспешил к человеку. Солдаты трусили сзади, держа винтовки в опущенной руке.

Бабель хотел было кинуться за ними следом, но передумал: ну его, одна морока. Повернулся и пошагал в сторону Мойки, заглядывая на тумбы с объявлениями. А на тех тумбах всё списки да списки расстрелянных. Вчерашние, позавчерашние, поза-поза... и совсем свежие, сегодняшние. По десяти, двадцати и даже пятидесяти человек зараз.

Бабель покачал головой. Не то чтобы его огорчало, что расстреливают каких-то там князей и прочих великосветских бездельников. Нет, за них у него душа не болела. А болела у него душа, когда он видел среди других еврейские фамилии: их-то за что? Но больше всего его смущал сам факт, что каждый день расстреливают и расстреливают, что списки эти, как и расстрелы, стали привычными, мимо них идут не читая, что во главе всего этого самосуда стоят евреи, что само по себе страшно и может перешагнуть некую черту, за которой не будет ничего. Или будет что-нибудь совсем противоположное. Потому что ничто не проходит даром, без последствий для тех, кто забывает о пределе, о черте, которую нельзя переступать. Так говорил на проповедях рабби, когда Бабель был еще маленьким, зубрил Тору и молился иудейскому богу. Рабби был стар и мудр, он многое повидал и многое познал на собственном опыте.

Но что делать? — Революция! Не рвать же на себе собственные волосы, читая расстрельные списки. Когда-нибудь это кончится. Все когда-нибудь кончается. А жить всё равно надо сейчас. И лучше всего — жить хорошо и весело. Но чтобы так жить, сегодня предстоит еще что-то написать для газеты, которая платит хотя и не так много, но аккуратно. Правда, на Гороховой у него, у Бабея, полно хороших товарищей, просто отличных товарищей, и многие из Одессы, он может там недурно столоваться, иметь всё, что надо для жизни (свой костюм, например, получил там). Но лучше, когда есть свои деньги, которые можно истратить по своему разумению. Сводить, например, в «Пегас», где собираются поэты, Люську с Литейного, едва за пятнадцать, кровь с молоком. И вечно голодную... А как она ест! Боже, как она ест! Будто наедается на целую неделю. Или, как волчица, чтобы, вернувшись домой, срыгнуть своим близким: нате, мол, жрите. Но Люська домой не спешит. Они после «Пегаса» пойдут в номера и зай-

мутся любовью. Так это теперь называется. Всю ночь до утра... Несмотря на молодость, Люська знает много способов любви. С ней не соскучишься...

Бабель вздохнул и пустился дальше подпрыгивающей походкой. До вечера еще далеко. Сперва надо отписаться для газеты. А уж потом он сам себе хозяин.

Глава 4

В трактире, расположенном в полуподвальном помещении под вывеской «Пегас», на которой намалеван крылатый конь, скачущий по облакам, шумно, дымно, воняет вчерашними щами, жареным луком и сивухой. Бабель, придерживая под локоток Люську, одетую в крепдешинное платье с блестками, раздобытое для нее на складе конфискованных вещей, поманил пальцем пологого, и тот отвел их в отдельный кабинет, из которого, впрочем, виден почти весь зал с невысокой эстрада с пианино и тремя музыкантами, торопливо доедающими что-то из тарелок, повернувшись к залу спинами.

— Музыку! — крикнул кто-то зычным голосом.

Ему вторили жиденские хлопки.

Появился конферансье в черном цилиндре, с черной бабочкой, в черном трико, в черном же фраке и в ... лаптях.

— Господа-товарищи-граждане! Один момент! Музыканты — тожеть люди! Они хотят есть и пить, какать и писать. А пока они загружают пищей свои желудки, а питьем — мочевые пузыри, перед вами выступит оригинальный поэт с оригинальными стихами. Благородные дамы могут заткнуть свои благородные ушки. Хотя, должен предупредить благородных дам: вы пропустите рождение освобожденного от оков буржуазных предрассудков живого русского слова, истинно русской, истинно народной поэзии. Итак! Вандрападал Первый! Он же Кузьма Ошейников! Прошу-ссс!

На сцену вышел небритый человек лет тридцати с хвостиком, с колючим лицом, резаным шрамом от уха к углу рта, с редкими всклокоченными волосами, в свитке, солдатских штанах и ботинках с обмотками. Он зыркнул маленькими злыми глазками по сидящим за столиками и стал выкрикивать резким, рыдающим голосом:

Я вашу мать!

Не вам мне пудрить ж...!

Я есть Вандрападал!

Мне с...ть на всю Европу!

*Вы жрете в три горла!
Е..те наших девок!
От вашего е....
В России нету целок!*

И далее в том же духе.

— Люсиндра! Тебе нравится? — сжимал Бабель атласную коленку своей спутницы и заглядывал в ее широко распахнутые детские глаза.

Люсиндра томно повела обнаженным острым плечиком, произнесла нараспев:

— У нас, в Нахаловке, и не такое закручивают.

— В Нахаловке... Скажешь тоже! Это ж новая поэзия, со-звучная революционной эпохе! А у вас там разве уже поэзия? Дерьмо!

— Я есть хочу, а вы мне голову морочите своими стихами, — пожаловалась Люсиндра.

— Эй! Человек! Долго тебя ждать? — крикнул Бабель, вы-сунувшись из кабинета.

— Сей секунд! Сей секунд! — отвечивал человек, лави-руя между столиками, держа поднос, уставленный посудой, на кончиках растопыренных пальцев.

— Bravo! — заорала публика, хлопая в ладоши поэту.

Вандрападал Первый поддернул спадающие с тошего зада штаны и соскочил в зал.

Оркестр заиграл «Мурку».

Из соседнего кабинета вывалились трое: две нарумянен-ные девицы в длинных юбках по самую шиколотку, но с раз-резом до бедра с левой стороны, в котором мелькали строй-ные ножки в шелковых чулках и кружевные панталоны. Де-вицы поддерживали с двух сторон молодого человека в трой-ке в светлую полоску. Он был пьян, с трудом держался на ногах, кричал, размахивая руками:

— Всё жрете, сволочи! Всё пьете? А Россия? Россия пропа-дай? Вот наступит тридцатое — вздрогнете!

— Вали отсюда, пока сам не вздрогнул, — посоветовал молодому человеку полный господин. — Сам, вишь ты, на-жрался-напился, а других укорят...

В молодом человеке Бабель узнал Леонида Каннегисера.

Глава 5

Пассажирский поезд из Финляндии представлял собой старенький маломощный паровоз и шесть вагонов, пять из которых обшарпаны так, словно прошли через камнепад,

окна заделаны ржавым железом, кое-где досками, а кое-где не заделаны ничем. Зато шестой вагон резко отличался от других свежей краской и ухоженностью.

Александр Егорович Ермилов оказался не единственным пассажиром на этой станции: откуда-то появилось с десяток расхристанных солдат с винтовками, какие-то мужики и бабы с узлами. Они с шумом и криками полезли в новенький вагон, но около него уже стояли матросы и еще несколько вооруженных человек в штатском, преградившие им путь; и солдаты, мужики и бабы, пошумев, рассосались по другим вагонам.

Поезд долго не отправляли по причине проверки документов. Документы проверяли у пассажиров люди в штатском, заходя в вагон сразу с двух сторон и двигаясь навстречу друг другу. Угрюмые, то ли невыспавшиеся, то ли им не нравилось дело, которым занимались; они молча брали документы, но смотрели не столько в них, сколько на самих пассажиров, может, по платью или по глазам определяя, кто пожаловал в новую Россию, друг или враг.

Пассажиры, в основном солдаты-дезертиры и крестьяне из близлежащих деревень, смотрели на проверяющих с опаской, с готовностью совали бумаги, путано объясняли, куда и зачем едут.

Через полчаса на перроне, как раз напротив вагона, в котором устроился Ермилов, стояла кучка более-менее прилично одетых растерянных людей, с чемоданами и баулами. Они что-то пытались объяснить охраняющим их матросам, но те лишь пожимали плечами и ссылались на товарища Риксу, который все проверит и выяснит.

Особенно волновалась молодая женщина в узкой зеленой юбке и такой же зеленой шляпке с вуалью. Женщина все порывалась куда-то идти, плакала и дергала матросов за рукава форменок.

Паровоз свистнул, поезд покатил дальше. Ермилов видел в окно, как снятых с поезда повели внутрь станции. За ними шел товарищ Рикса, похлестывая прутиком по своим кожаным штанам и офицерским сапогам.

Ермилов помнил эту женщину в зеленом на пароме, перевозившем их из Стокгольма в Хельсинки (он же Гельсингфорс), там она была не одна: рядом с ней постоянно находился человек лет пятидесяти, с аккуратной бородкой клинышком. Судя по всему, этот человек был когда-то важной фигурой. Он и на пароме держался надменно, никого, кроме женщины, не замечая. Ехал ли он в этом поезде, или остался в Хельсинки, Ермилов не знал, но из отрывочных разговоров

между женщиной и этим человеком, выяснил, что тот был против того, чтобы женщина ехала в Россию.

— Ни отцу, ни матери ты своим приездом не поможешь, а беду на себя накликать можешь, — говорил он ей по-французски.

Женщину Ермилову почему-то было жалко.

Поезд вкатился под своды Финляндского вокзала, лягнул буферами, замер. У каждой двери вагона уже стояли вооруженные люди с красными повязками на рукавах. Каждого выходящего из вагона препровождали в вокзальное помещение, где за длинным столом сидело несколько человек в кожаных, как у товарища Риксы, куртках. Среди них — две женщины.

Только из новенького вагона все пассажиры сразу же прошли к выходу, их никто не задержал. Спутника женщины в зеленом среди них Ермилов не заметил, следовательно, тот остался в Хельсинки.

Ермилова подвели к одной из женщин. Она упорно, пока Ермилов шел от двери к столу, разглядывала его черными навывкате глазами, будто пытаясь по внешнему виду определить, кто сейчас предстанет перед нею, и по тому, что глаза становились всё уже и уже, Ермилов догадался, что никаких выводов на его счет она сделать не может.

— Документы, — отрывисто бросила женщина, когда Ермилов в почтительной позе, слегка склонившись вперед и вытянув руки по швам, глуповато улыбаясь и подергивая левой щекой, остановился возле стола, по привычке повернувшись так, чтобы свет из открытых дверей и пыльных окон светил ему в спину.

Он протянул уже приготовленные документы: солдатскую книжку, медицинскую справку и бумагу, выданную товарищем Риксой.

Женщину особенно заинтересовала медицинская справка. Видать, она понимала по-французски, и Ермилов приготовился к вопросу на французском же языке.

И точно: не поднимая головы, женщина спросила, как выстрелила, хотя и на очень скверном французском:

— Какую вы имеете цель возвращения на социалистическая Россия? — И, резко вскинув голову, уставилась в переносицу Ермилова.

Ермилов засуетился, ткнул дрожащим пальцем в бумагу и, продолжая симулировать, как и на пограничной станции, страшное заикание, стал объяснять, страдальчески кривя заросшее лицо, что он по-французски знает всего несколько

слов, но догадался, что товарищ спросила его на этом языке, а, кроме того, в госпитале ему объяснили, что в справке написано...

Женщина нетерпеливо мотнула коротко стриженной головой, небрежно повязанной красной косынкой, и движением руки остановила мучительный поток слов контуженого солдата.

— Если вы уже имеете намерений домой, то я имеет посоветовать на Петрограде не задерживать-тися, на улицах не шатать-тися, — тоном приказа произнесла она, чиркнула на бумаге товарища Риксы замысловатую закорючку и поставила новую печать, которая ничем не отличалась от риксовской, лишь транспортный отдел был указан за номером один. И отпустила Ермилова с миром.

К ее столу уже подводили следующего пассажира.

У Александра Егоровича, между тем, были совсем другие планы: в поезде он решил поискать кого-нибудь из старых товарищей по совместной подпольной работе, выяснить у них все обстоятельства и, на всякий случай, заручиться рекомендательным письмом. А уж потом ехать в Москву.

Глава 6

Петроград поражал безлюдностью и почти кладбищенской мертвенностью. Даже французский город Верден, где Ермилову довелось бывать, постоянно обстреливаемый немецкой артиллерией и подвергаемый бомбардировкам с воздуха, выглядел куда более оживленным.

Ермилову пришлось около часа ожидать трамвай на остановке. Едва он появился, к нему со всех сторон кинулись люди, прятавшиеся до этого бог знает где, потому что прятаться вроде было негде, и, отталкивая друг друга, стали протискиваться внутрь вагонов. Ермилов понял, что революция мало изменила людей, и легко втиснулся в этот родной до боли человеческий поток.

Трамвай бесконечно долго полз по пустынным улицам, где встречались почти одни лишь солдатские, матросские и рабочие патрули; редкие прохожие жались к домам, при виде патруля поспешно ныряли в подворотни.

Иногда слышались выстрелы, то близкие, то далекие; иногда навстречу трамваю или обгоняя его, катили грузовые авто с солдатами или матросами; протарахтело два мотоциклета, проехал легковой открытый автомобиль с мужчинами и женщиной в кожаных куртках; иногда попадались жалкие кучки людей, ведомых куда-то под конвоем; у хлебных ларьков

и магазинов жались к стенам домов длинные очереди; заводы и фабрики стояли: над их трубами не поднималось ни единого дымка.

Все эти признаки новой и непонятной жизни пассажиры трамвая провожали долгими тоскливыми взглядами, но отношения своего к виденному никак не выражали, и даже, что особенно поразило Ермилова, едущие в трамвае рабочие никакого восторга по поводу происходящего не выказывали, лица их были насуплены, худы и тупо равнодушны.

На углу Литейного и Невского проспектов попали в затор: длинный ломовой обоз двигался со стороны Варшавского вокзала. На телегах, груженных скарбом, сидели женщины, дети и старики, молодые шли рядом, держась за давно не крашенные борта. У мужчин, молодых и пожилых, черные тройки, черные круглые шляпы, разномастные бороды, настороженные глаза, с опаской поглядывающие по сторонам, длинные в завитушках космы, спадающие из-под шляп на смуглые щеки. У женщин — тоже всё черное, лишь юбки у молодых длинные и цветастые, как у цыганок. И почти над каждой телегой красное полотнище с лозунгами, писаными белой краской: «Пролетарии усих стран, еднйсь!», «Да здравствует братство усих народив!» — и много чего еще в том же духе, и все как бы в переводе с малороссийского наречия, то есть с искажениями и ошибками.

— Ишь ты, жидов сколь понагнали, — произнес рядом с Ермиловым пожилой человек в засаленной куртке и с фанерным чемоданчиком, с какими ходят деповские рабочие. — Так и прут чуть не каждни целыми кагалами. И всё потемну, всё потемну норовят. Свобо-ода... мать их в дышло! «Пролетарии, еднйсь!» Как же, еднились...

— Вот-вот, для них вы и старались, любезнейший, — обернулся к деповскому пожилой человек с бородкой клинышком. — Скоро в Питере из русских одни дворники останутся. И тех татарами заменят. Попомните мои слова.

— Ладно вам! — шикнул на них другой, по виду служащий, то есть в пиджаке, при галстукe и при портфеле. — На горох захотели?

— Свобо-о-ода! — снова проворчал деповский.

Наконец проехала последняя телега с красным полотнищем по борту: «Еврейские пролетарии горячо приветствуют сознательных пролетариев Питера!»

Движение замыкал полувзвод солдат в длинных шинелях, в фуражках, с красными бантами на груди. Солдаты смотрели угрюмо и настороженно. Угрожающе поблескивала щетина штыков над их головами.

— Латыши, — произнесла пожилая женщина-работница. И добавила горестно: — Ни дома, ни семьи.

— Псы! — словно сплюнул кто-то за спиной Ермилова. — Большевицкие опричники. Эти поприветствуют... штыком да пулей.

Ермилов на всё смотрел во все глаза, пытаясь по разрозненным картинам, штрихам, отдельным словам и репликам понять настроение людей, их отношение к происходящему, понять само происходящее. Его поражало обилие новых слов, а в обычных словах наличие какого-то тайного смысла.

Было обидно, что люди ворчат, что не видно ни одного радостного, веселого лица, что все — даже женские лица — угрюмы, взгляды только исподлобья, в них читается страх и недоверие.

Александр Егорович почувствовал себя человеком, попавшим в чужую страну, ни обычаев которой не знает, ни языка, оттого на душе стало еще более неуютно и пасмурно.

Пятеро патрульных вскочили в трамвай на ходу, вскочили неожиданно, переполошив всех пассажиров. Привычно раздвигая плотную массу широкими плечами, двинули по вагону с проверкой документов. Над головами колебались граненые штыки.

Какой-то хлыщ в кепочке что-то стал нашептывать одному из патрульных, и деповский, заметив это, протиснулся к выходу, соскочил, торопливо зашагал к арке большого старинного дома.

Один из патрульных, растолкав стоящих на пути, тоже спрыгнул на ходу, крикнул деповскому, срывая с плеча винтовку:

— Эй! Стоять на месте!

Деповский рванул и скрылся под аркой дома.

Солдат добежал до угла, выстрелил в воздух, но под арку не сунулся.

Трамвай остановился.

Мужчина с бородкой согнулся, тоже стал потихоньку пробираться к выходу, но один из латышей, здоровенный малый с сонным лицом, схватил его за плечо, громко, на весь вагон, возвестил:

— Это есть контра! Он есть фредный агитаций напротиф софетский фласть. Кто есть слюхать? Ты есть слюхать? — ткнул он в спину служащему, предупреждавшему о возможности попасть на горох. — Пойдешь чека дафать показаний.

— Да вы что! — взвизгнул служащий, и лицо его стало желтым, как воск. — Я ничего не слюхать, ничего не знать!

У меня дома жена больная, вот лекарства, я не могу никуда идти! — выкрикивал он в панике, непроизвольно коверкая язык и стараясь открыть портфель и что-то такое показать латышу. — И, наконец, я служить в комиссариате транспорта у товарища Вирты. Он всегда может подтвердить, что я лоялен к советской власти и никогда не заниматься пропаганда.

Лицо патрульного оставалось невозмутимо сонным, даже скучным. Держа одной рукой служащего за плечо, он вытолкнул его из трамвая. Вскоре рядом с ним оказался и человек с бородкой, который ничего не говорил, а только озирался по сторонам, прижимая к груди бумажный сверток. Покинули вагон и остальные патрульные. Вместе с ними и хлыщ в кепочке.

Еще дважды патрульные запрыгивали на ходу в вагон и проверяли документы. Все они были очень похожи друг на друга, русский язык знали не все, на пассажиров смотрели с подозрением, винтовки не выпускали из рук, иногда перебрасывались между собой короткими фразами на своем языке, смысл которых заключался в том, что вот этот в шляпе подозрителен и надо бы его допросить и обыскать, а вон ту девку не худо бы затащить в постель.

И, прихватив пассажира в шляпе и девку, покидали вагон. Никто не пытался вступить, выразить протест, хотя пассажирами трамвая были в основном солдаты и рабочие. Женщины заходили редко, старались забиться в угол и сделаться незаметными.

За проезд не спрашивали.

Ни один из патрулей Ермиловым не заинтересовался, документов не спросил, они проходили мимо него, как мимо пустого места. Александр Егорович мог быть доволен своей способностью не только не вызывать подозрения, но даже не привлекать внимания.

Швейцарские карманные часы показывали без четверти одиннадцать, когда Ермилов добрался до места.

Дом, к которому он стремился, стоял в тупике одной из улиц Крестовского острова почти на берегу Средней Невки. До четырнадцатого года Ермилов не раз жил в нем под разными фамилиями и обличьями. Дом был двухэтажный, первый этаж кирпичный, второй из соснового теса, и с трех сторон окружен всякими подсобными строениями. В самом доме имелось четыре многокомнатных квартиры: по две на каждом этаже. И у каждой было три выхода: парадный, черный и потайной. Из любой квартиры можно было попасть в сарай,

в конюшню или на крышу одной из хозяйственных пристроек, оттуда — в густой кустарник, а дальше сосновый бор и... ищи-свищи ветра в поле.

Дом этот когда-то построили народовольцы, здесь они держали типографию, лабораторию по изготовлению бомб, здесь устраивали тайные сходки. Полиция в конце девяностых разгромила организацию, дом приобрел какой-то купец и сдавал его внаем одиноким жильцам: отставным военным и чиновникам, промотавшимся дельцам или бывшим помещикам, актеришкам, переписчикам и всяким темным личностям.

С начала десятого года дом принадлежал купцу второй гильдии Якову Емельяновичу Расторгуеву. Это был невысокий живчик-толстячок, человек неисчерпаемой энергии, жизнелюб и умница, каковые в те поры встречались среди исконно русских купцов во множестве. Расторгуев имел один скобяной магазин на Невском, другой на Литейном, вместительные кирпичные склады и мастерские на Аптекарском острове. Он отремонтировал дом и службы, вселился в него со всей своей семьей и прислугой. При доме же держал выезд из двух гнедых лошадей чистокровной английской породы, а когда появилась мода на автомобили, то и автомобиль.

При Расторгуеве в доме находили временный приют социалисты всех мастей и оттенков, которым опасно было попадаться на глаза полиции. Сам купец не состоял ни в одной из партий, особо не интересовался политическими направлениями своих постояльцев, полагая, что сама история всё расставит по своим местам, как тому положено быть, а людей, не угодных полиции, у себя скрывал, кормил-поил, снабжал деньгами, раздобывал документы — всё оттого, что очень был недоволен существующими порядками, особенно засильем инородцев в предпринимательстве и торговле, в банках, газетах и всяких конторах, и очень надеялся, что эти люди, нынче преследуемые, изменят российские порядки в лучшую сторону.

Здесь одновременно иногда проживали под одной крышей эсеры, меньшевики и большевики, но по заведенному Расторгуевым правилу, никаких политических дискуссий не устраивали, жили мирно. Кто выступал в качестве дворника, кто кучера, кто гувернера при его двух недорослях-близнецах и трех недорослицах, две из которых тоже были близнецами, кто служил при складах или работал в мастерских.

Ермилов жила в этом доме всякий раз не более недели, занимал, если была свободна, одну и ту же каморку с потайным выходом в конюшню, выбирался из дому только с наступлением темноты, в темноте же и возвращался.

Иногда к нему днем заходил Яков Емельянович, приносил книги, просимые Ермиловым, садился на постель и заводил разговоры на отвлеченные темы, то есть избегая современности, а всё больше напирая на историю: Ермилов тогда читал при всяком удобном случае запоем, восполняя недостатки образования, а Расторгуеву было интересно поговорить с человеком, который так живо воспринимал всё прочитанное, начиная с Гомера и кончая возможностями полета на другие планеты.

Он никогда не интересовался у Ермилова, кто он такой, чем занимается, откуда появился и куда снова исчезнет, звал только по имени, которое сообщал Ермилов при своем очередном появлении, при этом оба чувствовали друг в друге что-то родственное, корнями уходящее в русскую глубинку: дед Расторгуева, как и дед Ермилова, был крепостным, и это их сближало невероятно. А еще — интерес ко всяким книгам и знаниям.

Глава 7

Дом оказался на месте, и Яков Емельянович был дома, вернее сказать, растерянно топтался посреди двора с фонарем в руке и рассматривал дверь конюшни, сорванную с петель. Рядом с ним стоял молодой человек лет двадцати, на голову выше его ростом, тоже держал фонарь, но смотрел в сторону, будто ему было все равно, что там с этой дверью. В стойле шумно фыркала лошадь и била в стену копытом.

Ермилов подошел бесшумно, как он умел ходить в любой обуви, будь то по земле, брусчатке или деревянному полу, остановился в трех шагах, тихо, без заикания, поздоровался, на него оглянулись, но ничего не ответили, и он стал ждать, когда Расторгуев освободится и обратит на него внимание.

Нетрудно было заметить, что Яков Емельянович постарел, обрюзг, как-то даже потускнел, из него будто извлекли то, что составляло основу жизни, прикрыли тот фонтанчик, который делал его ярким и подвижным как ртуть.

Наконец он безнадежно махнул рукой и обернулся к Ермилову.

— Вы ко мне? — спросил безразличным тоном, поднял фонарь и вдруг встрепенулся, развел руки от изумления, будто хотел кинуться к гостю и обнять его, но не решился, одним этим произвольным движением напомнив прежнего Расторгуева, широко и радушно улыбнулся, но тут же и потух.

— Признаться, я полагал... — начал было он, но Александр Егорович чуть качнул головой, и Яков Емельянович замолчал, завздохал, потом вспомнил о сыне, засуетился:

— Ну, ты иди, Ванюша, иди. Скажи Стеше, чтобы вздула самовар. Помоги ей. Ну, ступай, ступай, — и слегка подтолкнул рукой парня в плечо, взял Ермилова под руку, повел в сторону, к сваленным в кучу старым бревнам, сел сам, посадил рядом Ермилова, задул фонарь — и темнота стугустилась вокруг них, тревожная и немая.

— Мда, вот уж кого не ожидал увидеть в такое время, так именно вас, — произнес Яков Емельянович, когда оба закурили ермиловского табаку. — А между прочим, вас искали... в четырнадцатом-то. Вы, стало быть, только съехали, тут дня через два приходит один такой... из мастеровых будто... и начинает издали спрашивать о вас. И все, знаете ли, путается, путается... Я еще тогда подумал, что, действительно, вас как-то и невозможно описать: зацепиться не за что. Ну-у, а тут... (в темноте Ермилов расслышал, как Расторгуев усмехнулся чему-то)... тут у меня после вас другой постоялец появился, на вас так маленько смахивает, и вроде у него рекомендации есть, и все такое прочее, а я чувствую: филер, потому как все вынюхивает, высматривает, всем интересуется. Ну, я этому мастерскому-то и описал своего нового постояльца. Потом мне свои люди сказывали, что замечали их вместе: шушукались. А еще малость погода пришел один... из жидков, кличку вашу назвал, просил, если появитесь, дать знать в аптеку, что недалеко от Биржи. Нынче он в Чека, на должности. В моей, кстати сказать, машине разезжает. Фигура!

— А как фамилия?

— Фамилия-то? Вот дай бог памяти... Гори... Горизонтов. Да-да, Горизонтов! Иные, из жидков-то, любят себе фамилии выдумывать такие, чтобы вроде она и русская, и в то же время от русской чем-то отличалась бы, некой будто бы ученостью или там величавостью.

— А кто там еще, в Чека в этой?

— Ох, да разве всех упомнишь! Главный там Моисей Урицкий, среди большевиков фигура заметная. Потом Бокий, вроде бы русский, а там кто его знает, потом... чухонцев много, иные по-русски ни бельмеса, а туда же... Ландскнехты.

— Бокий, говорите? Не слыхивал о таком. А Урицкого встречать доводилось.

— Как же, как же! Приезжал как-то в мои мастерские решетки для окон заказывать. Пренеприятнейший тип, доложу я вам... Извините, конечно, за откровенность... Ну, сделали мы им решетки, а платить — не-е, и не думай! Такие вот у нас нынче порядки... А вы, значит... не знаю, как вас нынче звать-величать... простите за любопытство, не с ними? Не с большевиками?

— Я, Яков Емельянович, из Франции приехал. Воевал там в русском экспедиционном корпусе. Отпущен по ранению. Хотел бы у вас пожить, если можно, несколько дней, посмотретья. А звать меня... зовите Петром.

— Петром так Петром. Мне-то что. И пожить у меня можно. Вполне. Свободного места много. Только у нас сейчас домкомы и кварткомы, домовые и квартальные комитеты то есть. Требуют всех приезжих регистрировать. Но если на несколько дней, то можно и без этого, лишь бы глаза не мозолить. Да-а...

— Мозолить не буду. А с документами, если что, у меня полный порядок, — заверил Илью Емельяновича Ермилов. И добавил: — Меня уже проверяли. И не единожды.

— Да я ничего, так только... Из Франции, говорите? И как там французы? Не собираются революцию устраивать?

— Не заметно.

— Вот-вот... Да и куда уж им, французам-то: они все свои революции в прошлом веке устроили, наелись, поди, до отрыжки. А у нас о том лишь и талдычат, что о мировой революции. Вся, как говорится, надежда на нее... Значит, не собираются... И правильно, что не собираются... Ну а мы (в темноте развел руками, вздохнул) — что ж, мы живем пока. Вот девок своих замуж выдавал, две живут при мне, зятя служат советской власти, старшая, Вера, в Новгороде; сын, Коля, в юнкерском учился, в прошлом году ранен был, теперь в Москве. А может, еще где: давно не пишет. Да и почта нынче... Да-а. Квартирантов у меня теперь нет: некому стало прятаться, сами теперь при власти. А поначалу-то хотели ко мне жидков подселить, из Малороссии. Да те забоялись: место глухое, у нас тут иногда пошаливают лихие людишки. Вот и нынче... в конюшне дверь с петель сорвали, последнюю лошадку хотели свести со двора. Да только Лорд заржал, ну, мы за топоры — они и деру. Оружие, какое было у нас, власти забрали. Теперь оружия у кого только нет, только не у честных обывателей. Да-а, живем, значит...

— Город ужасно как обезлюдел, — поделился Ермилов своими впечатлениями.

— Что ж тут удивительного! Одни с голодухи в деревню подались, другие за границу, третьих постреляли — кого после Февральской, кого уже после Октябрьского переворота. Офицеры, студенты кинулись на юг — к генералу Корнилову, который, по слухам, стоит во главе белого движения. Рабочие, матросы, солдатня пошли в Красную гвардию. Правительство с Лениным уехало в Москву — тоже народу за собой потянули предостаточно.

— А что революция? — спросил Ермилов. — Большие бои были? — И пояснил: — На Западе всякое писали...

— Да какие там бои, прости господи! — махнул рукой Расторгуев. — В Февральскую в полицейских да жандармов стреляли, но всё больше из озорства. Летось, когда народ на улицу вышел, стреляли больше и побили тоже. Большевиков арестовывали, дезертиров. Троцкого там, других каких. Ну, думали, угомонился народ. Иных и расстреляли под горячую руку. Тут и на фронте наступление началось. А только главного, из-за чего сыр-бор разгорелся, Керенский народу не дал. А народу нужен был мир и земля. Он, народ-то, устал и разуверился. Ему и агитаторов не нужно, он, как то дитя малое: вынь да положь, иначе хоть тресни. А тут, значит, с одной стороны — Советы, с другой — Временное правительство, дураки и краснобаи. Денег у Антанты назанимали, а отдавать чем? Народной кровушкой — больше нечем. Потому в октябре большевики так легко временщиков и свалили, что им держаться не на чем было. А что дальше будет, одному богу известно.

Поднялся с кряхтением, спросил:

— Может, баньку растопить? А то нынче вошь — сами знаете...

— Спасибо, Яков Емельянович. Я вчера в финской бане помылся. На той стороне. Если вша какая-нибудь прицепилась в дороге, завтра с ней разберемся.

— Ну что ж, вам виднее. Тогда пойдемте: самовар, чай, уже поспел. Комнату вам приготовим, с дороги-то, поди, да под русским небом спаться будет мертвецки. А?

— Думаю, что так, — согласился Ермилов и спросил осторожно: — А как жена ваша, Елизавета Антоновна?

— Лизавета Антоновна моя... померла, — тихо, с придыханием ответил Яков Емельянович. — От тифа. Скоро уж год будет. Царствие ей небесное, голубице моей. — И закрестился в темноте, бормоча что-то неразборчиво.

Глава 8

Небо над Петроградом затянуто низкими облаками, они быстро текут со стороны Скандинавии, иногда окропляя землю мелким дождем. Как-то сразу и неожиданно повеяло близкой осенью. С тех пор, как в Питере встали многие заводы и перестали дымить почти все трубы, воздух наполнился запахами морских водорослей, рыбы и нечистот — верный признак разложения.

30 августа 1918 года. Пятница. Половина десятого утра.

Леонид Каннегисер пересек на велосипеде Дворцовую площадь и, оставив велосипед у входа в Комиссариат внутренних дел, вошел в вестибюль полукруглого дворца Росси. От двери он решительно направился к столикам для посетителей, сел у окна так, чтобы видеть площадь и лестницу, по которой служащие комиссариата поднимались к парадной двери, со скучающим видом достал папироску и закурил.

Швейцар некоторое время поглядывал в его сторону, но, не заметив ничего подозрительного в поведении молодого человека, одетого в кожаную куртку, в солдатские штаны и ботинки с обмотками, в чем ходили многие совслужащие, переключился на других, в основном сотрудников комиссариата, которые торопливо проскакивали в дверь и спешили кто по лестнице, кто на лифте к своим кабинетам. Да и не входило в обязанности швейцара кого-то проверять и задерживать: на то существует охрана. Его дело — следить за порядком, если какой из посетителей начнет вести себя неподобающим для солидного заведения образом.

Молодой человек вел себя вполне прилично.

В начале одиннадцатого к подъезду подкатил открытый автомобиль, из него выбрался товарищ Урицкий, низкорослый и широкий, поднялся на несколько ступеней и пропал из виду. Затем к двери кинулся услужливый швейцар, распахнул ее, и Урицкий вошел в пустынный вестибюль. Он тоже был в кожаной куртке, галифе, но не в обмотках: на коротких и несколько кривоватых ногах его красовались хромовые сапоги бутылками, на голове кожаная фуражка, на носу пенсне со шнурком.

Швейцар, пропуская комиссара внутренних дел, склонился в почтительном поклоне. Урицкий проследовал мимо, не заметив, как и положено большому начальству, поклона ничтожного человечка, и пошагал к лифту, по-утиному переваливаясь с боку на бок. Не заметил он и молодого человека.

А тот, быстро встав, стремительно догнал Урицкого у самого лифта, на ходу вытаскивая из кармана тяжелый кольт, а вовсе не браунинг с отравленными и надпиленными пулями, потому что не дело дворянина опускаться до такой низости. Он мог бы окликнуть Урицкого, чтобы видеть его лицо, чтобы тот, в свою очередь, увидел свою смерть, но с тех пор, как по распоряжению этого человека были расстреляны его товарищи по Михайловскому артиллерийскому училищу, начальник питерской Чека в глазах Леонида перестал быть человеком, превратился в животное, в свинью, а свинью убивают ударом в затылок, нисколько не интересуясь знать ее впечатление от приближающейся смерти.

Леонид почти приставил дуло кольца к стриженому затылку комиссара и нажал спусковой крючок.

Раздался выстрел, гулко усиленный полукруглой пустотой вестибюля.

Ноги Урицкого подломились, он со всего маху грохнулся на пол, выложенный гранитной плиткой. Раздался почти деревянный стук головы, затем что-то коротко звякнуло в карманах.

Убийца стоял над поверженным врагом и тупо смотрел, как в жуткой тишине вокруг его головы расплывается, пузырясь, красная лужа крови.

Дико закричала женщина.

Каннегисер, очнувшись от этого крика, сунул револьвер в карман куртки, быстро прошел мимо швейцара, стоявшего истуканом с отвисшей челюстью, открыл тяжелую дверь, сбежал по ступенькам, сел на велосипед, пересек Дворцовую площадь и покатил по Миллионной улице. Ехал он не так чтобы очень быстро, а как ездят на велосипедных прогулках некоторые молодые люди, увлекающиеся всякими модными поветриями, навеваемыми с Запада. И уж во всяком случае не вызывал ни малейшего подозрения у немногочисленных прохожих.

Однако Леонид Каннегисер еще не успел доехать до здания, где недавно располагался Английский клуб, как сзади послышались крики и топот множества ног, затем раздалось несколько выстрелов. Пули вжикнули возле самого уха. Прохожие, наученные горьким опытом, кинулись кто куда.

Лишь один человек, в сером макентоше и с рукой в кармане никуда не побежал, а продолжал решительно шагать навстречу Каннегисеру, и было во всей его фигуре что-то зловещее.

Они быстро сближались, и тут Леонид узнал в идущем навстречу бухгалтера из отцовской конторы Юлия Иосифовича Лепу, человека тихого и несколько странноватого. Правда, странность его трудно было определить двумя словами, однако не вызывало сомнения, что этот человек себе на уме и в каких-то обстоятельствах может предстать перед вами в самом неожиданном виде.

Раздумывать было некогда. Боясь, что его подстрелят как куропатку, Каннегисер соскочил с велосипеда, уронив его на мостовую, и кинулся в первый же подъезд. В его планы не входило ни умереть на мостовой, ни попадаться в руки чекистов. Более того, он собирался вечером сесть в поезд, следующий до Одессы. У него даже были приготовлены билеты.

Но из подъезда, куда он заскочил, охваченный паникой, другого выхода не было. Тогда он кинулся вверх, надеясь найти у кого-нибудь приют, выгадать время, оглядеться.

На стук то в одни, то в другие двери никто не ответил. Дверь, ведущая на крышу, закрыта на замок...

Дернулся и загромыхал лифт...

Леонид кинулся вниз, снова стуча в квартиры. Одна из дверей приоткрылась, и он, оттолкнув пожилого господина, вскочил внутрь,

— За мною гонятся бандиты, — произнес Леонид, тяжело дыша.

— Чем же я могу вам помочь, молодой человек? — воскликнул господин, задирая вверх бородку и с испугом таращась сквозь очки на Каннегисера.

— Спрячьте меня! Во имя всего святого! Или, еще лучше, дайте мне во что переодеться. И я уйду.

— Но вас все равно схватят, — изумился пожилой господин, придерживая пальцем очки с единственной дужкой. — У вас на штанах капли крови! К тому же я видел в окно: там солдаты. Там, извините, Чека! И во что же я дам вам переодеться? На вас ведь ничего из моих вещей не налезет!

— Да, пожалуй, — согласился Леонид. И успокоился. Он понял, что ему не вырваться. Не Чека, так другие...

Через полчаса Леонид Каннегисер был схвачен, избит и доставлен в комиссариат внутренних дел.

— К-как то есть? — переспросил председатель Северной коммуны Григорий Евсеевич Зиновьев, медленно выбираясь из вместительного кресла. — Как то есть... у-уб-бит?

Он оперся обеими руками в крышку стола и, бледнея и покрываясь испариной, уставился на заместителя комиссара внутренних дел Северной коммуны Глеба Ивановича Бокия, одного из немногих русских, оказавшихся в руководстве Петроградской Чеки, человека с испитым чахоточным лицом, лихорадочно горящими глазами, узкоплечего и плоскогрудого.

— Да, буквально два часа назад, товарищ Зиновьев. В вестибюле комиссариата. Убийца пытался скрыться, но был схвачен. Им оказался Леонид Иоакимович Каннегисер, юнкер Михайловского артиллерийского училища, сын известного инженера Иоакима Самуиловича Каннегисера. Причина, которая толкнула Каннегисера на убийство товарища Урицкого, выясняется. Арестовано еще несколько человек, могущих иметь причастность к убийству. Я распорядился пока не оглашать о случившемся... до выяснения обстоя-

тельств. Я связался по телеграфу с Дзержинским, он выезжает в Петроград ближайшим же поездом.

Зиновьев медленно опустился в кресло, пробормотал:

— Вчера Володарского, позавчера Нахимсона, сегодня Урицкого... — И вдруг взвизгнул: — Кого следующего? Меня? Я вас спрашиваю, товарищ Бокий! Может, сегодня ночью начнется резня, может, всем нам осталось жить несколько часов? Что вы на меня смотрите? Надо что-то делать, что-то делать и не смотреть такими невинными уже глазами!..

— Мы ведем расследование, выявляем связи, привели в боевую готовность все преданные революции воинские части. Пока нет никаких данных, что готовится крупная акция против соввласти...

— Нет данных... У вас, видите ли, нет данных! А были у вас данные, что будет убит товарищ Урицкий? А Володарский? А все остальные? Я требую усилить охрану Смольного! Поставить пушки и пулеметы, окружить плотным кольцом латышских стрелков...

— Я уже отдал соответствующие распоряжения, — произнес Бокий сквозь зубы. — Мышь не проскочит. Разрешите идти и выполнять свои функции... если у вас нет других распоряжений.

— Идите, — махнул рукой Зиновьев и вытер платком квадратное лицо.

Ночью из Москвы пришла телеграмма о покушении на Ленина. В телеграмме было сказано, что рана смертельна.

В Смольном срочно собрались ответственные руководители Северной коммуны.

— Это конец... Это конец... — бормотал Зиновьев помертвелыми губами, глядяываясь в лица людей, собравшихся в его кабинете, точно отыскивая среди них убийцу, на сей раз уже своего собственного.

Все знали о патологической трусости Зиновьева, трусости, о которой ходили анекдоты и крылатые выражения вроде того: «Опасность миновала, товарищи! Будем же опять такими же смелыми, как товарищ Зиновьев!» Все знали, что Григорию Евсеевичу нужно время, чтобы прийти в себя, а главное — нужен человек, способный в такие минуты произнести решительные слова и тем самым вернуть главе Северной коммуны хотя бы часть самообладания.

Таким человеком оказался Глеб Бокий.

— Нам нужны решительные ответные меры, — заговорил тот в напряженной тишине глухим голосом. — Вспомните Французскую революцию! Вспомните беспощадный террор

якобинцев! Беспощадный террор против всех врагов революции — вот что может спасти нас в настоящей исторический момент. Нам нужен якобинский террор!

— Да! — вскрикнул Зиновьев, брызнув слюной и клонясь вперед широким телом, точно очнувшись от беспамятства, заглушая криком страх и распаяя ненависть. — Нам нужен красный террор! Да, именно красный! Красный от ненависти и крови! Нам нужны гильотины на каждой площади, на каждом перекрестке. Чтобы ужас объял наших врагов... Как в библейские времена! Всех бывших офицеров, юнкеров, купцов, попов и прочих, и прочих... — всех, одним словом, взять в заложники! Всех расстреливать без суда и следствия! Всех! — Он захлебнулся своей ненавистью, вытер рот дрожащей рукой и тяжело плюхнулся в кресло.

Все понимали, что если не принять ответных и решительных мер, гибель неизбежна как для советской власти, так и для каждого из них, эту власть представляющих не в теории, а вполне реально. Следовательно, и ответные действия должны быть реальными. И все сразу же оживились, заговорили, посыпались практические предложения.

— Надо уже п“гочесать частым г“гьбнем все цент“гальные квайтгалы...

— Ерунда! Надо хватать на улицах всех подряд!

— Ну, положим, не всех, — послышался чей-то решительный голос. И далее еще громче и увереннее: — А то и своих пегестгеляем.

— Стрелять нужна фсех, — врезался в разноголосицу голос с прибалтийским акцентом. — И ефрееф тоже.

Все сидящие уставились на большеголового человека с мягкими светлыми волосами, с льдистыми маленькими глазами, коротким носом и тяжелой челюстью. И человек этот, ничуть не смутившись, повторил еще раз:

— Да, фсех! И ефрееф тоже. Каннегисер — ефрей? Ефрей! Из этот факт делать прафильны фыфод.

Снова ожил Зиновьев. Он поднялся, опираясь кулаками в стол, оглядел собравшихся — и все замолчали. Заговорил поначалу хрипло, продавливая слова сквозь зубы непослушным языком, но постепенно голос его крепчал, произнося те единственные слова, которые все от него ждали:

— За каждую каплю крови наших товарищей — море крови наших врагов! За каждую загубленную бесценную жизнь революционера-большевика — тысячи жизней царских офицеров, генералов, сановников, жандармов, попов, буржуев и их прихвостней! И евреев, если окажутся вовлеченными в заговор против соввласти. Да! Вы предлагаете красный тер-

пор? Пусть будет Красный террор! Смерть врагам революции! — потряс в воздухе кулаками, облизал узкие губы. И уже вполне деловым тоном: — Проскрипционные списки — ко мне на стол через два часа. И всех — к стенке! — Не удержался, взвизгнул: — К стенке! К стенке! Всех! Все-ех! Девять десятых России — к стенке! Остальных построить в колонны и... марш-марррршшш!

Глава 9

Через несколько минут кабинет председателя Северной коммуны опустел.

— Вы обещали поговорить с переселенцами, — напомнил Григорию Евсеевичу его секретарь, молодой женоподобный еврей с огромной барашковой шевелюрой, венчающей конусообразную голову.

— С переселенцами? — уставился на него Зиновьев обесцвеченными от пережитого глазами. — Ах, да! Конечно! — воскликнул он. — Как же, как же! Это наша опора! Наш передовой отряд! И что, собрались?

— Ждут в актовом зале.

— Много?

— Человек двести.

— Хорошо! Прекрасно! Идем!

Зиновьев вышел из-за стола и решительно направился к двери. Однако у двери остановился и, глянув подозрительно на секретаря, спросил:

— Охрана обеспечена?

— Да. Бокий приказал пять человек.

— Пять человек? Пять против двухсот? Он, что, с ума сошел? А если... Впрочем, идем. Что будет, то и будет.

В полутемном актовом зале бывшего Смольного института для благородных девиц глухо шевелилась черная масса мужчин всех возрастов. Почти все в черных шляпах, бородаты и волосаты, с ниспадающими на щеки пейсами, беспокойные пальцы перебирают четки. Самые пожилые и даже старые — в первых рядах, за ними суетливая молодежь, с трудом сдерживающая свои порывы.

Едва Зиновьев появился на подмостках, пройдя через боковой вход в сопровождении двух человек, затянутых в кожу, гул прекратился, и в зале наступила настороженная тишина.

— Слово предоставляется председателю Петроградского совета, председателю совета Северной коммуны, признан-

ному вождю российского и всемирного пролетариата товарищу Зиновьеву! — выкрикнул один из кожаных и отступил в тень.

Зиновьев был опытным оратором, но до сих пор ему приходилось выступать перед рабочими питерских заводов и фабрик, перед крестьянами, одетыми в солдатские шинели, возбуждать их осознанием своего несправедливого положения, доказывая, что положение это можно изменить лишь в том случае, если они, рабочие и солдаты, сплотятся вокруг большевиков, прогонят хозяев, царя и помещиков, установят свою, рабоче-крестьянскую власть, которая будет о них заботиться и так устроит их жизнь, что никто не захочет в рай, который им обещают попы за послушание властям, а захотят остаться на веки вечные в земном раю, устроенном собственными руками. Особенно Зиновьев прославился своими зажигательными речами в Московском районе Петрограда, за что и получил прозвище Григория Московского.

Но люди, собравшиеся в этом зале, не были ни рабочими, ни крестьянами, в лучшем случае — кустарями-ремесленниками. Они покинули свои местечки в Малороссии, соблазненные тем, что в столицах России и других крупных городах, куда они всегда стремились, но куда не имели доступ, у них появится больше возможностей открыть свое дело и разбогатеть. Они двинулись сюда вслед за теми, кто неплохо устроился в центре империи до войны и после ее начала, но особенно — после февральской революции, предоставившей евреям, проживающим за чертой оседлости, свободу перемещения и проживания в любой точке империи. Они слишком долго чесали свои затылки, прикидывая все за и против, и вот сорвались и приехали. И теперь ждут, что на них просыплется манна небесная, как когда-то просыпалась на Израиль, бегущий из Египта, где им жилось не так уж и плохо.

Зиновьев презирал этот народец и презирал именно потому, что вышел из этого народца, погрязшего в суевериях, во мраке давно отживших древних обычаев, подчинив свою волю мракобесам-раввинам, поддерживающим в этом народце веру в свое превосходство над другими народами, будто бы давшего им в том обет Иеговой, богом Израиля. Но, с другой стороны, Зиновьев понимал, что этот народец так же легко расстанется со своим прошлым, если посулить ему нечто большее, способное насытить его алчность. Тем более что этот народец имеет поразительное свойство быстро приравниваться к новым условиям, отличается сплоченностью, хваткой во всяком деле и рассудительностью. А это — то главное, чем нельзя пренебрегать, что необходимо использовать

на полную катушку. Со временем произойдет естественный отбор, одних налево, других направо, останутся лишь самые полезные и преданные новой власти.

— Товарищи! — выкрикнул Зиновьев зычным голосом, выбросив вперед руку. — Поздравляю вас с прибытием в революционную столицу мира — славный город Петроград! Вы прибыли сюда вовремя. Борьба с контрреволюцией, которая нагло бросила вызов власти трудового народа убийствами наших лучших сынов, вступает в решительную фазу. Я тоже еврей, я хорошо знаю ваши нужды. Поэтому буду откровенен. В борьбе с черным прошлым за светлое будущее вы, евреи, нужны революции как никогда. Ей нужны ваша еврейская воля, еврейский ум, еврейская прозорливость, организованность, изворотливость, спайка и взаимовыручка. Если для русских и нацменов поражение революции ведет к потере обретенной свободы, то для нас, евреев, цена поражения революции есть цена жизни нашего народа, возвращение к еврейским погромам во всероссийском масштабе, массовым убийствам наших мужчин, женщин, стариков и детей. Поэтому я призываю вас встать в ряды истинных революционеров, борцов за свободу и счастье всех народов. Каждый из вас, кем бы он ни был в прошлом, найдет для себя дело в общем революционном процессе. Вы должны знать и всегда помнить, что невежественные, необразованные гои совершенно не способны к самоорганизации, у них нет понятия о дисциплине и порядке. Мы должны их организовать, построить в колонны и повести на борьбу с кадетской сволочью, с черносотенцами и антисемитами. Без нас они разбредутся по домам сосать свою лапу подобно медведям. Они привыкли к рабству, им ничего не стоит снова вернуться в прежнее состояние. Мы не должны позволить им отступить с завоеванных революционных позиций. Нашим девизом должно стать: никакой пощады буржуйам, бывшим полицейским, жандармам, купцам, попам и прочей сволочи! Библейская жестокость и беспощадность — вот что нам нужно на сегодняшний момент! Только так мы можем спасти революцию, самих себя и весь наш народ от истребления озверевшей контрреволюцией! Да здравствует красный террор! Да здравствует мировая революция!

В ответ раздались несколько неуверенных хлопков.

Зиновьев, достав из кармана платок, отер им свой широкий лоб, хмуро оглядел зал. Он ненавидел этих людей, для которых его слова о мировой революции ничего не значили. Он знал, что они приехали в Питер не за мировой революцией. Но надо расшевелить эту черную массу, заставить ее

встать на его сторону хотя бы из опасения за свое будущее. Тем более что ему, Зиновьеву, нужны преданные помощники, грамотные и понимающие, в чем их спасение. Из питерских рабочих и солдат, часто не умеющих читать и писать, таких помощников не набрать. А та русская интеллигенция, которая была не против свержения царя, мешавшего ей либеральничать и рассуждать о судьбах русского народа, теперь, когда этот народ поднялся с самого дна и заявил свои права, не издала ни единого звука сочувствия этому народу, ничего, кроме презрения и ненависти. Впрочем, и эти, вззирающие на него снизу, тоже не могут испытывать к русскому народу теплых чувств. Но это не самое главное. Чёрт с ним, с этим русским народом! Главное — всемирная революция, которая, к сожалению, без этого народа невозможна!

— Если у вас, товарищи, есть ко мне вопросы, прошу задавать, — добавил Зиновьев усталым голосом.

— А что, дохохой товахищ, — выдвинулся из черной массы какой-то тип. — Скажите мне на мивость, что уже мене девать, если я, к пхимеху ховоха, дамский похтной, а вхемя, сами изволили сказать, такое, что дамов, можно сказать, уже как бы и нету и шить как бы уже и некому. Кто ж будет мене уже заказывать пватыя и пхочие дамские штучки-дхючки? И на что уже мене содежать своё семью, если я, извиняюсь, ничего больше девать не умею?

— Мы всем найдем работу на новом поприще, — придвинулся Зиновьев к самому краю подмостков. — Нам в ближайшее время, как только мы покончим с контрреволюцией, понадобятся организаторы швейного производства на новых основах. Как и других производств. Однако сегодня нам нужны люди в органы распределения награбленных буржуями богатств, наведения порядка в распределении жилья и продовольствия. Но на данном историческом этапе нам более всего нужны бойцы с врагами революции — решительные, смелые, беспощадные.

— Прошу таки обрисовать мене, дорогой товарищ, — выдвинулся еще один, — вот такой уже интересный момент. Мы, конечно дело, уже всей своей душой за мировую революцию и все такое прочее, что вы нам изволили уже сказать. А что, простите мене, мы будем кушать и где уже проживать, если учесть то прискорбное обстоятельство, что свое жилье мы оставили по прежнему месту проживания? А тута везде очереди, и нас, евреев, извините уже за нескромность, дюже не люблять местные пролетарии. Давеча в очереди произошло-таки уже форменное безобразие, когда наши товарищи захотели-таки отоварить данные нам в райпродкомитете та-

лоны на продукты. Этих товарищей, извините за откровенность, взащей вытолкали из продпункта, кричали напротив них самыми нехорошими словами и грозились всех, извиняюсь, жидов вывести на чистую воду. Как нам в таком уже разе, я извиняюсь, производить мировую революцию?

— Мы разберемся в этом прискорбном факте, — пообещал Зиновьев. — Нами принята программа обеспечения жильем и продовольствием, а также одеждой переселенцев из местечек... Тем более! — воскликнул Зиновьев. — Тем более вы должны все, как один, встать на завоевание революции, ибо мы задыхаемся без преданных и решительных кадров. Всех вас переписут и всем вам предложат соответствующие должности. Что касается жилья, так тут у вас полная свобода действий в рамках наших районных советов. Выселяйте буржуев из их квартир, уплотняйте, возглавляйте домкомы, берите под контроль всех жильцов. Тем самым вы выбьете у наших врагов из-под ног почву для их контрреволюционной деятельности. Смелее берите в свои руки власть — и вы будете иметь все, чтобы осуществлять революционные преобразования в этой стране. Без вашей помощи Россия останется дикой, варварской страной, враждебной всему передовому и революционному.

— А вот я желаю сказать за нас. Мы, четверо братьев Кукишер, я извиняюсь, — поднялся из второго ряда рослый человек. — В Бердичеве у нас было уже свое кровное дело по части производства горилки. Но хохлы нас разорили и отняли всё до нитки. Мы готовы отомстить им, как царь Давид отомстил филистимлянам. Куда нам, интересуемся знать, записаться?

— У нас в городе создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, — повернулся к Кукишеру Зиновьев. — Мы объявляем красный террор по отношению к старому миру. Со временем доберемся и до Бердичева и покараем ваших обидчиков. Мы приняли ряд декретов, которые ставят вне закона любые действия, направленные против евреев, как то: антисемитская пропаганда, агитация, призывы к погромам, использование слово «жид», оскорбляющее наше национальное достоинство, вместо слова «еврей». Все антисемиты объявлены вне закона. Идите к товарищу Бокию, который возглавляет эту комиссию после гибели товарища Урицкого. Товарищ Бокий вас запишет. Там нужны верные и решительные люди. А теперь, извините, меня ждут неотложные дела. Товарищи, которые останутся здесь... — двое в коже выдвинулись из тени — проведут промеж вас конкретную работу в данном направлении. Желаю успехов.

И Григорий Евсеевич покинул подмостки.

Наутро, едва Ермилов напился чаю, в комнату ворвался, даже не постучав, возбужденный Яков Емельянович и, захлебываясь словами, сообщил:

— В «Красной газете» написано, что некто Каннегисер убил главу Петроградской Чека Моисея Урицкого. Но это не всё. Зять мой состоит при Васильостровском совете по электрической части, так он только что с дежурства вернулся, говорит: ночью телеграмма была из Москвы. В ней сказано, что там стреляли в Ленина, две пули — рана смертельная. Правда, в газете об этом — ни гугу: то ли не успели напечатать, то ли боятся. В Смольном сейчас такое, говорит, творится — жуткая, говорит, паника... Зиновьев, говорит, заперся, окружил себя латышскими стрелками, боится покушения. Еще говорит, сам Дзержинский будто бы едет в Питер разбираться, за что убил Урицкого этот самый Каннегисер. А чего тут разбираться-то? По приказу Урицкого и за подписью Зиновьева в Крестах каждый день расстреливают десятки людей. А Урицкий... о нём поговаривают, будто бы он собственноручно бывшим царским офицерам погоны к плечам гвоздями прибивал. А еще, говорит, в городе разбросаны листовки с призывами бить комиссаров и жидов.

Ермилов побледнел, встал и снова сел. Закурил. Пальцы его дрожали — такого с ним никогда не было. Обстоятельства принимали скверный оборот, и ему нужно быть со своими товарищами либо здесь, в Питере, либо в Москве.

— Вы представляете, Петя, — не замечая состояния Ермилова, продолжал возбужденно Расторгуев: — Жиды начали убивать жидов! Объяснить вам это явление я совершенно не в состоянии, поскольку знаю, что это за народец, и своих, прав он или не прав по отношению к иноплеменным, всегда стараются выгородить... Да и в ихней Торе написано: своего не трогай, а с чужим можно делать все, что заблагорассудится. Да. Тут одно из двух, даже из трех: либо они перегрызли друг с другом от всегдашней своей алчности, либо хотят показать нам, русским, что нет никакой особой жидовской власти, а есть борьба классов и ничего больше. Я не исключаю, что они сами прихлопнули этого Урицкого, чтобы развязать себе руки. Хотя... Хотя чего их развязывать-то? И так развязаны и распущены — дальше некуда... Вы только представьте себе, — говорил Яков Емельянович, бегая по маленькой комнатушке, пять шагов до двери, пять обратно, — вы только представьте себе: в Петросовете, из почти четырехсот членов, русских — всего шестнадцать, остальные — жиды, ест-

ляндцы да лифляндцы... Кстати сказать: слово «жид» нынче под запретом, постановление такое вышло за подписью самого Ленина, что это слово есть контрреволюционность, юдофобия и оскорбление личности. Так что поостерегитесь, а то ненароком ляпнете и попадете в Кресты. А еще было постановление властей, чтоб переселенцев из-за черты оседлости принимать в первую очередь, снабжать жильем и продуктами за счет буржуазного элемента, трудоустраивать, а детей ихних без конкурса принимать в институты и гимназии. Понаехало их тут — пропасть. Народец жадный, нахрапистый, требует у местных жидков своей доли. А на всех не хватает — грызутся. С теми же квартирами... Пустые все заселили, а они всё едут и едут. Что делать? А просто: объявляют хозяина квартиры черносотенцем или кадетом, хозяина — в Кресты, семью — на улицу, жидов на их место... — Покачал головой, вздохнул. — На Западе-то что говорят про наши дела?

— Газеты пугают большевиками. А народ... У народа своих забот хватает.

— Да, для Европы Россия всегда была дальше Африки. Это мы всё: Европа, Европа — свет в окошке! А какой свет, прости господи! Если и светло от него кому, так только не нам, русским. Наше солнце по-нашему нам и светит, да только нынче и его хотят застить, — убежденно заключил Яков Емельянович и развернул газету. — Вот «Красная газета»... почитай, на весь Питер одна и осталась: остальные-то все позакрывали, — пояснил он. — Так вот, этой «Красной газетой» до недавнего времени заправлял некто Володарский, тоже из жидков, так его убили еще раньше. У нас поговаривали, что свой ж и убили, а списали, как всегда, на черносотенцев и мировую буржуазию...

— Что ж, мировая буржуазия — понятие вполне конкретное, — осторожно возразил Ермилов. — И черносотенцы тоже.

Яков Емельянович досадливо махнул рукой, присел на койку.

— Я ведь тоже отношусь к мировой буржуазии! И что же теперь? К стенке меня?.. Вы вот послушайте, послушайте, что пишут в «Красной газете», — и с этими словами Расторгуев отыскал подчеркнутое место, прочитал: — «За кровь товарища Урицкого, за покушение на тов. Зиновьева, за неотомщенную кровь товарищей Володарского, Нахимсона, латышей, матросов — пусть прольется кровь буржуазии и ее слуг — больше крови!» А? Каково? Латыши, матросы — в конце святцев, а про рабочих — ни гугу. Вот вам и рабоче-крестьянская власть!

Сунул газету в руки Ермилову, вскочил, опять заметался по каморке и стал похож на прежнего Расторгуева, непоседливого и говорливого.

— Ну, говорить могут всякое, — попытался возразить Ермилов. — На Западе о России говорят такое, что диву даешься, как у людей язык поворачивается.

— Да полноте! — воскликнул Расторгуев, отмахиваясь обеими руками. — Дыма без огня не бывает. Преувеличения, разумеется, возможны, но в целом... В целом ни для кого не секрет: Кресты переполнены, Петропавловка тоже. И каждый день туда везут и везут... И чуть ли не каждый день печатают списки осужденных к смертной казни. И на всех тумбах развешивают — для устрашения. А как перед этим с осужденными поступают, мы с вами не ведаем. Недавно, сказывали, в Кронштадте две баржи нагрузили чинами полиции, жандармерии, гвардейцами и просто известными лицами, отволокли баржи в Финский залив и затопили. Говорят, была среди них и паратройка жидов, которые получили дворянство от царя-батюшки и очень косо смотрели на всех этих володарских-урицких. Им, видите ли, такая революция была не нужна, они хотели совсем другой, то есть такой, чтобы не выскочки из местечек верховодили в Москве и Питере, а они сами. Однако господам Зиновьеву и Урицкому такая постановка вопроса очень даже показалась обидной и несправедливой... Нет-нет, это добром не кончится. — И, заметив, что Ермилов начал одеваться, посоветовал: — А вы, любезнейший, посидели бы дома: пусть всё успокоится, утихнет, не ровен час, попадете латышам под горячую руку или какому-нибудь товарищу Розе... — И пояснил: — Не знаю, как где, а у нас, в Питерской Чека, одни товарищи Розы сидят и чинят суд и расправу. Даже присказку придумали: «На Горохе сидят розы, все одна в одну стервозы». — И пояснил: — «Горох» — это потому, что Чека на Гороховой улице обосновалась — в доме губернатора. Говорят, сам Горький, любимец жидов, — и тот возмущается.

— Горький в Питере? — спросил Ермилов, продолжая обматывать ноги полотняными серо-зелеными лентами.

— В Питере, в Питере! Все обиженные идут к нему. Да толку чуть... Посидели бы вы дома... от греха подальше.

— Вы, Яков Емельянович, за меня не беспокойтесь: ничего со мной не случится. А вот сами, действительно, поостерегитесь. Как говорится, береженого бог бережет.

И с этими словами Ермилов покинул дом.

В природе ничего со вчерашнего дня не изменилось. Всё так жеплыли по белесому небу грудастые облака. Ленивый

дождь окропил под утро землю, травы и листву деревьев. Туман серой пеленой окутывал прибрежные заросли, тѣк между домами, курился над черной водой каналов. Разноголоса была капель.

К Смольному Ермилов попал уже к полудню. Трамваи почти не ходили, извозчики опасались ехать к центру. Патрули встречались всё чаще. И это были не только угрюмые и сонные латыши, но и задиристые и бесшабашные матросы, сосредоточенные рабочие, русские солдаты Петроградского гарнизона с суровыми и непреступными лицами. И почти во главе каждого патруля человек в кожанке, с маузером на боку, с красным бантом на груди или повязкой на рукаве. Среди «кожанок» встречались женщины-еврейки; такие патрули были особенно бдительны, цеплялись к каждому прохожему.

Город, опустевший за месяцы революционного кипения, как пустеет на жарком огне котел, покорно подставлял осеннему дождю бока обшарпанных домов и язвы мостовых. Березы, выставив напоказ первые охристые пряди, роняли начищенные пятаки листвы. В парках краснели гроздья рябины. Ржавчина уже начала разъедать осанистые липы, в их листве гомонили воробьи. Над крестами и шпилями соборов и церковей кружили галки и вороны, ругались на птичьем языке. Золотистая тишина, плотно окутывающая пустынные улицы, нервно вздрагивала от одиночных выстрелов и кашляющего хрипа проносащихся автомобилей, топота солдатских сапог и ботинок.

Ермилов шел по мостовой, черная с проседью неряшливая борода, стоптанные, но еще прочные американские ботинки на толстой подошве, серо-зеленые обмотки, плотно обхватывающие его слегка кривоватые ноги, брезентовый ремень поверх гимнастерки, латунная бляха со спиленным двуглавым коронованным орлом, поношенная шинель, — ничто не выделяло его из питерских солдат, группами и в одиночку слоняющихся по неряшливым улицам, скапливающихся вокруг тумб с объявлениями и щитов с наклеенными на них газетами. Наоборот, он представлялся самым обыкновенным из них, вышвырнутых из казарм тревогой за завтрашний день.

На Невский проспект вступила внушительная колонна латышских стрелков по четыре в ряд, впереди несли красный транспарант с огромными желтыми буквами: «Даешь красный террор!»

Латыши шагали молча, шагали по самой середке проспекта сплоченными неразрывными рядами, косили на редких прохожих угрюмым, настороженным многоглазым взглядом,

над их серыми шинелями колыхались тонкие нити штыков, в которых путались лучи солнца, иногда выглядывающего из-за туч.

Ермилова патрули останавливали дважды. Он совал им свои документы, пытался, мучительно заикаясь, объяснить, кто он и почему оказался в центре Петрограда.

Его не дослушивали и отпускали.

К дому 2 на Гороховой один за другим подъезжали чадящие грузовые автомобили, из них выталкивали на мостовую испуганных штатских с жалкими узелками и уводили за железные ворота.

Ермилов жадно вдыхал этот тревожный, наэлектризованный приближающейся грозой воздух, с каждым вздохом всё более ощущая себя причастным ко всему происходящему. Ну что с того, что латыши, евреи и прочие! Значит, так надо, значит, без этого невозможно, значит, революция всколыхнула все слоё общества, все нации и народности, и каждый вносит в нее свой посильный вклад. Пора и ему самому вносить, а не отсиживаться за чужими спинами...

И Александр Егорович пришел к окончательному решению: немедленно ехать в Москву, включаться там в общую работу. Почему именно в Москве, а не в Питере? Потому что Москву он знал лучше, в Питере бывал лишь наездами; в Москве он знал людей по совместной работе, в Питере — по редким и почти случайным встречам, вызванным необходимостью. Наконец, Москва — исконно русский город, а Ермилов, хотя и считал себя интернационалистом, от своей русскости избавиться не мог. Да и не очень старался.

В трамвае он услышал, что на Путиловском будет митинг, что туда придет Зиновьев и другие руководители Северной коммуны, и решил побывать на митинге, посмотреть на Зиновьева, который долгие годы был тенью самого Ленина.

Еще Ермилову хотелось повидаться с Алексеем Максимовичем Горьким, с которым был коротко знаком по Капри, где некоторое время учился в рабочей школе. Горького он любил искренне, как любят первого учителя, но уверенность, что вокруг писателя, известного не только в России, но и во всем мире, наверняка ошивается много всякого народу, светиться перед которым совершенно не обязательно, удержала его от этого шага.

Глава 11

Горький, о котором размышлял Ермилов, вспоминая далекое прошлое, встал утром 31 августа как никогда поздно. В

своём кабинете он попил чаю, велел никого из просителей не принимать и, преодолевая слабость, вызванную обострением чахотки, принялся — в какой уж раз! — перечитывать страницы рукописи повести... или романа? — он сам еще не решил... — начатой давно, но подвигающейся вперед медленно и со скрипом.

Написанное ему не нравилось по многим причинам, и главная — оно не отвечало безобразной действительности, которую не могли предсказать лучшие умы российской интеллигенции. Да, Февральская революция 17-го года, встреченная им, Горьким, с восторгом, скинула закостеневшую и опошлившуюся монархию. Да, революция дала русскому народу долгожданную свободу. И что же? А то, что этой свободой воспользовался не народ, а темные силы, выплеснувшие на поверхность неуправляемую стихию, зараженную микробами ненависти как раз к тому слою российского общества, который представляет мозг и душу этого народа. К этому слою отнесил Максим Горький и самого себя.

В действительности всё пошло не так, как виделось ему, когда он брался за тему зарождения и развития капитализма в стране, в которой душилась всякая инициатива энергичных и талантливых людей, а доброе дело поворачивалось к этим людям своей изнанкой, провонявшей навозом, зипунами и расшитыми золотом лакейскими ливреями.

Последовавший вслед за Февралем октябрьский переворот, организованный большевиками, превратил плавное течение российской истории в гигантское половодье, разрушающее на своем пути всё, что было создано минувшими поколениями. На этом фоне характеры и устремления героев будущей повести... — или романа? — казались мелкими, их поступки едва затрагивали глубинные процессы, происходившие и происходящие во всех слоях российского общества, скользили по поверхности. А главное — они не отвечали на вопросы, почему именно в России произошло то, что произошло? Хотя в реальной действительности ответы на эти вопросы лежат на поверхности: российская интеллигенция оказалась не готовой к случившемуся, она разделилась на мелкие партии, группы и группки, неспособные понять друг друга, чтобы противостоять анархии.

Не осознав всего этого, невозможно написать... все-таки, пожалуй, роман, в котором зарождение капитализма в России потребует углубленных доказательств его неизбежности, его способности к постепенному сближению интересов всех социальных групп, избегая потрясений, взаимной ненависти и крови. В то же время необходимо показать и те подспуд-

ные течения, которые толкали часть общества в совершенно другом направлении, проявившиеся сегодня во всей своей жестокой силе...

Горький закурил очередную папиросу.

Настроение было — паршивее некуда. И не столько из-за повести, — ее-то можно переделать! — сколько по причине происходящего, на которое повлиять он не в силах.

Всё, что было задумано и создано незадолго до Февраля и после, всё это пошло коту под хвост. Литературный журнал «Летопись», издательство «Парус», основанные его стараниями еще в 1915 году, закрыты правительством Ленина; «Комиссия по делам искусств», организованная совместно с художниками Александром Бенуа, Николаем Рерихом и Мстиславом Добужинским сразу же после свержения царя, бездействует, как бездействует «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», призванная объединить российских ученых, а задуманный «Союз деятелей искусств» так и не был создан. Наконец, 16 июля была закрыта большевиками издававшаяся им, Горьким, с апреля семнадцатого года независимая газета «Новая жизнь». В ней Горький призывал российскую интеллигенцию внедрять культуру в сознание русского народа, без чего невозможно устроить действительно «новую жизнь», в ней он разоблачал намерения большевиков во главе с Лениным произвести в России пролетарскую революцию, чтобы затем распространить ее по всему миру.

Наконец, именно в его газете соратники Ленина Зиновьев и Каменев поместили сообщение о том, что ленинцы готовят вооруженный захват власти в Петрограде. Они убедили Горького, что Ленин отступится от своей авантюры из опасения, что Временное правительство, предупрежденное о готовившемся выступлении, сумеет пресечь намерение авантюристов. Сам собою напрашивался вывод, что Зиновьев, Каменев и другие их единомышленники с самого начала не верили в реальность переворота, в реальность создания общества и государства на основе примитивных рассуждений Маркса. Более того, их вполне устраивала оппозиционность по отношению к Временному правительству, их устраивала социальная форма общественных отношений, возникшая после Февраля. А коли переворот все-таки произошел, зиновьевым и каменевым ничего не остается, как зверствовать для удержания власти над обманутым народом.

Горький тяжело поднялся из-за стола, подошел к окну, растроил его и долго стоял, вдыхая свежий ветер с Финского

залива, вглядываясь в густую зелень Александровского парка, над которым маячил вдали острый шпиль Петропавловской крепости.

Тяжело вздохнув, он вернулся за стол. Огляделся, точно видел свой кабинет впервые.

Совсем недавно здесь собирались ученые, писатели, поэты, художники. Спорили до хрипоты, как лучше обустроить «новую» Россию... Пустые споры, пустые хлопоты! Улица оказалась сильнее. Ей не нужны ни ассоциации лучших российских умов, ни союзы чародеев изящной словесности, ни издательства, ни книги, ни газеты. Улица вполне обходилась и обходится листовками, над которыми не нужно ломать голову: «Земля — крестьянам! Заводы и фабрики — рабочим! Мир — народам!» Чего проще? А как без технической интеллигенции реализовать на практике эти лозунги, преследуя интеллигенцию, — об этом ни слова.

«Главное — ввязаться в драку, а там будет видно, что делать дальше», — помнится, именно так рассуждал Ленин, побывав как-то на Капри в гостях у Горького. Говорил, совершенно не задумываясь, во что может вылиться завязавшаяся драка, которую он пророчил в ближайшие десятилетия. Он, видите ли, в книжках вычитал, как можно поднять народ — любой народ! в любой стране! — на дыбы и чем разъярить его инстинкты. В его рассуждениях рабочий класс представлялся чем-то вроде сырой руды для металлистов, из которой он и его присные хотели выплавить нечто уродливое, противоречащее исторической необходимости.

И вот — народ на дыбы поднят, инстинкты разъярены до крайности и направлены не на созидание, а на разрушение, рабочий класс оставил заводы и фабрики, оставил голодными свои семьи и взялся за винтовку. А что дальше? Чем всё закончится?

Алексею Максимовичу очень хотелось, чтобы закончилось полнейшим провалом большевиков. И чем скорее, тем меньше прольется крови.

Так и не написав ни строчки, искурив — одну за другой — еще несколько папирос, Горький зашелся долгим лающим кашлем, отхаркиваясь в кувшин с высоким горлышком, отирая вафельным полотенцем холодный пот с осунувшегося лица.

На его кашель в кабинет заглянула Варвара Тихонова, женщина лет тридцати, с приятным лицом, на котором особенно выделялись широко распахнутые карие глаза, в которых отражалась мука сострадания к великому человеку. Варвара добровольно взвалила на себя широкий круг обязан-

ностей при чахоточном писателе после разрыва его с Андреевой и развода самой Варвары со своим мужем, соратником Горького по издательским и прочим делам. Варвара готова была терпеть любые муки, лишь бы быть полезной обожаемому Алексею, всеми покинутому, лишенному женского тепла и ухода.

Правда, здесь иногда появляется Мария Закревская, выдающая себя за баронессу, к которой Горький питает давнишнюю слабость, часто забывая обо всём и обо всех. Поговаривают, что она появилась на Капри, внося разногласия между Горьким и Андреевой, ускорив их разрыв. Дама эта, умная, владеющая языками и наглая, по мнению Варвары, до невозможности, без зазрения совести пользуется слабостью Алексея Максимовича к женскому полу. При этом она путается со многими известными людьми, сходясь то с одним, то с другим, то с третьим. В нее, говорят, без ума влюблен французский писатель Ромен Роллан и бывший английский посол в России Локарт. И будто бы Алексею Максимовичу об этом хорошо известно. Между тем у нее на Кронверкском своя комната, где она останавливается на короткое время. Питерские чекисты дважды проводили в ней обыск в поисках оружия и запрещенной литературы, но так ничего и не нашли, зато всякий раз заставляли оскорбленного Алексея Максимовича обращаться к Ленину в надежде на защиту от произвола Зиновьева и его клики.

Горький, увидев входящую в кабинет Варвару, замахал руками, тяжело дыша, не в силах произнести ни слова и страдальчески глядя на свою опекуницу.

Не обращая внимания на протесты своего подопечного, Варвара усадила его на диван, высыпала в стакан из бумажного пакетика порошок, развела его кипяченой водой, заставила выпить, приговаривая:

— Ты, Алешенька, в этом сыром Питере доведешь себя до кровохаркания. Уезжать тебе отсюда надо. И как можно скорее. Зиновьев-то со своей бандой тебя в гроб загонит. Тем более что всех писателей и ученых от этих убийц не спасешь, за всех не заступишься, всех не накормишь. И денег-то на всех не напасешься. Продукты всё дорожают и дорожают, зиновьевцы продукты распределяют между своими, положение рабочих их не волнует...

— Ну, полно тебе, Варюшка, полно, — хрипел Горький, продолжая задыхаться. — Не всё так уж плохо, дорогая моя. Тем более что других-то, кто может заступиться за наши русские умы и таланты, кроме нас нету. А люди науки, искусства — люди беззащитные, беспомощные. Помочь им, вырвать иных из лап озверелой питерской Чека — наша святая

обязанность. Уж коли так вышло, что большевики со мной пока еще считаются, этим надо пользоваться. Вся надежда, что они долго не продержатся. Сама знаешь, как мне тошно и унижительно кланяться то Ленину, то Зиновьеву, то Дзержинскому, то Луначарскому, то еще кому-то из этой банды. Так-то вот, дорогая моя нянюшка.

Горький, женатый трижды, но лишь однажды законным образом, никак не мог обходиться без женщины, понимающей его предназначение в этом мире, способствующей это предназначение исполнять наиболее полно. Варвара вполне отвечала этим качествам. Но главное — ее не пришлось разыскивать в толпе его поклонниц, она будто стояла за дверью в ожидании, когда придет ее черед занять освободившееся возле него место.

— Отдохнуть, Алешенька, тебе надобно, — ворковала Варвара. — Лучше всего в Италии: там климат хороший, подлечишься. И никто мешать тебе не станет. Здесь — я-то вижу — не пищется тебе. А ты ведь писатель от бога. Таких нынче днем с огнем не сыщешь по всей России. Да и в Европе тоже. Зато там тебя ценят. А писать письма хоть бы тому же Ленину — пусть этим занимаются Андреева и Крючков. ПеПеКрю — мужик хваткий, с подходцем. Он и к Урицкому вхож, и к Дзержинскому. Правда, Зиновьев его терпеть не может, так он и тебя ненавидит, завидует твоей популярности. Не дай бог, упечет тебя в Кресты — с него станется, а там — с твоим-то здоровьем...

— Полно тебе, полно, ангел мой, — вяло отбивался Алексей Максимович. — Руки у него коротки...

Он откинулся на спинку дивана, устало смежил веки. После долгой паузы спросил:

— Как там у нас?

Варвара лишь пожала плечами: мол, не ее это дело — следить за тем, кто встал, а кто всё еще валяется в постели.

— Да как всегда: кто встал, а кто не поймешь чем занят.

— Да, что-то я хотел спросить у тебя, — начал Горький, посмотрев на стоящую перед ним Варвару. — Впрочем, это не важно. У тебя, наверное, и без меня забот полон рот... — продолжил он, но в дверь постучали, она чуть приоткрылась, заглянула горничная, молодая женщина с бесхитростным лицом, в цветастом переднике и белой косынке.

— Ах, прощения просим! — произнесла она нараспев. — Обед-то куда подавать? Сюда аль в общую столовую?

Варвара, опередив Горького, ответила неожиданно твердым, почти мужским голосом:

— В общую. И, будь добра, позови к столу всех.

На Кронверкском проспекте, 23, в доходном доме Елизаветы Барской, Горький снимал весь второй этаж из одиннадцати комнат. Четыре комнаты занимал он сам: спальня, библиотека, кабинет и комната-хранилище художественных произведений, скупаемых им за бесценок у обнищавших владельцев. В самой большой из комнат была устроена столовая. За длинным обеденным столом каждый день собирались обитатели квартиры и кое-кто из ближайших друзей-приятелей, частенько столовавших в это голодное время у хлебосольного хозяина. Впрочем, принимали и совершенно незнакомых.

Когда Горький вошел в столовую, там суетились, собирая на стол, две женщины. Неожиданно для себя он застал в столовой и своего двадцатилетнего сына Максима, приехавшего ночным поездом из Москвы, где жил со своей матерью, Екатериной Павловной Пешковой.

Макс ходил вдоль стола и что-то жевал. Увидев отца, поперхнулся, пошел ему навстречу, оправдываясь:

— А я вот даже позавтракать не успел. Пока ехал на лихаче с Московского вокзала, не встретил ни одной открытой харчевни. И город будто вымер — одни патрули.

Отец и сын сошлись, обнялись, расцеловались.

Горький прослезился, тиская сына в своих объятиях, то и дело отстраняясь, разглядывая его и восклицая:

— А ты повзрослел, повзрослел, мой мальчик! Возмужал, возмужал! — Спросил: — Чем теперь занимаешься?

— Феликс Эдмундович назначил меня дипкурьером. Вот... приехал. Привез бумаги для Зиновьева, Урицкого, еще для кого-то... — Пояснил: — Сам знаешь: почта работает из рук вон плохо. Вот и приходится... Как сказал мне Владимир Ильич, через год-два всё наладится, крестьяне будут пахать и сеять, рабочие производить промышленные товары, интеллигенция...

Макс хотел было продолжить, чтобы показать, как он близок к нынешней власти, но отец, не слушая его, зашепшил с новыми вопросами, не давая сыну ответить ни на один из них, вытирая скомканным платком глаза:

— Что новенького в Москве? Часто ли видишься с Лениным? Как там мать? Пишет мне редко, о восстании эсеров — ни слова. Она еще не порвала с ними? Как к ней относится Дзержинский?

Горький боялся ответов сына, тем более прилюдно, зная о его не самых лучших пристрастиях и поступках, боялся ссо-

ры, новых переживаний за его судьбу и неизбежных пересудов по этому поводу «в определенных кругах».

Тисканье отца с сыном продолжалось бы и дальше, если бы в столовую, стараясь быть незаметными, не вошли друг за другом великий князь Гавриил Константинович Романов и его жена Анастасия Нестеровская, бывшая балерина. Князя — по случаю его болезни — Горькому совсем недавно удалось вызволить из тюрьмы, но там еще оставались великие князья Павел Александрович, Дмитрий Константинович и Николай Михайлович, освобождения которых Горький продолжал добиваться, бомбардируя Ленина и Зиновьева письмами, доказывая, что князья занимаются научной и просветительской деятельностью, а посему не представляют опасности для Советской власти.

Горький еще не знал, что по приказу Зиновьева, решившего не дожидаться окончательного решения вождя, а может быть, и с его согласия, великие князья уже были расстреляны.

Отпустив сына, Алексей Максимович шагнул навстречу супругам, протягивая обе руки, точно собираясь обнять обоих сразу.

— Всё хотел с вами поговорить, Гавриил Константинович, да всё как-то... то одно, то другое, — оправдывался он, конфузясь и пожимаясь. — Пока ни Зиновьев, ни Ленин не отвечают на наши запросы. Черт знает что! Для них личность — явление ничтожное, — всё более возбуждался Горький, вцепившись в рукав домашней куртки великого князя. — В России, как всем известно, мозга мало. Мало талантливых людей. Потому что ничтожен процент грамотности. И слишком — слишком! — много жуликов, мерзавцев, авантюристов. При этом большевики ведут искоренение — именно так! — голодных стариков-ученых, которые продолжают заниматься своей работой на благо России! Они выселяют их из квартир, всячески оскорбляют, засовывают в тюрьмы под кулаки идиотов, обалдевших от сознания власти своей над беззащитными людьми. И самое невероятное с точки зрения самосознания еврейского народа, что в этой гнусности принимают участие еврей-большевики. Я вовсе не ставлю знак равенства меду евреями и большевиками. Упаси бог! Но массы на практике сталкиваются чаще всего с евреями, которые руководят этим искоренением, возглавляют процессы текущей жизни. Так нельзя! Подобное явление не может не вызывать глухого сопротивления обывателя. В то же время оно внушает евреям, что им позволено всё. Буквально всё для достижения поставленной цели! Я собираюсь об этом напи-

сать Ленину. Меня беспокоит, что притихший было в России антисемитизм вновь поднимает свою змеиную голову. Я уже писал ему об этом, но тогда не всё было ясно...

Горький поперхнулся и умолк, увидев входящую в столовую Марию Федоровну Андрееву, считавшуюся его то ли второй, то ли третьей женой целых восемь лет. В ее присутствии он опасался критиковать советскую власть, особенно — ее кумира Ленина: она бы ему не спустила.

Андреева переступила порог столовой, гордо неся свою царственную голову, обрамленную золотисто-рыжими волосами. Несмотря на возраст, она всё еще была хороша собой. За нею, точно цыплята, следовали двое ее повзрослевших детей. Процессию замыкал секретарь Андреевой и, одновременно, ее сожитель Петр Петрович Крючков — ПеПеКрю, как его называли заглазно. Невысокого роста, несколько полноват, но весьма импозантен, он был на целых 17 лет моложе своей сожительницы. Лишь недавно став членом партии большевиков, он одновременно поступил на службу в ВЧК. В его обязанности входило — помимо всего прочего — докладывать лично Дзержинскому обо всем, что делалось и говорилось на Кронверкском, 23.

Горький смотрел на Марию Федоровну со странным чувством изумления, смущения и робости: так она изменилась с тех пор, когда играла в его пьесе «На дне» Наташу. Ведь ради неожиданно вспыхнувшей между ними любви он оставил в 1904 году — подумать только, как давно это было! — свою законную жену и двоих детей. То было время бурных страстей, не только вспыхнувших между ними, но и по всей России. Андреева втянула своего любовника в политику на стороне большевиков, вместе они помогали тем, кто сражался на баррикадах Красной Пресни в Москве в декабре пятого года, вместе бежали за границу после поражения революции, несколько лет провели на итальянском острове Капри, вместе посетили Америку с целью раздобывания денег для партии Ленина.

Их союз распался в 1912 году: накапливались противоречия, Горькому становилось все труднее терпеть бескомпромиссный и решительный характер Андреевой, пламя бурной любви постепенно угасло, едва тлеющие угли уже не грели. К тому же появилась Мария Закревская, свежая, молодая, знающая несколько языков. Она взяла в свои руки переводы писем Горького на языки писателей разных стран, а их письма — на русский язык, заменив Макса, оказавшегося бестолковым переводчиком, а в постели — Андрееву.

Оставив великого князя с супругой на полуслове, Горький шагнул навстречу Андреевой. Поцеловав ей руку, он покровительственно похлопал по плечу детей, пожал руку Крючкову.

— Как ты себя чувствуешь? — задала Мария Федоровна дежурный вопрос.

— Спасибо, ничего, — пробормотал Алексей Максимович дежурный же ответ, чувствуя на себе ревнивый взгляд Варвары.

Постепенно подтягивались другие обитатели квартиры и дома. В их числе бывший супруг Варвары Тихоновой, проживавший в этом же доме. И двое тихих, незаметных художников, когда-то прославившихся карикатурами на Ленина, Троцкого, как, впрочем, и на политиков из других партий. Их карикатуры печатались в демократической прессе, в том числе и в горьковской газете «Новая жизнь». Питерская Чека художников, как и великого князя с женой, пока не трогала, и все они томились в ожидании возможности выезда из России — не важно, куда, — прислушиваясь к каждому подозрительному звуку, доносившемуся извне.

Сегодня гостей со стороны почему-то не было. Подобное случалось редко, и пустые стулья, сиротливо торчащие над столом своими резными спинками, создавали впечатление какой-то зловещей недосказанности.

Здесь, между прочим, не только кормили, но и одаривали иных продовольственными пайками. Горькому это ничего не стоило, кроме нервоотрепки из-за постоянных стычек с комиссарами Петросовета, ведающими распределением материальных благ: он с некоторых пор неофициально возглавлял «Комиссию по оказанию материальной, продовольственной и бытовой помощи деятелям науки и культуры». Но не сам-перст, а совместно с некоторыми академиками и профессорами с мировыми именами: ведь в Питере находилась и сама Академия наук, и большинство ее институтов, здесь жило и работало большинство ученых, писателей, художников, музыкантов — весь цвет российской интеллигенции.

Напольные часы показывали пятнадцать минут третьего. Однако колокольчик у подъезда так и не потрезвонил, молчал и телефон. И хотя никто не проронил ни слова, но время ожидания вышло, и каждый занял свое место.

На столе в огромной фарфоровой супнице томился рыбный суп. Конечно, рыбный суп — это не настоящая русская уха, однако в нём было почти всё, что положено: и крупный судак, порезанный на куски, подаваемые отдельно; и молодая картошка, и морковь, и корешки, и зелень петрушки.

Для сытности в суп была добавлена перловая крупа, а по случаю отсутствия черного перца — горький луговой лук. Рыбу привозили с Ладого рыбаки, стоила она не слишком дорого.

В плетёной из хвороста ажурной хлебнице блестящей корочкой манил ситный хлеб из хорошей ржаной муки. Посредине стола пел свою заунывную песню двухведерный тульский самовар.

На второе была подана жареная картошка с зайчиной — почти невозможная роскошь по тем временам.

Ели не спеша, особенно гости, стараясь показать, что они не настолько голодны, чтобы спешить, и вообще попали за этот стол случайно, да и неловко как-то отказываться, когда тебя приняли с таким радушием.

Алексей Максимович — на правах хозяина — восседал во главе стола. Он, напротив, ел быстро, посылая в широко разеваемый рот ложку за ложкой, стараясь не замочить усы, прикрывающие не только верхнюю губу, но и — частично — нижнюю, на его худом костистом лице челюсти двигались как два жернова. При этом он с хитровой усмешкой поглядывал на сотрапезников, посверкивая влажными глазами, так что кому-то могло показаться, что Горький то ли вот-вот заплачет, то ли засмеется. А он не собирался делать ни то, ни другое. Он всего-навсего боялся, что его трапезу вот-вот прервет чахоточный кашель, который возникал чаще всего именно тогда, когда его не ждешь. Ну и, наконец, он просто не мог есть молча, тем более что в голове его постоянно возникали мысли, которыми он должен был поделиться с присутствующими. А то ведь как иногда бывает: соберутся интересные люди, наедятся и надолго пропадут неизвестно где, так и не узнав, что думает писатель Горький о тех безобразиях, что творятся в Питере, — и не только! — и что он делает или собирается делать, чтобы эти безобразия прекратить. Уж кому-кому, а Горькому известно, что о нём думают некоторые интеллигенты, уверенные, что именно он своим творчеством и конкретными делами способствовал возникновению этих безобразий, не важно, по глупости или по злой своей воле.

Но новых интересных людей сегодня почему-то не было, а старые и без того знали, что думает Горький по тому или иному поводу.

Глава 13

В то время как за столом еще не покончили с супом, с Каменноостровского проспекта на Кронверкский повернули двое. Впереди шагал статный человек в сером макинтоше и

серой же шляпе, неся в руке докторский саквояж. Это был широко известный в Питере врач Манухин. За ним едва поспевал худосочный человек в поношенном драповом полу-пальто неопределенного цвета, в приплюснутой кепке с пуговкой, из-под помятого козырька которой торчал хищный нос, нависающий над черной кляксой усов, отчего и голова его тоже казалась приплюснутой. Этот второй был довольно известным писателем Чуковским, и не просто писателем, а писателем детским, чьи сказки читались малышам перед сном не только в семьях интеллигентов, но и мещан.

Кронверкский проспект был пуст, если не считать какой-то бабы, пересекающей впереди проезжую часть с коромыслом на плечах. Судя по семенящим, шаркающим шагам бабы, ведра были полными. И оба путника подумали, что если и не к счастью, то, по крайней мере, и не к беде.

В прохладном воздухе невидимым огромным камнем висела настороженная тишина. Правда, с Невы иногда доносились рывкающие гудки буксира, да где-то в глубине дворов вдруг остервенело залает собака и так же неожиданно, точно придушенная, смолкнет, но эти звуки даже усиливали тишину, делая ее почти осязаемой. Такую тишину нарушать боязно не только голосом, но даже шарканьем шагов, и доктор с писателем шагали молча, а если случалось шаркнуть на неровности, то тут же испуганно оглядывались по сторонам.

В эту-то болезненную тишину и врезалось вдруг отдаленное тарыхтение и чихание приближающегося автомобиля.

Идущие, услышав эти чужие для тишины звуки, остановились и оглянулись одновременно: действительно, вдали черным жуком катил автомобиль и катил в их сторону. Он был еще далековато, детали рассмотреть невозможно, но любовью из этих двоих мог дать сто к одному, что он принадлежит питерской Чрезвычайке.

Манухин, которого Горький спас от неминуемого расстрела за будто бы контрреволюционную деятельность, хорошо знающий город, поскольку частенько ходил по вызову на дом прихворнувших пациентов, не раздумывая, свернул — от греха подальше — в ближайшую подворотню. Писатель правильно последовал за ним.

Они втиснулись в нишу под аркой одного из многочисленных доходных домов, прижавшихся друг к другу, настороженно прислушиваясь к нарастающему тарыхтению и чиханию.

— Вот ведь штука какая, — полупшепотом заговорил Чуковский, нервно похихикивая, стараясь как бы отодвинуть надвигающуюся опасность. — Прячемся мы тут с вами, хотя

ничем не провинились перед нынешней властью, а в это время катит в авто какая-нибудь, извините за выражение, баба в коже и высматривает, кого бы ей сцапать и притащить на Гороховую. Не важно, кого...

— Что, страшно? — усмехнулся Манухин, поправляя очки.

— Если честно — даже очень. Чёрт их знает, этих баб, что им взбредет в голову.

— И этот, заметьте, страх у человека, там не побывавшего. Что же тогда остается мне?

— Вот уж не знаю...

— А вы представьте себе, — вы же писатель! — представьте: машина останавливается, кто-то спрашивает у бабы с ведрами: «Тетка, ты не видела, куда свернули двое?» А тетка им: «Как же, как же! Очень даже видела: вон в ту подворотню». И не успеем мы с вами и шага сделать, как они тут как тут.

— Чур меня! Чур меня! — закрестился Чуковский с неестественным старанием. — Еще накличете...

— В такое время не знаешь, по какому поводу взывать к Господу богу, а по какому к товарищу Зиновьеву, — глубоко-мысленно изрек Манухин. Затем спросил: — А что вы думаете об убийстве Урицкого?

— С одной стороны — он этого вполне заслужил, а с другой — это повод для Чрезвычайки, чтобы хватать всех подряд.

— Так какая, извините, нелегкая несет вас к Горькому в такое время? Хотите там отобедать или отсидеться?

— Что вы? Что вы? Я... как бы вам это объяснить? Мне интересно, что по этому поводу думает Алексей Максимыч. Что ни говорите, а Горький — это нечто вроде промежуточного звена, если так можно выразиться, между нынешней властью и властью прошлой. В нём как-то странно всё перепуталось. Он мечется между полюсами: на одном полюсе слишком жарко, на другом — слишком холодно. Вы не находите, доктор?

— Я не вхож в круг его почитателей, — неожиданно отрезал Манухин. — И странного в нём ничего нет: человек, волею судеб и таланта вознесшийся над нами, грешными. Если графа Толстого заносило, так что вы хотите от бывшего мещанина? В России, кстати сказать, заносит всех литераторов! — с кривой усмешкой заключил Манухин. — И вас тоже занесёт когда-нибудь. Если еще не занесло.

— Вы не любите Горького? — спросил Чуковский.

— А за что мне его любить? — пожал плечами доктор. — Да, он выцарапал меня из лап Чрезвычайки. За что я ему чрезвычайно... извините за тавтологию!.. весьма благодарен.

Но я его об этом не просил — просили другие. Тем более нам не доводилось говорить на тему, каким звеном является Горький между теми и этими. Я — врач. Я нужен и тем и другим. Если я буду рассматривать своих пациентов с позиций кто за, а кто против, то меня действительно надо расстрелять...

— Извините, доктор, я не собирался проводить некую черту между вами и Горьким... — заволновался Чуковский. — В свое время я не пропускал ни одного номера горьковской газеты «Новая жизнь». Меня поражала отвага, если так можно выразиться, с которой Горький напал на Ленина и вообще на большевиков. Особенно глядя на прошлое с позиций нынешнего времени. Кем только он не обзывал тогдашнего Ленина: и отравившимся вместе с Троцким гнилым ядом власти, и хладнокровным фокусником, и авантюристом, и безумцем, и рабом догмы — всего и не упомнишь. И что же? Ленин всё это стерпел. А Горький? Горький теперь клянчит у Ленина то одно, то другое... Я понимаю, что в этом есть некая необходимость, но я никак не могу соединить всё это в лице одного человека, известного не только в России, но и во всем мире. Поэтому вот иду, чтобы попытаться...

— Что касается меня, — перебил путаную речь писателя Манухин, — то, во-первых, я не читал и не читаю газет, чтобы не отравиться этим, как вы изволите выразиться, гнилым ядом. Для моей профессии это непозволительная роскошь. Во-вторых, мне кажется, что вам, господин писатель, не мешало бы приглядеться внимательнее к самому себе: в вас тоже есть нечто горьковское.

— Ну, это вы, доктор, пожалуй, перегнули! — протестующе воскликнул Чуковский и даже выдвинулся из ниши наружу, чтобы лучше видеть своего нечаянного собеседника, но в эти мгновения тарактение автомобиля достигло наивысшей громкости, что заставило писателя поспешно втиснуться в нишу, и оба замерли в ожидании неизвестно чего.

Прошло еще несколько мгновений — автомобиль стал удаляться, и вновь установилась настороженная тишина.

— Что ж, пойдем? — произнес Манухин не слишком уверенным голосом.

— А если они остановились и ждут? — забеспокоился Чуковский. — Или спрашивают бабу с ведрами, куда делась эта двое?

— Если остановились и ждут, значит, схватят нас и расстреляют.

— Типун вам на язык... извините, доктор, за грубое выражение...

— Ничего: и не такое доводилось слышать. Тогда идемте: не стоять же нам тут до ночи. Да и пациент меня ждет. А у него, между прочим, цирроз печени.

Они покинули нишу, выглянули — проспект в обе стороны был абсолютно пуст.

Глава 14

В доме за номером 23 доедали картошку с зайчатиной, когда зазвенел наружный колокольчик. Через пару минут в коридоре послышался приглушенный шум. Затем дверь отворилась, заглянула домработница и сообщила:

— Алексей Максимыч! Там к вам просится Корней Иванович Чуковский.

— Корнюша! Проси, Липочка! Проси! — воскликнул Горький, откидываясь на резную спинку стула, отирая платком усы и загадочно ухмыляясь.

Чуковский остановился в дверях, быстрым взглядом черных глаз окинул стол и сидящих за ним людей.

Все повернулись к нему лицом, с любопытством разглядывая нового посетителя, словно видели его впервые.

— Перед вами, господа-товарищи, — возвестил Горький с довольной улыбкой, — будущее светило русской литературы! Кладезь ума, юмора и детской наблюдательности. — Затем, обращаясь к вошедшему: — Что ж ты встал, Корнюша? Заходи! Заходи! Милости просим. Выбирай любое место. Припоздал малость, но это ничего: мы еще не всё съели. Тебе хватит! — под сдержанный смешок художников пошутил хозяин стола и захекал от неловкости.

— Спасибо, Алексей Максимыч! Я уже отобедал. Я чего пришел... — Чуковский более внимательно оглядел присутствующих, ища ответ на свой, еще не заданный вопрос. Догадался, что присутствующие, что называется, ни сном ни духом, но вопрос все-таки задал: — Вы что же, господа, ничего не знаете?

— А что мы должны знать? — настраивался Горький на шутливую волну. — Крестьяне повезли в город хлеб? Заводы и фабрики начали работать? Товарищ Зиновьев объявил вольную томящимся в узилище безвинным ученым и писателям? Что такого мы еще не знаем в нашей юдоли?

— Что такого? А вот что вы, судя по всему, не знаете! — воскликнул Чуковский и, выдержав паузу, перешел на заупокойный тон сельского дьячка: — Вчера утром... в доме номер шесть, что на Дворцовой площади, был застрелен... председатель Петрочка, он же — народный комиссар внутрен-

них дел Северной коммуны... небезызвестный всем вам товарищ... Моисей Соломонович Урицкий, — закончил свою декламацию Чуковский. Из всего этого нельзя было понять, расстроен он или, наоборот, обрадован. Видя окаменевшие лица, он пояснил: — Об этом, кстати, сообщается в сегодняшнем номере «Красной газеты». Стрелявший — юнкер Михайловского артиллерийского училища Леонид Каннегисер. Фамилия его родителей, надеюсь, вам всем известна, — и он в подтверждение своих слов потряс свернутой в трубочку газетой..

В столовой повисла странная тишина. Никто не знал, радоваться или горевать.

— Теперь начнется, — пробормотал в жуткой тишине один из художников. — Теперь руки у них развязаны окончательно.

Тяжело поднялась Андреева. Лицо ее было чуть менее белым, чем белый воротничок ее блузки. Она с трудом отстранила стул и направилась к двери. Остановившись в двух шагах от нее, обернулась, произнесла:

— Пойду... позвоню. Я не исключаю, что мы имеем дело с обыкновенной провокацией.

— Но газета! — воскликнул Чуковский. — Это же «Красная газета»! Ей-то зачем нужна провокация?

— Мало ли, — отмахнулась Мария Федоровна и решительно скрылась за дверью.

Никто не знал, как себя вести за этим столом после такого известия. Зато знали о беспредельном юдофильстве хозяина квартиры, который называл евреев «друзьями своей души». А тут один еврей убил другого. Ладно бы — на бытовом уровне. То есть по пьянке или еще как-нибудь. В данном случае налицо — явная политика.

— Папа, и что теперь будет? — робко спросил Макс своего растерявшегося отца, до которого с трудом доходило случившееся.

— Что будет, что будет! — воскликнул Горький, непослушными пальцами пытаясь достать из портсигара папиросу. — Откуда мне знать, что будет! Я не господь бог, не Зиновьев и не Ленин. Это они знают, что будет. Если вообще что-нибудь знают. Что будет, то и будет!

Горький наконец-то выудил из портсигара папиросу, закурил, сломав при этом две спички.

Все видели, как дрожат его руки. И понимали, что если газета не соврала, то надо ожидать нечто ужасное. И более всего для большинства из тех, кто сидит за этим столом.

Один из художников приподнялся, но другой дернул его за подол толстовки — и тот сел, пожимая плечами.

Все ждали Марию Федоровну. Все знали, что она может позвониться куда угодно и до кого угодно. Даже до Ленина.

— Что там — в городе? — спросил Горький у Чуковского.

— В городе? В городе красные флаги с черными лентами. Патрули, машины с солдатами, матросами, кожаными куртками. Большинство трамваев стоит. На перекрестках броневики. Смольный оцеплен латышами. Везде пулеметы и пушки. Нас — мы шли с доктором Манухиным — проверяли дважды. Искали оружие и листовки. Выручал мой пропуск от «Красной газеты». Подписан следователем Чека Аграновым. Он сейчас ведет это дело.

— Что бы ни было, а жизнь продолжается, — произнес, будто проснувшись, Горький. — Я думаю... Я думаю, что надо приступить к чаю. А то самовар простынет. — И обращаясь к домохозяйке, застывшей у двери: — Липочка! Вели убрать лишнюю посуду и подать чашки.

— Хорошо, Алексей Максимыч. Сейчас сделаем, — встрепенулась Липа, отделившись от стены.

Но в это время дверь медленно растворилась и на пороге замерла Мария Федоровна, уцепившись обеими руками за косяк. Казалось, что она вот-вот сползет по дверному косяку, подобно какому-нибудь беспозвоночному существу.

Чуковский, продолжавший топтаться возле стола, кинулся к ней, подхватил под руку. С другой стороны — Липа. Вдвоем они довели Андрееву до дивана, усадили и замерли над нею истуканами.

— Что там? Что? — не выдержал Алексей Максимович, нависая над столом.

— Ленин... — пролепетала Мария Федоровна.

— Что — Ленин? Что? — кинулся к ней Крючков.

— Ранили... в Москве... Вчера вечером... Две пули... сказали — отравленные... Сказали... — и зарыдала, закрыв лицо руками.

Двойное покушение в один и тот же день говорило о тщательно подготовленном заговоре. А еще о том, что с минуты на минуту действительно начнется нечто ужасное.

Закурив вторую или третью папиросу, раскашлялся, зажимая рот платком, Горький. Кашляя, будто лая, он вышел из-за стола, направляясь к окну, отмахиваясь свободной рукой, точно за ним тянулся рой надоедливых мух.

Липа и Крючков увели Андрееву. За ними последовали ее дети. Бесшумными тенями исчезла супружеская пара Романовых. Стараясь не стучать стульями и не топтать, прошмыгнули в дверь художники.

Макс, как ни в чём не бывало, налил из самовара в чашку кипятку, добавил из заварного чайника, сел за стол, положил из хрустальной вазы в розетку брусничного варенья — всё это молча, не глядя по сторонам — стал пить чай.

Чуковский пожимал плечами, не зная, на что решиться: остаться или уйти.

Горький, откашлявшись, вернулся к столу. Судя по тому, что он, сев возле самовара, механически последовал за своим сыном, а затем, спохватившись, отставил пустую чашку в сторону, масштабы случившегося постепенно стали прорисовываться в его сознании.

— Так я пойду? — робко спросил Чуковский, опустив чёлку на самые глаза. А то дома будут волноваться...

— Что? Ах, да! Да-да! Конечно! Что-то я хотел у вас спросить, — заговорил Горький, вращая на столе пустую чашку. — Вы не знаете, что там говорят? Я имею в виду улицу. Ну и — вообще.

— Да как вам сказать, Алексей Максимыч. Народу на улице почти нет. Народ боится нос на улицу показывать: мало ли что. Но краем уха я слыхивал, что вроде бы хватают людей в качестве заложников. Всех подряд. Еще говорят, что сегодня будет митинг на Путиловском. Всё, знаете ли, как-то потаенно и тревожно. Даже на тумбах нет ни одного нового объявления. Все — вчерашние. Еще — будто бы объявлен комендантский час. Короче говоря, мрак и полная неизвестность.

— Да-да-да! Да! Именно так и есть: мрак и неизвестность. Что поделаешь... Что поделаешь... — бормотал Горький, уставившись в одну точку на противоположной стене.

Чуковский исчез незаметно. Даже не попрощавшись. Почти на цыпочках покинул столовую Макс.

Вошла Варвара Васильевна, приблизилась к Горькому.

— Пойдем, Алешенька, пойдем. Что тут сидеть-то? А чаю я тебе сделаю и принесу в кабинет, — ворковала она. — Ну, застрелили и застрелили. Теперь уж не воскресишь. Да и зачем? У этого Урицкого руки, небось, по локоть в крови. Ее уж и не смывать ничем. Пускай еврейский бог с ним и разбирается. А у нас своих забот хватает.

— Да-да! Ты, как всегда, права, — бормотал Горький, шаркая по давно не крашенным доскам пола подошвами домашних гамаш.

А в голове билось, как птичка в клетке, что-то совершенно неопределенное: «Да, Урицкий — это... это чёрт знает что! В то же время на его совести многие ученые, писатели, поэты. Да и князя... Один поэт, другой — ученый, третий — обще-

ственный деятель... Под сурдинку может и их... того самого... Впрочем, его же застрелили! Вчера! — спохватился Алексей Максимович, тщето пытаясь распутать клубок причин и следствий. — Зато у Зиновьева — руки развязаны полностью. Тем более что Ленин... Впрочем, он — из того же ряда. Но — с другой стороны — как бы и в стороне. Или — даже! — над всеми. А в целом — всё это противоречит самой жизни, заставляет думать, что...»

В дверь постучали.

Варвара замерла с чашкой чая в руках.

Горький тоже с удивлением уставился на дверь.

Им обоим казалось: после того, что сообщил Чуковский, жизнь должна остановиться, замереть в ожидании решения, способного урегулировать все сложные проблемы, или, лучше сказать — самоурегуливаться без вмешательства человека.

— Да! — воскликнула Варвара, с испугом посмотрев на Горького, полулежащего в покойном кресле, выставив острые колени, будто укороченного в росте, такого беззащитного и даже жалкого.

Дверь отворилась, вошла Андреева.

— Алексей Максимыч! — обратилась к нему Мария Федоровна, прикрыв за собой дверь. — Я к тебе по делу. По срочному делу.

Ее лицо всё еще отражало трагизм полученных сообщений, однако голос был тверд и решителен.

— Да-да, Маша! Я вот тут... несколько... Однако чувствую себя вполне, так сказать... А что, собственно, случилось?

— Надо поговорить, — повторила Мария Федоровна. — Это очень важно.

И в ожидании посмотрела на Варвару.

— А-а, ну да... Я-ааа... Мне надо на кухню... Я пойду, пожалуй? — повернулась она к Горькому.

— Да-да! Иди, Варюша! Иди! Не беспокойся. Мы попозже... Всё это... Кстати, посмотри там, что Макс... — говорил Горький, делая рукой выталкивающие жесты.

Мария Федоровна придвинула стул к креслу, в котором ворочался Алексей Максимович, явно чувствующий себя не в своей тарелке. Она села, распустив сборки широкой юбки, и вскинула свою царственную голову, обрамленную золотисто-рыжими волосами. Так она делала всегда, прежде чем начать серьезный разговор.

Варвара Васильевна с порога оглянулась, обреченно вздохнула, зная, какое влияние продолжает оказывать на ее подопечного Андреева. Сейчас ей особенно хотелось присут-

ствовать при разговоре этих людей, чтобы хоть как-то смягчить давление бывшей жены на бывшего мужа. Она была уверена, что обожаемому Алешеньке от этого давления не поздоровится.

Глава 15

— Алеша! — начала Мария Федоровна, обращаясь к Горькому, как в былые времена. — Я знаю, что ты к Владимиру Ильичу относишься, мягко говоря, без всякого пиетета. Это твое право. Разумеется, я читала твои критические статьи, так или иначе затрагивающие деятельность Ленина на посту главы советского государства...

Горький заворочался в своем кресле, пытаясь приподняться, но Мария Федоровна пресекла эту попытку энергичным движением руки.

— Выслушай меня, Алеша, а потом... Я не хочу спорить! — воскликнула она. — Спор в данном случае совершенно неуместен... И даже вреден. Потерпи! Дай высказаться. Так вот. Мы с Крючковым дозвонились в Москву до Каменева... Он в настоящий момент замещает Владимира Ильича на посту председателя Совнаркома. Лев Борисович убедил нас, что рана у Ленина, конечно, серьезная и потребует длительного лечения, но, к счастью, не смертельная. И это благо. В противном случае власть с неизбежностью может оказаться в руках Троцкого, Якова Свердлова, Зиновьева и прочих партийцев из этой обоймы. Для них Россия лишь полигон для развертывания так называемой перманентной революции. Что это такое, ты, я уверена, имеешь представление. К тому же, с этими товарищами мы с тобой уже сталкивались. И то, что мы еще живы, заслуга Владимира Ильича. При всём твоём пиетете к евреям вообще, евреи у власти, да еще в такой стране, как Россия, — это ужасно, это грозит всеобъемлющим террором против всякого инакомыслия, неисчислимыми жертвами, деградацией, а в результате — полнейшим развалом Российского государства.

— Но мы уже на этом пути, — рванулся Горький, вцепившись длинными пальцами в подлокотники кресла. — И евреи тут ни при чем. Наши русские ничуть не лучше! И не только те, что у власти. Меня удивляет и до глубины души возмущает, что русский народ позорно терпит бессмысленный и бездарный режим Советской власти, где заправляют так называемые коммунисты. Почти все они такие воры, каких свет еще не видывал! Тебе ли не знать! Я уверен, что вся эта катавасия кончится тем, что эти псевдокоммунисты че-

рез два-три года превратятся в подлейших буржуев, для которых деньги станут единственной целью их существования. Именно так! Таких коммунистов — надо пороть!

— Господи! Алеша! О чём ты? — воскликнула Мария Федоровна, вскакивая на ноги. — Да, могут стать! И русские, и евреи, и татары, и еще бог знает кто! Но это завтра-послезавтра! А мы живем сегодня. Именно сегодня нам необходимо поддержать Владимира Ильича! Что бы ты ни думал о коммунистах вообще, о Советской власти, о русских и евреях, эти люди что-то все-таки делают для того, чтобы ленинские лозунги воплотить в жизнь. Тех, кто метит в буржуи, рано или поздно отсекут от власти, раздавят как... как клопов. На их место придут новые люди, новые люди построят новую жизнь. Уверяю тебя: так оно и будет. А сейчас — именно сейчас! — надо поддержать Ленина. Ты же знаешь, каким авторитетом пользуется писатель Максим Горький в среде думающих и активно действующих людей. Я умоляю тебя, Алеша, послать на имя Ленина телеграмму сочувствия и соболезнования за твоей подписью. Это подтолкнет колеблющихся к активной работе на благо России. Наконец, у нас с тобой будут развязаны руки для помощи тем же писателям, ученым, которые влачат жалкое существование, которых в Питере преследуют Зиновьев и его клика, состоящая из родственников Троцкого и Свердлова. То же самое происходит и в Москве...

— Мне надо подумать, — пробормотал Горький, откидываясь на спинку кресла.

— Подумай, Алешенька! Подумай! Но не больше трех минут. Сам понимаешь: затягивать с этой телеграммой никак нельзя. Дорога каждая минута.

Горький полулежал в кресле, сложив руки на животе, уткнув подбородок в грудь. Лоб его рассекли глубокие морщины, глаза полузакрыты. Казалось, что он погружен в размышления над тем, что только что услышал. Однако в голове его было абсолютно пусто, и лишь билось где-то во мраке подсознания нечто отчаянное, на мысли не похожее, но властное и неумолимое: три минуты пройдут — и он подпишет. А что последует за этим? Об этом думать было еще страшнее.

Наконец он шевельнулся, открыл глаза, глянул на Марию Федоровну, стоящую у окна: всё так же хороша, всё так же привлекательна. Странно, что их союз распался и не осталось от прошлой любви почти ничего. Теперь у нее Крючков — ПеПеКрю. Моложе ее на семнадцать лет. Как же она опустилась до этого? А ты сам? Тоже не лучше. И так всю жизнь: не ты выбираешь, тебя выбирают те из женщин, кто сильнее тебя во всех отношениях.

— Маша! — тихо позвал Андрееву Горький.

Мария Федоровна резко обернулась, точно ждала этого едва слышного зова.

— Да, Алешенька.

— Надеюсь, текст телеграммы уже готов?

— Да, конечно.

— Давай.

Андреева подошла, протянула листок бумаги. На нем ее каллиграфическим почерком было написано: «Ужасно огорчен, беспокоюсь, сердечно желаю скорейшего выздоровления, будьте бодры духом. М.Горький».

Прочитав, Алексей Максимович решительно покинул кресло, сел за стол, исправил: «Ужасно огорчены, беспокоимся, сердечно желаем скорейшего выздоровления, будьте бодры духом. М.Горький, Мария Андреева».

Телеграмму отправили. Вечером Андреевой стало казаться, что телеграмма слишком суха, слишком официальна. Следовательно, решила она, надо дать нечто более значительное и, главное, — образным языком самого Горького. Остаётся лишь уговорить его на следующий шаг.

— Учти, Маша: Горький сентиментален, простодушен, — внушал ей Крючков вкрадчивым голосом. — Он в этой жизни ничего не смыслит. Он доверчив, как ребенок. Уговорить его ничего не стоит. Главное — дави на его чувства. Ты это умеешь. И он согласится. И помни: без него мы — ничто! Если его выкинут из нашей жизни, он уедет за границу. А мы останемся. И тогда нам припомнят всё, что было с ним связано.

— Да-да! Я всё это понимаю, — соглашалась Мария Федоровна. — Но для него и первая телеграмма...

— Ничего, проглотит, — решительно оборвал свою сожительницу Крючков. И пояснил, сбавив тон: — Ему это не впервой.

Разговор состоялся вечером.

— Понимаешь, Алеша, — начала разговор Мария Федоровна на другой день после утреннего чая, придав своему голосу особую теплоту и обаяние. — Хулителей Ленина и советской власти и так слишком много. В то же время надо понимать, что большинство людей, оказавшихся у власти, никогда ничем не управляли. И среди них образованных раздв и обчелся. Но они искренне преданы революции и за нее пойдут на самую лютую смерть. Их ведет ненависть к проклятому прошлому, к людам, которые пытаются это прошлое отстоять. Таких людем невозможно победить. Они будут драться, не щадя ни себя, ни других. Советская власть, Але-

ша, — не на день, не на год. Она надолго. Очень надолго. Наша задача — задача интеллигентных членов общества — смягчать ненависть тупиц, преобразовывать ее в энергию труда, полезного для всего общества...

Горький смотрел на Марию Федоровну, почти не слыша того, что она говорила. Он видел, как шевелятся ее красиво очерченные губы, как от волнения вздымается и опускается ее грудь, прикрытая блузкой, затянутая корсетом. Но они не мешали ему видеть ее тело. Как любил он целовать эти губы, эту грудь! И всю эту женщину — всю-всю-всю! Боже, что делает с нами время! Оно не помогает нам — оно убивает!

— Ты не слушаешь меня! — воскликнула Мария Федоровна. — А между тем это настолько важно...

— Нет, что ты! — выставил, защищаясь, руки открытыми ладонями Алексей Максимович, — и прошлое исчезло, подернулось мертвой материей. — Я все хорошо слышал: и про тупиц, и про труд, и про общество. И всё понял, — вяло отбивался Алексей Максимович. — Но это в воображаемом будущем, если оно состоится. А сегодня... Сегодня они истребляют людей, которые могут и готовы благотворно влиять на этих, как ты говоришь, тупиц. Кто же тогда станет влиять на них в направлении добра и любви к ближнему?

— Ненависть пройдет. Человек не может существовать, опираясь на одно из чувств. Возникнут другие обстоятельства, которые потребуют других чувств и поступков. И других людей. Эти обстоятельства возникнут очень скоро. Они уже пробиваются зелеными ростками сквозь чертополох ненависти. Я вижу эти ростки...

— И что от меня требуется? — перебил Горький Андрееву, которая вдруг предстала перед его взором той самой Андреевой, с которой они расстались много лет назад, расстались внешне друзьями, а на самом деле раздираемые глухой ненавистью за то, что последние год или даже два попусту изводили друг друга, пытаясь возродить угасшую любовь.

— Надо послать Ленину новую телеграмму, в которой подержать ту деятельность, которая вызывает ответную ненависть людей недалеких, думающих только о себе, — закончила Мария Федоровна, незряче глядя в сторону и мысленно кляня бывшего любовника за тупое непонимание действительности.

Все-таки она добилась своего — и в Москву была послана телеграмма от имени сотрудников издательства «Всемирная литература», возглавляемого Горьким: «Безумие ослепленных ненавистью людей пыталось прервать Вашу жизнь, посвя-

шенную делу освобождения трудового человечества. Искренне желаем скорейшего выздоровления и сердечно приветствуем».

В этой телеграмме — хотели они того или нет — выплеснулись чувства, раздиравшие их во время разговора. Сотрудники издательства лишь пожимали плечами.

Вечером пришла депеша из Москвы: Горький официально назначается главным редактором издательства «Всемирная литература», а также председателем «Комиссии по оказанию материальной, продовольственной и бытовой помощи деятелям науки и культуры». Андреевой поручено возглавлять театральное дело как в Питере, так и во всей Северной коммуне. Правда, через некоторое время выяснится, что как Горький, так и Андреева окажутся в зависимости от ближайших родственников Зиновьева, наделенных куда более широкими полномочиями.

Но это — через некоторое время.

А Горького вдруг захватило необоримое желание увидеть поверженного Ленина, услышать его голос. Ему стало казаться, что встреча с Лениным как-то разрешит его проблемы с будущими героями еще не написанного романа, что этот роман оправдает его сделки со своей совестью, нынешние метания между несостоявшимся Февралем и жестокой действительностью, возникшей после Октября. И, подогреваемый этими надеждами, он начал поспешно собираться в Москву.

Глава 16

Огромная площадь за настежь распахнутыми воротами Путиловского завода запружена черным людом. В этой черни, как чудом уцелевшие в горелом лесу кустики травы и поникшие цветы, резко выделялись солдатские шинели, выгоревшие на солнце фуражки, пестрые женские платки, синие матросские бескозырки.

Почти посредине площади стоит грузовик, над ним развевается красный флаг, на двух шестах растянуто красное же полотнище с лозунгом: «Дашь Красный Террор!» — каждое слово с заглавной буквы. На грузовике топчутся несколько человек; кто-то в сером плаще, с длинными, до плеч, волосами, кидает в толпу, поворачиваясь из стороны в сторону, злые короткие фразы, каждую заканчивая резким взмахом руки с зажатой в ней шляпой. Черная толпа колыхается, глухо гудит, оратора почти не слушает, зато слушает угрюмо своих говорунов, ожидая чего-то более важного.

Ермилов потихоньку протискивался поближе к грузовику, ловя на ходу обрывки фраз, иногда останавливаясь и прислушиваясь к разговорам.

— Оно, конечно, стрелять в вождей не по-человечески, — глухим, солидным басом говорил старый рабочий с вислыми усами, окруженный товарищами, — а только хлеба нету, угля нету, деньги не платют — как жить? Для этого, что ль, революцию делали? Опять же — жида! Эвон сколь в Питер понаехало! И всё прут и прут, и всем дай жильё, всем дай паек. А ведут себя как? Ведут себя самым непотребным образом, будто мы и не люди, а хуже свиней. А власть им потакают. Вот от этого самого всё и происходит. Правильно я рассуждаю, товарищи?

— Верно! Правильно! — поддержали старика окружавшие его рабочие, судя по одежде, притрушенной мелкой древесной пылью, столяры или модельщики.

Другой, помоложе, с лысой шишковатой головой на длинной жилистой шее, жаловался рыдающим голосом:

— В распределилровку пойдешь, там очередь, а жида, опять же, без очереди, с черного хода. А кто распоряжается в распределилровке? Опять же жидовские рожи. А где они были, когда казаки полосовали нас шашками, когда мы дрались с юнкерами? Получается, что они тута хозяева, а мы — не пришей кобыле хвост...

Третий, высокий и широкоплечий, с черными усами и серыми пасмурными глазами, молодой и решительный, зло возразил:

— Эти разговоры насчет жидов и прочее есть чистая контра по вашей несознательности и отсталости! У революции нет ни жидов, ни русских, ни татар. Ей все нации равны. Так считаем мы, большевики, которые эту революцию и произвели для пользы всего рабочего класса и всемирного пролетариата.

— Оно, конечно, так, кто говорит, — будто бы согласился старый рабочий. — А только я тебе так отвечу, товарищ Громов, как ты есть наш партийный секретарь: может, перед революцией все равны, а только, когда дело доходит до дележки, всегда кто-то оказывается равнее прочих. А среди жидков рабочих-то — раз-два и обчелся. Вот и получается, что одни революцию производили, а другие ею пользуются.

Громов нахмурил высокий чистый лоб, собираясь ответить, но тут от ворот засигналило авто, толпа всколыхнулась, стала сдавливаясь, очищая проход. От ворот по этому проходу двинулось несколько шляп и кожаных фуражек. Вот они достигли грузовика, оттуда протянулись руки, приехавшие стали подниматься на платформу.

Из черной толпы кто-то в двух шагах от Ермилова крикнул по-петушину:

— Да здравствует товарищ Зиновьев, вождь питерских рабочих, солдат и матросов!

Ермилов оглянулся, и намётанный глаз его сразу же определил подсадную утку, одетую в промасленную спецовку, но отличающуюся от настоящих рабочих и белым лицом, и чистыми руками, и шныряющими по сторонам беспокойными глазами. Этого подсадили сюда, чтобы громче кричал, создавая нужное настроение, а заодно принохивался и прислушивался.

— Ура товарищу Зиновьеву! — заорал кто-то несколько дальше, и в разных концах площади десятки голосов подхватили: — Ура товарищу Зиновьеву! Ур-рррааа!

По толпе прошелестели жиденькие хлопки.

— Это который Зиновьев-то? — спросил рябой парень, вытягиваясь на носках.

— А вон тот, мордастый, что впереди! — ответил кто-то. — Вон тот, что шляпу снял. Вот он самый и есть.

— Видать, рожа-то не с голодухи опухла.

— Говорят, у самого Ленина в зятях ходит.

— Брешут! — убежденно и зло возразил всё тот же черноусый Громов. — У Ленина детей нету. Потому, сказал, чтоб не мешали производить мировую революцию.

— Тише вы, трескуны, дайте послушать!

— Товарищи красные путиловцы! — уже в который раз кинул в толпу Зиновьев своим хриловатым, но сильным голосом, раскачиваясь широким и неуклюжим телом из стороны в сторону, и с каждым разом голос его крепчал и усиливался, отражаясь от прокопченных заводских корпусов.

— Мировая буржуазия под руководством английского капитала развязала кровавый террор против вождей пролетарской революции! Они хотят запугать нас, российский пролетариат, свершивший за короткий исторический отрезок времени три великие революции, они хотят заставить этот героический пролетариат отказаться от своих завоеваний!

Помолчал, разглядывая густую толпу, выкрикнул, простерев над головами короткопалую руку:

— Хотите вы отказаться от своих завоеваний, за которые заплатили морями собственной крови?

— О-ооох! — выдохнула толпа.

— Вчера в Москве, — продолжал Зиновьев бросать в черную массу гневные слова, — эсеро-кадетская сволочь ранила товарища Ленина, великого вождя и учителя не только русского, но и мирового пролетариата!

— А-ааах! — толпа качнулась и замерла.

— Вчера же здесь, в Питере, в столице мировой революции, другая эсэро-кадетская сволочь убила нашего дорогого товарища Урицкого, который железной рукой очищал город от эсэро-кадетской сволочи, от буржуев и их прихлебателей!

И снова по толпе прошло движение и глухой ропот.

— За этими убийствами, — потряс в воздухе кулаком Зиновьев, — чувствуется опытная рука всемирного капитала! Враги хотят обезглавить нашу революцию, отнять у нас лучших из лучших, цвет нашей партии, цвет пролетарской власти, наиболее преданных рабочему делу, наиболее последовательных и честных борцов за торжество революции в мировом масштабе... Хотите ли вы, славные красные путиловцы, остаться без своих проверенных временем и общими революционными битвами вождей и стать добычей эсэро-кадетской и белогвардейской сволочи?

— О-ааааххх! — ответила площадь и надвинулась на грузовик всей своей черной массой.

— Выстрел в затылок оборвал жизнь всеми любимого, пламенного революционера, нестигаемого борца с контрреволюцией и ее капиталом, драгоценную жизнь товарища Урицкого. Они убивают личности, мы будем убивать классы! Никакой пощады врагам революции! Никакой жалости и снисходительности! За смерть каждого из наших товарищей ответим смертью сотен представителей буржуазии, царских сатрапов и их приспешников! Морями крови ответят они за свои преступления! На белый террор ответим беспощадным красным террором! Очистим город от смердящего прошлого! Вперед к светлому будущему! Вперед к мировой революции! Да здравствует власть рабочих, солдатских и матросских советов! Да здравствует красный террор! — уже безостановочно выпаливал оратор, уверенный, что черная толпа на его стороне.

И толпа ответила ему негодующим ревом.

Кто-то, тоже в шляпе, шагнул на край платформы, сорвал шляпу с головы и зычным голосом зашел:

*Вы жертвою пали в борьбе роковой,
Любви беззаветной к народу...*

Песню подхватили стоящие рядом, шагнули на край платформы, взявшись за руки, широко раскрывая рты:

*Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу!*

Площадь, поначалу несмело, а затем всё громче и увереннее включалась в общий хор, песня росла, ширилась, на глазах людей появлялись слезы, скулы каменели, кулаки сжимались до белизны. Песню эту многие помнили еще с пятого года, с Кровавого воскресенья. И даже раньше — с первых маевок и стачек.

*Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Ваш доблестный путь благородный.*

Сразу же вслед за этой песней запели «Интернационал». Откуда-то сбоку подхватил оркестр, пронзительный звук трубы ввинчивался в густой воздух, насыщенный ненавистью и злобой, он будто очищал мозги от всего мелочного и вздорного.

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был никем, тот станет всем...*

Рядом с Ермиловым, широко разевая щербатый рот и топорща усы, пел старый модельщик, который только что объяснял, почему оно всё так происходит, пел и тот, помоложе, жаловавшийся на засилье жидов, громко пел черноусый Громов, возвышаясь над толпой.

Пел и сам Ермилов, и грудь его теснилась от утихшей было ненависти ко всем угнетателям. Он думал, как мало он сделал для революции, как много еще предстоит сделать.

Домой Ермилов вернулся поздно ночью. Но Расторгуев не спал, дожидался своего квартиранта. Чай пили на маленькой верандочке второго этажа. Яков Емельянович делился своими впечатлениями от прожитого дня:

— Ох, не нравится мне вся эта катавасия, — говорил он, стараясь не тревожить глухую тишину ночи. — Народ дичает, доложу я вам. Такой народ натравить друг на друга ничего не стоит. А там такая резня может начаться, что не приведи гос-споди.

Ермилов слушал, по-своему обычаю не споря, редко подавая реплики, по опыту зная, что чужой уверенности не перепоришь, а своя от спора крепче не станет.

— Послушайте моего совета, Яков Емельянович, — уже прощаясь на ночь, произнес Ермилов, придержав за рукав

Расторгуева. — Уезжайте-ка вы из Питера. Хотя бы на время. Иначе не выживете. Заварушка, действительно, может случиться страшная.

— Вы тоже так думаете?

— Тут и думать нечего: она, собственно, уже началась.

Глава 17

Миновало несколько дней. К Ленину, еще не оправившемуся после ранения, приехал Дзержинский. Врачи запретили председателю ВЧК долго задерживаться у постели больного, тем более волновать его, и, может быть, поэтому Феликс Эдмундович поведал лишь в общих чертах о ведущемся расследовании покушения на председателя Совнаркома.

Да, Фанни Каплан действительно состояла в партии эсеров, но это еще ни о чем не говорит, если иметь в виду истерический характер этой дамы, способный толкнуть ее на любой необдуманный поступок. К тому же ее зрение даже через очки позволяют ей видеть лишь то, что находится от нее в непосредственной близости. Полуслепых в террористки не назначают. Следовательно, либо ее поступок объясняется ее характером, либо ее использовали как прикрытие для настоящего убийцы. Потому что стрелявших, как выяснилось, было двое: сама Каплан и некий мужчина, стрелявший из-за автомобиля. Он-то как раз и ранил Ленина в грудь, а потом несколько выстрелов произвел по террористке, два из которых оказались смертельными. И скрылся. В суматохе его мало кто видел, но все-таки видели. На основании свидетельств очевидцев был составлен довольно подробный портрет этого человека, и по этому портрету вышли на секретариат ВЦИКа. Человека пока не арестовали, за ним ведется наблюдение, однако в поисках неизвестного была случайно обнаружена телеграмма председателя ВЦИКа товарища Свердлова наркому военных и морских сил товарищу Троцкому, находящемуся на юге, где уже полыхала Гражданская война.

Ленин молчал, ожидая продолжения, и Дзержинский, выдержав паузу, сообщил:

— В телеграмме, Владимир Ильич, сообщалось, что Ленин убит в результате теракта, и Троцкому следует незамедлительно вернуться в Москву и возглавить правительство. При этом телеграмма была послана... — новая пауза — ...за два часа до покушения. То есть, в том, что вас убьют, они не сомневались. Я, Владимир Ильич, придержал, разумеется, эту телеграмму у себя. О ней знают лишь я и еще один вполне надеж-

ный товарищ. Мне доложили, что Яков Михайлович всё перерыл в своем кабинете в поисках оригинала этой телеграммы и был страшно расстроен ее пропажей. Поэтому я, Владимир Ильич, устранил от лечения вас некоторых врачей, не внушающих мне доверия... И усилил вашу охрану.

Дзержинский умолк, давая Ленину осмыслить сказанное. Да, тут было над чем подумать.

Владимир Ильич лежал, устало прикрыв глаза, мысленно прослеживая жизненный путь Якова Михайловича Свердлова до председателя ВЦИКа и не находя в этом пути ничего, что подтверждало бы напрямую его возможное предательство. Свердлов всегда был нестигаемым большевиком, не кидался из стороны в сторону. Он резко выступал против Зиновьева и Каменева, когда те в горьковской газете «Новая жизнь» сообщили о готовящемся восстании большевиков в Петрограде; он выступил против Бухарина, возглавлявшего фракцию «левых коммунистов», которые были против мира с Германией, и против Троцкого, поддержавшего командованием в Бресте. В то же время на посту председателя ВЦИКа он часто принимал решения, не согласуя их с Цэка и Политбюро. Так, например, он издал директиву ВЦИКа, направленную на истребление всех более-менее зажиточных донских казаков, что стало одной из причин казачьего восстания на Дону. То же самое произошло в Оренбуржье и других местах. Свердлов самолично отдал приказ о расстреле всей царской семьи, хотя можно было бы ограничиться Николаем Вторым. И многое другое. Конечно, классовая борьба не терпит полутонов. Но не всё решается силой и только силой. Что ж, перегибы неизбежны. И без доверия никак нельзя, и за всеми не уследишь. Но чтобы докатиться до такого... А впрочем, почему бы и нет? Тем более если учитывать, что все революционеры суть заговорщики, привыкшие достигать своих целей исключительно с помощью заговора.

Повернув голову к Дзержинскому и открыв глаза, Ленин заговорил:

— Что вы не дали этому делу хода, Феликс Эдмундович, ограничившись эсеркой Каплан, это, на мой взгляд, вполне оправдано весьма сложным положением в стране и партии. Нам сейчас никак нельзя показывать партийным массам и рабочему классу, что наверху нет единства и, более того, имеются определенные группы, готовые пойти как угодно далеко на пути к власти, вплоть до физического устранения своих соперников. Если ваша версия верна, а вы, прошу вас, перепроверьте ее еще и еще раз, и только в том случае, если не

останется ни малейшего сомнения, найдите такой способ, мягко говоря, решения возникшей проблемы, чтобы не вызвать лишних кривотолков.

— Я тоже так думаю, Владимир Ильич, — кивнул головой Дзержинский, — и постараюсь сделать всё от меня зависящее.

— А что с Урицким? — спросил Ленин.

— Месть одиночки, Владимир Ильич, — ответил Дзержинский. Затем пояснил: — Я не хочу утомлять вас подробностями этого дела: врачи отпустили мне всего десять минут, а я и так злоупотребляю вашим вниманием.

— Странно, что эта месть совпала... — произнес Ленин едва слышно.

— Да, мы сразу же обратили внимание на это совпадение, Владимир Ильич. Подробности этого дела я доложу вам позже, — пообещал Дзержинский поднимаясь под строгим взглядом возникшего в дверях лечащего врача.

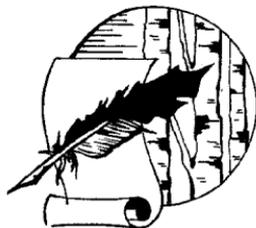
Он одернул гимнастерку, пробежал пальцами вдоль ремня и, глядя с болью в осунувшееся лицо Ленина, произнес со своим неистребимым польским акцентом:

— Поправляйтесь, Владимир Ильич. Вы очень нам всем нужны.

Ленин проводил взглядом председателя ВЧК и прикрыл глаза.

М-да, народу много, а целиком и полностью положиться не на кого. Но что же делать, если других нет и негде взять? Остается работать с теми, которые имеются, гасить противоречия, возникающие между ними, сколачивать из разнородных элементов нечто целое и направлять это целое в надлежащее русло. Потому что любая индивидуальность требует особого к ней подхода. Ну а с теми, кто свои интересы ставит выше интересов общих, с теми — ничего не поделаешь — придется расставаться. Так было во все времена, когда дело касалось власти. И другого быть не может.

В марте следующего года председатель ЦИК Яков Михайлович Свердлов умер от «испанки», не дожив трех месяцев до 34 лет. Его тело похоронено у Кремлевской стены.

Валерий ХАТЮШИН

ПОД НЕНАСТЬЕМ БЛУЖДАЮЩИХ ТУЧ

РОЖДЕСТВО

Святочных дней и ночей волшебство,
ветра, деревьев и рек замирание...
Мир возрождается на Рождество.
Ангелов пение в звёздном сиянии...

Для отверженья последних времён,
все отменяя земные утопии,
Бог в этот день Человеком рождён
в образе нашем и в нашем подобии.

ВИНО И ХЛЕБ

Как много лет, мой друг, поверь,
в потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал.

Я оставался глух и слеп,
мне было знать смешно,
чьим телом был мой чёрный хлеб
и кровью чьей — вино.

Себя изжил я, как беду.
Открыта настезь дверь.
Я нашей скорой встречи жду.
И горько мне теперь...

Я знаю, кто спасал меня —
чья кровь и тело чьё.
И ответ горнего огня
изжёт лицо моё...

Как много, друг, больших потерь,
как сердцем я устал...
...Христос в мою стучался дверь,
и я — не открывал...

* * *

На Рождество — крещенские морозы,
а на Крещение — оттепель и дождь.
Такие вот у нас метаморфозы,
такое вот несовпадение сплошь...

И в жизни тоже — сплошь несовпадение
с мечтой, с надеждой, с песней, со страной...
И только снега сонное кружение
с моей совпало сердца сединой...

ОСНОВА

Век жестокий. Шептанье на кухне...
Каждый вдаль с оптимизмом глядит...
Мы не знали, что здание рухнет,
коль оно не на камне стоит.

Мир безбожный в безвременье канет,
рай земной с пьедестала сойдёт.
Если вера стоит не на камне, —
эта вера себя изживёт.

В Нём одном для людей утешенье
в окруженье несметных угроз,
в Нём и жизнь, и любовь, и спасенье.
Имя этому камню — Христос.

Вся Вселенная — для человека.
Но погряз он в дурмане химер.
Так погиб, не проживший и века,
дом с названием СССР.

ФАВОРСКОЕ СОЛНЦЕ

Забьли мы о многом
в плену пустых идей.
Но было солнце Богом
когда-то у людей.

И в это верил каждый,
покуда царь-мудрец
им не сказал однажды:
«У Солнца есть Отец».

Живой любви вершина...
И вот сквозь тьму веков
излился свет от Сына
на трёх учеников.

Он солнцем на Фаворе
пред ними воссиял.
Всех трёх, с огнём во взоре,
сердечный страх объял...

«Ты кто?!» — кричали судьи,
плюя в лицо Ему.
Распяли Солнце люди,
влюбленные во тьму.

Но лился свет Фавора,
как сердцу благодать...
И Савл ослеп, чтоб скоро
прозревшим Павлом стать.

МЕТЕЛЬ

Снег на Пасху. Метель и мороз.
Я такого, пожалуй, не вспомню.
И дождей было много и гроз,
но метель...
Как ни странно, легко мне
пережить эту брENNую новь,
отрешиться от снега в апреле...
Ведь Его неземная любовь
нас спасает в этой метели...

* * *

Выйдет всё поделом, что ни выпадет мне.
Буду я со Христом даже в адском огне.

Для себя — сберегу свет живого Креста.
Я из рая сбегу, если он — без Христа.

Кану в стон мировой — и с прощением, и без.
Пусть во тьме гробовой — не увижу небес.

Пусть я к омуту слёз в час последний приду.
Небо — там, где Христос, даже если — в аду.

* * *

Голос мне слышался птицы ночной.
Ангел мой плакать устал надо мной.

Жил я в азарте бездумных утех.
Ангел отмаливал каждый мой грех.

Счастья искал я, невзгоды кляня.
Ангел прощенья просил за меня.

Сердце рвалось и скулило в крови.
Ангел шептал мне во сне о любви.

Часто встречал я то рык, то оскал.
Ангел в погибельных дебрях — спасал.

Птица ночная всё чаще кричит.
Ангел мой горько и слёзно молчит...

* * *

А сирень всё равно расцвела,
несмотря на студёные ночи.
Жизнь легко нас с тобой развела,
но свести почему-то — не хочет.

Почему-то весна — холодна.
Почему-то на сердце — усталость.
А сирень под карнизом окна
так цветёт, что обид не осталось.

То ль уйти не желает зима,
то ли к нам не торопится лето...
Наших суетных дней кутерьма
светом первых свиданий согрета.

Пусть за днём истончается день,
и ничто нашей встречи не прочит...
Но в холодные майские ночи
дышит сладкой истомой сирень...

БЕРЕСКЛЕТ

Непривычно холодное лето,
то ли снег, то ли пух с тополей...
И от ярких цветов бересклета
хоть немного, а как-то теплей.

Хоть немного, а как-то светлее
под ненастьем блуждающих туч...
В тёмном парке беззвучны аллеи,
а ведь был он несметно певуч...

И почудилось мне, будто лето
стороной мимо нас протекло,
незаметно развеялось где-то,
растеряв безвозвратно тепло.

На аллеях безлюдно-безгласных
ранней осени столько примет...
И как отсвет предчувствий неясных
краснолистный цветёт бересклет...

* * *

Наверно, смешно и нелепо
в закатную верить зарю...
Смотрю на вечернее небо,
спокойно и долго смотрю.

Мне волосы ветер полощет
и полнится взгляд синевой,
я вижу яснее и проще
прошедшее перед собой.

Ведомый велением вышним,
прорвал я соблазны греха.
Что было никчемным и лишним, —
отсеялось, как шелуха.

Испытан земной маятою,
я с ней расквитался давно.
Всему пережитому мною
меня пережить суждено.

И вот, не забывший о многом,
судьбу разглядевший свою,
безропотно, как перед Богом,
под небом вечерним стою.

Внимаю сердечной надежде
на эту живую зарю,
с любовью, неведомой прежде,
в предвечное небо смотрю.

ПО ОНЕГЕ И ЛАДОГЕ

Как широка и высока Россия!
И не по силам никаким штормам.
Наш теплоход «Княжна Анастасия»
На Север шёл навстречу холодам.

Искрились в Волге солнечные блики
среди лесов, вдоль зелени полей...
Да, мы за то зовем ее великой,
что вся Россия отразилась в ней.

Смердит Европа в голубом дурмане —
сдала в утиль достоинство и Крест...
Но отовсюду прибыли славяне
на Всеславянский теплоходный съезд...

Мне не спалось. Душа весёлой негой
была полна, волнуя пульс в крови.
Закат всю ночь клубился над Онегой,
всю ночь над Свирью пели соловьи.

И пусть в Кижях гуляла непогода
и ветер дул со снегом и дождём,

и пусть опять карельская природа
характер свой являла день за днем, —

из древних чёрных брёвен церковь Спаса
над островом висела в облаках,
и с чёрных досок свет иконостаса
нас грел, продрогших, точно южных птах.

Когда борей, безжалостный и дерзкий,
качал озёрных волн морскую ширь,
нас привечал Кирилло-Белозерский
и Александро-Свирский монастырь.

В тот час излишни были междометья,
лишь удивленья блеск мелькнул в глазах.
Нам рассказали: полтысячелетья
лежит он здесь, молитвенник, монах.

За Русь веками молятся святые.
И крышку раки отворили нам.
А в ней лежали мощи, как живые,
и приложились мы к живым мощам.

И сотворилось чудо: солнце вышло
из серых тяжких приземлённых туч,
и разлился над нами еле слышно
звон колокольный с поднебесных круч.

Сияло солнце, лился звон небесный,
златились яркой новью купола...
Сказали нам: в такой же миг чудесный
сюда однажды Божья Мать сошла...

В любом пути есть неземные знаки.
И был священный остров Валаам,
где возвышался монастырский храм,
где сотни лет в трудах живут монахи.

Мы поднимались по крутым ступеням
на самый верх ухоженной скалы.
А монастырский сад дивил цветеньем
среди дождливой и туманной мглы.

Как много чуда в мире и как много
дано нам свыше знаков и даров!..

Славянский съезд, славянская дорога —
длинна, крута на сквозняке веков.

Но широка и высока Россия!
Она — навеки дар бесценный нам.
А теплоход «Княжна Анастасия»
плывёт к своим славянским берегам...

ПУТЬ

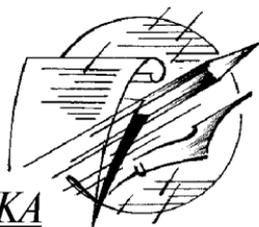
То, что было, то, что стало, —
смутно светится в стихах...
Кто-то вновь начнёт сначала
этот путь судьбе на страх.
Да, пройдет его иначе.
Что ж, у каждого он свой.
И в слезах — не раз поплачет
над судьбой и над собой.
Жизнь над ним лишь посмеётся,
вспять заставит повернуть...
От поэта остаётся
грустный свет и горький путь.
А стихи — почти как птицы —
просвистят и улетят...
Книг беззвучные страницы
в мир людской с тоской глядят.
Но они — всех благ превыше
и милей всех книг иных,
я от них дыханье слышу,
близкий взгляд я вижу в них,
чую голос осторожный
возле самого лица...
Это значит, путь осторожный
пройден мной не до конца.
Мне еще на белом свете
дорога душа одна,
и еще в окно мне светит
полноясная луна...

ПАМЯТИ ПАРЛАМЕНТА НОВОРОССИИ

1 марта 2014 г. в Донецке началось народное восстание. Так в жизнь жителей региона ворвалось яркое общественно-политическое и идеологическое явление, получившее название — Русская весна.

Массовые протестные акции против признания результатов прозападного государственного переворота в Киеве, утвердившего нелегитимный компрадорский олигархический режим, опиравшийся на поддержку праворадикальных организаций и украинских военизированных неонацистских группировок, быстро переросли в широкое народное национально-освободительное движение в Донбассе и юго-восточных регионах бывшей Украины.

Но антибандеровский и антизападный протестный характер далеко не исчерпывал всех смыслов народных выступлений. Суть данного общественного явления выражалась в выдвигаемых восставшими требованиях возвращения к своим культурно-историческим общерусским корням и воссоединения со своей большой исторической Родиной — Россией. Ключевой символикой начального периода мирно-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

го восстания стали взметнувшиеся над массовыми митингами российские знамена. Русская весна была не только «против» — госпереворота, украинских нацистов и олигархов, неприкрытого внешнеполитического вмешательства Запада, но и «за». Воля народа Донбасса выражалась в те дни на митингах всеобъемлющим лозунгом: «Россия!». В условиях краха прежней государственной структуры Русская весна для большей части населения макрорегиона Юго-Восток (исторический Новороссийский край Российской империи) имела ярко выраженный ирредентистский (объединительный) характер. Это был новый этап борьбы за воссоединение народа и земель исторической Руси-России в рамках единого национального и государственного организма, сравнимый по историческим масштабам с событиями, приведшими к Переяславской раде 1654 года.

Русская весна вызвала духовный и национально-патриотический подъем русского народа, а также широкую поддержку со стороны ориентированных на ценности Русской цивилизации граждан Российской Федерации, постсоветских и западных государств.

Весной 2014 г. Донбасс окончательно сделал свой цивилизационный выбор. Это стало возможным вследствие мощного проявления общерусского самосознания у жителей региона, что, на наш взгляд, еще раз подтверждает тот факт, что идентичность Донбасса исторически сформировалась как региональный вариант именно русской идентичности.

Одним из важных эпизодов государственного строительства, происходившего на революционной волне Русской весны, стала попытка объединения в единое государственное образование стихийно зародившихся Народных Республик Донбасса, предпринятая в 2014 г. Идеологической основой для ее реализации послужила популярная в массах идея создания государства Новороссия.

Рождение «новороссийской идеологии»

Информация о том, что территория большинства юго-восточных областей Украины входила в обширный историко-культурный регион Российской империи под названием Новороссия, была известна историкам и общественникам и до явившегося катализатором русской ирреденты февральского государственного переворота в Киеве. Однако же круг «посвященных» был довольно узок. В ходе национально-освободительной борьбы, развернувшейся с началом Русской весны в бывших юго-восточных регионах страны, концепт

«Новороссия» в кратчайшие сроки получил новое осмысление и мощнейшую актуализацию. Буквально за два-три насыщенных бурными событиями месяца идея Новороссии прошла путь от некой умозрительной исторической реконструкции до реальной основы для государственного строительства на территории восставшего Донбасса.

Целостное содержание, упорядоченную структуру и системный характер распространения новая идеология приобрела после 22 мая 2014 г., когда в Донецке по инициативе Павла Губарева и его соратников из политического крыла «Народного ополчения Донбасса» состоялся учредительный съезд общественно-политического движения «Партия Новороссия», собравший порядка тысячи делегатов из ДНР, ЛНР и юго-восточных регионов. Программой целью движения было определено создание независимого федеративного государства Новороссия на базе русских земель бывшего Юго-Востока Украины. Основой государственного устройства Новороссии мыслились принципы народовластия и социальной справедливости. Данным съездом также была утверждена общепринятая к настоящему времени символика Новороссии, в том числе — прямоугольное алое знамя с диагональными синими полосами Андреевского креста. Благодаря деятельности актива ОПД «Партия Новороссия» знамя Новороссии и шеврон с его изображением широко распространились среди бойцов ополчения ДНР и ЛНР, у которых данная идеология получила массовую поддержку летом 2014 г.

Съезд народных представителей, декларация, Народный фронт

Первый практический шаг к созданию Парламента Новороссии как представительного и законодательного органа государственной власти, основная задача которого заключалась в объединении в единый государственный организм Народных Республик Донбасса, был приурочен к крупной политической акции — прошедшему в Донецке 24 мая 2014 г. съезду народных представителей Юго-Востока, который, по информации организаторов, собрал 145 делегатов из 6 юго-восточных областей, а также ДНР и ЛНР. Сопоставив даты, нетрудно догадаться, что данный съезд планировался как некий сигнал режиму киевских путчистов, поскольку проходил накануне объявленных ими нелегитимных внеочередных выборов президента Украины (25 мая). Делегаты съезда приняли решение о создании общественно-политического объединения Народный фронт, главными целями которого были заявлены: противодействие национализ-

му, защита мирного населения и борьба за соблюдение прав человека. Одна из приоритетных задач данного объединения была обозначена как ни много ни мало — «переучреждение» Украины. Однако в связи с тем, что желаемые образы будущего у народных представителей различались — от федерализации до полного самоопределения бывших областей, на съезде возникли острые публичные дискуссии и к единому мнению на этот счет прийти не удалось.

После окончания мероприятия между представителями Донецкой и Луганской Народных Республик была подписана Совместная декларация о создании Союза Народных Республик (СНР). Также был сформирован управляющий орган данного объединения — Совет Союза Народных Республик, который до формирования парламента и правительства СНР должен был осуществлять как законодательную, так и исполнительную власть. В Совет вошли по 3 представителя от каждой республики. От ДНР это были — Александр Бородай, Денис Пушилин и Павел Губарев, от ЛНР — Валерий Болотов, Алексей Карякин и Олег Царёв.

Таким образом, эти политические действия — съезд народных представителей и подписание декларации о создании СНР имели в перспективе общую цель: дальнейшую общественную и политическую борьбу за юго-восточные регионы и реформирование государственного устройства на территории, уничтоженной февральским переворотом Украины.

Несколько отвлекаясь от основной темы, отметим, что Народный фронт по ряду причин не смог развернуть свою деятельность в юго-восточных областях, как того желали его создатели. Что же касается ДНР и ЛНР, то там субъекты внутренней политики сформировались и проявили себя значительно раньше. Поэтому лидеры Народного фронта в основном сосредоточили свою активность в медиа-пространстве. В середине лета это общественно-политическое объединение провело ребрендинг, добавив к своему названию крайне популярное в тот период слово «Новороссия». Примерно с августа месяца и по конец осени 2014 г. Народный фронт Новороссии занимался вопросами гуманитарной помощи на территории Донбасса. Затем это объединение постепенно ушло в тень, не вписавшись в новые политические реалии ДНР и ЛНР, сложившиеся после выборов 2 ноября 2014 г.

Конституционный акт

24 июня 2014 г. в Донецке Верховный Совет ДНР своими постановлениями утвердил Конституционный акт о созда-

нии Союза Народных Республик и список депутатов, делегированных ДНР в создаваемый парламент СНР. Нужно сказать, что принятие этих документов не прошло гладко. Докладчиком на пленарном заседании ВС ДНР был на тот момент лидер движения «Юго-Восток» — Олег Царев. Его участие в организации майского съезда народных представителей и подписании Совместной декларации о создании СНР, а также тот факт, что экс-депутат Верховной Рады вошел в состав управляющего органа — Совета СНР, не являясь жителем Донецка или Луганска, указывали на существование закрытых предварительных договоренностей между руководством ДНР и ЛНР, в соответствии с которыми Цареву предстояло сыграть заметную роль в строительстве государственных органов создаваемого Союза. И хотя к концу весны по всем показателям казалось, что Царев в отличие от большинства своих однопартийцев принял сторону восставшего народа Юго-Востока, однако в глазах преобладающей части депутатов ВС ДНР, которые являлись представителями революционного актива начального этапа Русской весны в Донбассе, репутация Олега Царева как политика была неоднозначна. Во-первых, он как житель Днепропетровска был территориально чужим для дончан; во-вторых, не могла быть быстро забыта прошлая политическая принадлежность политика и его видная роль в рамках бесславно закончившей свою историю Партии регионов; в-третьих, Цареву припоминали пусть и непродолжительное, но участие в нелегитимных внеочередных выборах президента Украины в качестве одного из кандидатов. Также существовало мнение, что днепропетровский политик может являться представителем интересов крупного капитала. Поэтому в бурных дебатах по поводу Конституционного акта личностный фактор докладчика играл отнюдь не консолидирующую роль. Второй момент, который вызывал возмущение депутатов, это закрытое кулуарное согласование списка делегатов в парламент СНР между Олегом Царевым и тогдашним премьером ДНР Александром Бородаем. Всего парламент СНР должен был состоять из 60 депутатов. По 30 человек от каждой республики. В соответствии с Конституционным актом треть его состава формировалась из равного числа представителей от законодательного органа каждого государства-участника, две трети — из равного числа представителей трудовых коллективов предприятий, учреждений и других организаций.

И список делегатов, и Конституционный акт, которые были вынесены на голосование Верховного Совета ДНР, изначально презентовались как окончательные, в которые невозмож-

но вносить изменения. Всё это вызывало острые дискуссии и недовольство депутатского корпуса ВС ДНР. На утреннем пленарном заседании ни акт, ни список не были проголосованы. После продолжительного перерыва, вечером того же дня, заседание по этим вопросам было продолжено. К О. Цареву присоединился А. Бородай. Совместными усилиями они убедили депутатов ВС ДНР принять Конституционный акт без изменений, чтобы не затягивать процесс создания органов власти Союза Народных Республик, ведь на следующий день, точно такую же редакцию акта должен был утвердить Верховный Совет ЛНР. Что же касается списка делегируемых ДНР депутатов, то здесь депутатской группе ВС ДНР «Новороссия» удалось добиться внесения корректировок и включения в документ фамилий трех своих представителей. Среди делегатов также можно было выделить группу лиц от исполнительной власти, прошедшую по квоте премьер-министра А. Бородая, представителей связанного с О. Царевым движения «Юго-Восток», несколько активистов СВД «Беркут».

25 июня 2014 г. Верховный Совет Луганской Народной Республики также проголосовал за Конституционный акт об образовании Союза Народных Республик. Текст документа здесь тоже представлял О. Царев. Луганская половина состава вновь создаваемого парламента была сформирована согласно принятому ВС ЛНР постановлению «О депутатах парламента СНР».

Первая сессия: создание СНР

В четверг 26 июня 2014 г. в Донецке в Доме правительства и Народного Совета ДНР в торжественной обстановке в присутствии спикера ВС ЛНР А. Карякина и заместителя председателя ВС ДНР В. Маковича состоялось первое пленарное заседание первой сессии парламента Союза Народных Республик. Для участия в этом мероприятии в Донецк специально прибыла делегация из ЛНР. Сначала парламентарии приняли присягу депутата, избрали руководство и приступили к голосованию по законопроектам. В первую очередь был проголосован Закон «О принятии Конституционного акта о создании Союза Народных Республик и введение его в действие». Также был утвержден Временный регламент парламента СНР. Председателем парламента в соответствии с Конституционным актом сроком на один год уже без какой-либо интриги был избран Олег Царев, который выдвигался по квоте ЛНР. Первым заместителем председателя по квоте

ДНР стал Александр Кофман, сподвижник О. Царева по движению «Юго-Восток», который успел в ходе Русской весны оперативно сменить несколько общественно-политических брендов. Заместителем председателем парламента избрали представителя ЛНР Геннадия Цыпкалова, соратника В. Болотова.

Собственно говоря, с первого дня работы парламента СНР и принятие представителями ДНР и ЛНР Конституционного акта о создании Союза Народных Республик (в первоначальной редакции — 5 глав, 20 статей), можно было говорить о начале существования де-юре, выражаясь языком акта, этого нового «демократического конфедеративного правового государства». Это объединение республик Донбасса должно было решить следующий круг вопросов: создание единого экономического пространства; обеспечение единой финансовой, налоговой и ценовой политики; формирование общего бюджета; проведение согласованной внешней политики; обеспечение обороноспособности и госбезопасности; охрана внешней границы; формирование общих органов государственной власти. Для этого государства-участники добровольно передавали СНР часть своих полномочий. В Конституционном акте подчеркивалось, что Союз «открыт для принятия других государств», при этом «государства-участники... сохраняют свой суверенитет, территориальную целостность, государственное устройство, конституцию и государственные символы». Тем самым возникший в Донбассе Союз Народных Республик, объединяя ДНР и ЛНР, еще и подавал наглядный пример для других областей Юго-Востока бывшей Украины. В этом ракурсе становится понятной логика избрания спикером парламента СНР жителя Днепропетровской области, который публично выражал надежды на последующее присоединение к Союзу других юго-восточных областей. Такая модель могла стать реальностью в случае успешных народных восстаний на Юго-Востоке и провозглашения там новых республик. Кроме уроженцев Днепропетровска, в состав депутатов парламента СНР вошли представители Запорожья и Херсона.

Луганск: урезание полномочий конфедерации

14 июля 2014 г. в Луганске в здании городского совета состоялось второе пленарное заседание парламента СНР. На этот раз в столицу ЛНР приехала уже делегация дончан в количестве 23 человек. С трассы на въезде в Луганск слева и справа от города были видны клубы черного дыма, вокруг

шли бои. Весь день в центре столицы Луганской Республики хорошо было слышно работу тяжелой артиллерии. В то время территория самого Донецка начинала погружаться в систематические боевые действия, но такого их накала еще не испытывала.

На заседании были рассмотрены и приняты в ходе голосования законы СНР «О парламенте» и «О статусе депутата парламента Союза Народных Республик». Стоит отметить, что срок полномочий парламента СНР первого созыва определялся так: «До проведения демократических выборов в парламент СНР». Согласно принятому законодательству, большинство депутатов осуществляли свои полномочия на непостоянной основе, то есть без отрыва от своей основной деятельности, на профессиональной постоянной основе работали председатель парламента и его заместители.

Также на этом заседании были внесены изменения во Временный регламент парламента, утвержден состав парламентских комитетов, избраны их руководители, создана Временная комиссия парламента СНР по вопросам работы СМИ на территории Союза, приняты «Обращение парламента СНР к народу России» и «Заявление парламента СНР об объявлении границ СНР государственными границами». Все эти вопросы не вызывали противоречий и голосовались практически единогласно. Однако когда очередь дошла до закона «О внесении изменений в Конституционный акт о создании Союза Народных Республик», неожиданно возник спорный момент. Первоначально было известно, что изменения в Конституционный акт планируются с целью замены официального названия конфедерации ДНР и ЛНР. «Союз Народных Республик» уступал место полюбившемуся народу, более историчному и звучному имени — «Новороссия». Однако депутаты от ЛНР, большинство из которых зашли по квоте тогдашнего главы ЛНР Валерия Болотова, предложили внести дополнительные изменения, которые не были предварительно согласованы со спикером парламента. Если кратко, то эти предложения касались полномочий конфедерации, ее органов власти, в том числе и парламента.

Олег Царев поставил рассмотрение спорного вопроса последним пунктом в повестке дня. Вице-спикер парламента от ЛНР попросил перерыв для совещания со своими депутатами. Представители ДНР не сразу разобрались в сути происходящего. Очевидно, со стороны тогдашнего руководства ДНР установок на принятие решений, направленных на ослабление полномочий конфедерации, не поступало. В соответствии с действовавшей редакцией Конституционного акта

законы Союза принимались на основе единогласия государств-участников. Закон не мог считаться принятым, если большинство депутатов от одной из республик высказалось против (этот принцип сохранился и в новой редакции). Учитывая данную норму, а также тот факт, что среди представителей ЛНР связанных с ним депутатов было совсем немного, и, видимо, не желая дальнейшего обострения парламентской дискуссии и, соответственно, ухудшения отношений с руководством ЛНР, спикер О. Царев вынес все предлагаемые луганчанами правки на голосование. И они были приняты.

Изменивший свое название документ — «Конституционный акт о создании Новороссии — Союза Народных Республик» стал меньше на одну главу и 4 статьи. Положительным аспектом бесспорно можно было считать переименование обезличенного Союза в Новороссию, ставшее возможным благодаря высокому авторитету и популярности этого имени, а также стоявших за ним идей построения истинно народного государства на землях бывшего Юго-Востока Украины. Что же касается остальных изменений, наиболее существенные из них, как отмечалось, касались полномочий конфедерации. В новой редакции Конституционного акта они были сведены к минимуму. Вместо прежнего перечисления конкретных полномочий с отсылкой к принципу добровольности их передачи органам власти конфедерации, значилось: «...определяются договорами между государствами-участниками». Делегировать депутатов в парламент Новороссии теперь имели право исключительно парламенты и совмины республик. Порядок формирования, организации и деятельности самого парламента конфедерации теперь также должен был определяться «договором государств-участников» (в прежней редакции эти вопросы регулировались отдельным законом СНР). Еще один новый пункт гласил: «Законы и иные акты Новороссии вступают в силу после их одобрения законодательными органами ее государств-участников». Сильному сокращению подверглось описание полномочий правительства Новороссии: «порядок формирования, организации и деятельности, а также полномочия правительства Новороссии» должны были определяться уже не законом конфедерации, а всё тем же договором государств-участников. Исчезла из новой редакции документа конституционная норма об обязательности законов союзного парламента и постановлений правительства для государств-участников и применении их на всей территории конфедерации. Были полностью исключены переходные положения, а вместе с ними и упоминание о временном управляющем органе

конфедерации — Совете Союза Народных Республик, который до формирования правительства СНР должен был осуществлять исполнительную власть. Что примечательно — Валерий Болотов входил в этот Совет как один из представителей ЛНР, еще с мая 2014 года. В июле же он фактически стал основным инициатором ликвидации этого управляющего органа и, в целом, максимального ослабления еще толком не состоявшейся конфедерации.

Между пленарными заседаниями

Первоначально планировалось, что пленарные заседания высшего законодательного органа конфедерации ДНР и ЛНР будут проходить один раз в две недели, поочередно в каждой из столиц республик, однако резкое обострение ситуации в Донбассе, вызванное наступлением вооруженных формирований киевской хунты и активные боевые действия, внесли свои коррективы. Запланированное на 28 июля пленарное заседание в Донецке не состоялось. После этого еще дважды (4 и 11 августа) пленарные заседания парламента Новороссии отменялись из-за невозможности собрать депутатский корпус обеих республик на совместное заседание. Из повесток дня несостоявшихся пленарных заседаний парламента можно узнать о том, какие проекты законов Новороссии планировались на них к рассмотрению: «О языках», «О гражданстве», «О военном положении», «О Народном ополчении и Народной дружине Новороссии», «О государственных символах». Ни один из них в последующем так и не будет принят.

В течение июля-августа в Донецке была налажена работа аппарата парламента Новороссии, который занимался правовым и организационным обеспечением пленарных заседаний, медийной и гуманитарной деятельностью спикера и представителей депутатского корпуса, координировал создание общественных приемных и работу в них с гражданами. Тогда же был создан официальный сайт парламента Новороссии. По регламенту законы конфедерации вступали в силу только после опубликования на этом ресурсе.

Интрига конкурса на лучший флаг Новороссии

Нужно особо выделить такое идеологическое начинание, как проходивший в течение июля по инициативе и под патронатом спикера парламента Новороссии конкурс на лучший герб, гимн, флаг Союза Народных Республик, а также учебник по истории Новороссии. Авторы неизвестны окон-

чательные итоги конкурса в части определения лучшего герба, гимна, а также учебника по истории. А вот на номинации «Флаг Союза Народных Республик Новороссии» следует остановиться поподробнее.

На конкурс было прислано более двадцати вариантов флага Новороссии, причем практически половина из них являлась вариациями на тему красного полотнища с наложенным на него синим Андреевским крестом. Что было неудивительно, поскольку к лету 2014 г. этот флаг, соединивший в себе красное знамя Великой Победы и флаг русского военно-морского флота, являлся наиболее популярным символом идеи создания социально ориентированного государства Новороссия. Он одинаково импонировал участникам ополчения как «красных», так и «белых» идеологических взглядов. Однако предпочтения спикера парламента Новороссии и, соответственно, ориентированной на его мнение Конкурсной комиссии оказались на стороне другого, совершенно не известного никому варианта.

В Донецке в ходе подведения итогов конкурса на лучший флаг СНР 13 августа 2014 г. комиссия после голосования по большинству голосов (решение было не единогласным) признала победителем полотнище с тремя горизонтальными полосами равной ширины: белой сверху, жёлтой (золотой) в середине и чёрной снизу. Цвета флага соответствовали цветам российского герба, поэтому он назывался также «гербовый». Приведенная Конкурсной комиссией историческая справка гласила: «В 1883 году Император Александр III поменял чередование цветов чёрно-жёлто-белого флага: флаг стал бело-жёлто-чёрным. Причиной тому было совпадение введённого в 1858 г. флага с флагом Ганновера. На картинах и фотографиях того времени видно, что с определенного момента чёрно-жёлто-белый флаг действительно был заменен бело-жёлто-чёрным. Фотографии и кинохроника показывают, что именно бело-жёлто-чёрный флаг использовался для украшения зданий во время коронации Николая II, этот флаг также виден в кинохронике времен Первой мировой войны...» Факт, прямо скажем, малоизвестный, но так или иначе государственным флагом Новороссии предлагалось утвердить перевернутую «имперку». В обоснование этого выдвигались следующие аргументы: исторические, культурные и духовные связи современной Новороссии с Государством Российским и его государственными символами; из трех официальных государственных флагов существовавших на протяжении всей истории России — бело-жёлто-чёрного, бело-синего и красного с серпом и молотом, первый предпочти-

тельнее, поскольку красный флаг ассоциируется с конкретным идеологическим периодом истории, а бело-сине-красный ныне является государственным флагом РФ; бело-жёлто-чёрный флаг стал считаться «династическим» флагом Романовых после принятия в качестве государственного флага бело-сине-красного полотнища, что лишний раз связывает бело-жёлто-чёрный флаг именно с Новороссией, так как присоединение новороссийских земель, создание городов, учреждение и развитие Новороссийской губернии происходило именно в эпоху династии Романовых.

Применительно к Союзу ДНР и ЛНР была запущена новая символическая трактовка цветов предложенного триколора: чёрный цвет — шахты Донбасса, жёлтый — золотые поля Луганщины, белый — чистота идей и помыслов.

По прошествии трёх лет очевидно, что, несмотря на вышеперечисленные доводы в пользу бело-жёлто-чёрного флага и попытки его популяризации, этот флаг как был, так и остался символом крайне малоизвестным и слабо соотносящимся с современным понятием «Новороссия». А значит, навязывание перевернутой «имперки» в качестве государственного флага Новороссии было действием явно искусственным и носившим политический подтекст. Рискнем предположить, что причина такого неоднозначного выбора заключалась в том, что алый стяг с Андреевским крестом к июлю 2014 г. слишком плотно ассоциировался с деятельностью общественно-политического движения «Партия Новороссия» и его лидером Павлом Губаревым, которые в то время наиболее системно и результативно продвигали «новороссийскую идеологию». Это не могло не восприниматься Олегом Царевым и связанными с ним группами как потенциальная политическая угроза.

Поскольку совершенно игнорировать народную популярность флага с Андреевским крестом было невозможно, то Конкурсная комиссия предложила принять его в качестве боевого знамени.

Воинское знамя Новороссии

21 августа 2014 г. в Донецке после длительного перерыва прошло третье, и как потом оказалось, последнее пленарное заседание парламента Новороссии. Основным вопросом повестки дня стал идеологический законопроект «О государственном флаге и военном знамени Новороссии». Зная о том, что общественное мнение по проекту государственного флага неоднозначно и что бело-жёлто-чёрный триколор не имеет

достаточной поддержки, председатель парламента, сославшись на просьбу представителей Луганска, снял эту редакцию проекта закона с голосования. Но вместе с тем О. Царев внёс в повестку дня новый законопроект — «О воинском знамени Вооруженных Сил Новороссии», который был принят единогласно. В соответствии с законом воинское (боевое) знамя Новороссии являлось официальным государственным символом. Согласно описанию знамени, изложенному в Статье 1, оно представляло собой «прямоугольное красное полотнище с двумя диагональными полосами синего цвета, образующими наклонный крест, называемый Андреевским». Впечатление от принятого закона было двояким. С одной стороны — народный флаг Новороссии стал официальным государственным символом на территории конфедерации ДНР и ЛНР, с другой — можно было предположить, что еще последуют попытки протянуть перевернутую «имперку» в качестве государственного флага (эти опасения оказались излишними и единственным официально утвержденным государственным символом Новороссии так и осталось воинское знамя ВСН).

Кроме того, на пленарном заседании были приняты постановления «О закреплении депутатов парламента Новороссии за административными округами», «Об утверждении Положения об аппарате парламента Новороссии», «О специальных представителях Новороссии»; и два, к тому моменту уже устаревших по содержанию, обращения парламента (первое — к парламентам европейских стран, Малайзии, Австралии и США (по поводу июльской провокации киевского режима с малазийским боингом), второе — к народу Украины (с призывом к сопротивлению нацистской хунте).

Общественный совет, гуманитарная деятельность, объединённые ВСН

В конце августа при парламенте Новороссии был создан общественный совет, целями которого были заявлены: изучение общественного мнения о работе парламента и оказание ему содействия путем привлечения общественных организаций к решению социально значимых задач. Одна из задач, прописанных в положении о совете, выглядела особенно амбициозно: «Оказание помощи в проведении референдумов о присоединении к Новороссии исторически сложившихся регионов бывшей Российской Империи (Слобожанщины, Малороссии)». По известным причинам данное начинание не получило развития, фактически общественный совет собирался лишь считанное количество раз в августе-сентябре.

В Донецке в него вошли представители около полутора десятков существовавших в тот период неформальных общественных объединений и организаций самого разного толка, от землячеств до православных братств. В основном на проходивших порой весьма шумно заседаниях обсуждались актуальные в то время вопросы оказания гуманитарной помощи населению.

Следует отметить, что со второй половины августа значительно расширились масштабы гуманитарной деятельности, проходившей под эгидой парламента Новороссии. В нее активно вовлекались представители депутатского корпуса, что привело к заметной активизации работы общественных приемных. Помощь, как и во многих других случаях, шла от неравнодушных граждан и организаций Российской Федерации. Пик гуманитарной деятельности парламента Новороссии пришелся на сентябрь-октябрь 2014 г., затем ее масштабы уменьшились, однако отдельные гуманитарные акции с привлечением депутатов организовывались аппаратом парламента вплоть до февраля 2015 года.

Последним громким политическим почином, связанным с парламентом Новороссии (причем шедшим снизу — от депутатского корпуса) стало обращение инициативной группы депутатов к спикеру парламента О. Цареву по вопросу создания Объединенных Вооруженных Сил Новороссии. Данное обращение родилось в Донецке 15 сентября 2014 г. в рамках заседания общественного совета при парламенте Новороссии после яркого и эмоционального выступления парламентария, представлявшего одно из формирований ополчения ДНР. Обрисовав удручающую картину, депутат предложил выход в виде подписания текста заранее подготовленного обращения. Суть его сводилась к тому, что инициативная группа просила председателя парламента Новороссии незамедлительно принять решение о создании Объединенного командования и Объединенных Вооруженных Сил Новороссии. Поддавшись запалу оратора и порыву патриотических чувств с романтическим окрасом, данную инициативу поддержали своими подписями около десяти депутатов парламента Новороссии от ДНР, однако приближенные к руководству парламента прагматики воздержались. Уже на следующий день спикер О. Царев отреагировал публичным заявлением, дистанцируясь от данной инициативы: «Требование части депутатов парламента немедленно ввести единоначалие в вооруженных силах Новороссии неверно и в части сроков, и в части адресата. Такого рода вопросы должны решаться только после согласования с руководством входя-

ших в конфедерацию республик и на основе консенсуса...»

Вскоре выяснилось, что первоначальное авторство идеи о создании Объединенного командования и Объединенных Вооруженных Сил Новороссии было туманным. Данная инициатива не была согласована с обладавшим реальной властью руководством республик и, естественно, не была им поддержана. Поднимавшие эту идею на шит командиры отдельных формирований ополчения не имели ресурсов для ее реализации. В итоге вся затея с самого начала была обречена выродиться в скоротечную политическую авантюру, не имевшую положительных последствий.

Центр стратегического планирования и остаточная активность

Между тем в Москве при участии О. Царева был создан Центр стратегического планирования при парламенте Новороссии. Эксперты обсуждали вопросы развития нового государственного образования, делились видением его общего устройства, экономики, внутренней политики и идеологии. По итогам первого заседания было принято решение разработать стратегию развития Новороссии до 2020 года, а также выпускать специализированный журнал, где будут публиковаться идеи для молодого государства.

В последующие месяцы О. Царев продолжал делать политические заявления и давать комментарии в качестве спикера парламента Новороссии. Первый заместитель председателя парламента А. Кофман успел поучаствовать одним из кандидатов в выборах главы ДНР. А сам парламента Новороссии в это же время фактически прекратил свою работу в качестве законодательного (представительного) органа государственной власти конфедерации ДНР и ЛНР.

Остаточная активность аппарата парламента СНР зимой 2014/15 г. полностью сводившаяся к акциям по раздаче гуманитарной помощи, произвольно низводила статус парламента до уровня одного из многочисленных гуманитарных фондов.

Неопределенность, противоречивость, «заморозка»

Неопределенность в отношении дальнейшей судьбы парламента Новороссии тянулась до весны 2015 г., когда из уст его первых руководителей публично прозвучали довольно противоречивые заявления. Первым «отличился» глава МИД ДНР и то ли действующий, то ли бывший первый заместитель

председателя парламента Новороссии А. Кофман. В своем интервью от 14 мая 2015 г., сославшись на преждевременность народного взрыва на Юго-Востоке Украины Русской весной 2014 г. (везде, кроме Донбасса) и уничтожение лидеров сопротивления в потенциальных республиках, он заявил о том, что «проект «Новороссия» закрыт на какое-то время». По Кофману получалось, что нужно подождать до тех пор «пока во всех этих регионах вырастет новая политическая элита». Тот факт, что под властью хунты она будет взращиваться отнюдь не на идеалах Русского мира, как-то упускался из виду.

19 мая добавил «ясности» относительно будущего парламента Новороссии его председатель Олег Царев: «Проект не закрывается, он заморожен. А причина в том, что минские соглашения не предусматривают создание Новороссии, объединения двух республик. Парламент не распущен, депутаты остаются на своих местах, но парламент не собирается и не принимает законов, не формируются исполнительные органы Новороссии...» Будем надеяться, что когда-нибудь специалисты по истории государства и права смогут по-научному истолковать, что представляет собой такая оригинальная форма существования высшего законодательного органа власти, как «заморозка»...

Парламент Новороссии: взгляд из сегодняшнего дня

Автор отдает себе отчет в том, что в нынешний бурный переходный период может быть всякое, но вместе с тем возможность «реанимации» существовавшего некогда органа законодательной власти, который уже более трёх лет не собирался на пленарные заседания, видится маловероятной. Кстати, в соответствии с Конституционным актом о создании СНР, избираемые сроком на один год руководители парламента уже должны были быть дважды переизбраны. Поэтому парламент Новороссии в настоящий момент представляется органом, фактически прекратившим свою деятельность.

Оценивая результаты деятельности парламента Новороссии, следует в первую очередь обратить внимание на тот факт, что период его работы собственно как законодательного органа государственной власти конфедерации ДНР и ЛНР был очень недолог — около двух месяцев (26 июня — 21 августа) и включал в себя всего три пленарных заседания. За такое короткое время было сложно наладить системную парламентскую работу, подготовить и принять пакет наиболее важных законов и, соответственно, в полной мере раскрыть заложенный в него потенциал. Пожалуй, сам факт создания парламента СНР и проведенная в июне 2014 г. этим органом, а так-

же Верховными Советами ДНР и ЛНР на законодательном уровне легитимизация конфедеративного Союза Народных Республик, имеет большее историческое значение (в том числе как интеграционная модель и этап государственного строительства на территории Донбасса), чем вся последующая его деятельность. Поэтому наиболее важным из парламентских решений автор считает принятие «Конституционного акта о создании Новороссии — Союза Народных Республик». Вторым по значимости из идеологических соображений можно поставить закон «О Воинском знамени Вооруженных Сил Новороссии». Остальные законы касались вопросов работы парламента и депутатского корпуса и отражали незавершенность процесса становления и организационного строительства этого органа власти конфедеративного государства.

Что помешало состояться Союзу Народных Республик?

Процесс становления конфедерации ДНР и ЛНР оказался под воздействием комплекса неблагоприятных внешних и внутренних факторов.

Под давлением внешних для себя обстоятельств конфедеративный Союз лишился одного из основных смыслов своего существования — перспективы расширения в рамках концепции создания «большой Новороссии». Это тут же отразилось на прочности позиций О. Царева как председателя парламента СНР, ведь если нет включения новых субъектов, то резонно возникает вопрос: почему конфедерацией донбасских республик руководит человек, не имеющий отношения к местным элитам Донецка и Луганска? О. Цареву при всем желании было бы трудно добиться их консолидации.

Одной из основных внутренних помех в деле госстроительства СНР являлось то обстоятельство, что достаточно влиятельная часть зарождающегося политического класса республик, опасаясь ограничения своей власти в будущем, оказалась не заинтересованной в жизнеспособности надгосударственной структуры, стоящей над ДНР и ЛНР. Поэтому конфедеративный Союз и его органы воспринимались ими как потенциальная угроза собственным интересам, и уже в июле 2014 г. в Луганске представители местной политической элиты добились значительного ограничения полномочий конфедерации.

Заключение

Создание Союза Народных Республик — это первая попытка интеграции ДНР и ЛНР на государственном уровне.

Как видится сегодня, попытка в тот период, может быть, и преждевременная, не учитывавшая всех внешних военно-политических и внутривнутриполитических обстоятельств. Но возможно ли было их полностью учесть?

Да, де-факто конфедеративное государство не успело состояться, однако де-юре ни ДНР, ни ЛНР не денонсировали Конституционный акт о его создании. Примечательно, что по отношению к свободному от киевской хунты Донбассу в политический обиход прочно вошел термин «Малая Новороссия».

Объединение ДНР и ЛНР в том или ином формате выглядит исторически неизбежным. Интеграционные процессы на их территории продолжаются. Между Народными Советами Республик подписан договор о сотрудничестве, интенсифицируется межпарламентский обмен, имеется положительный опыт принятия общих законодательных актов.

Возможно, будет уместным использовать опыт строительства Союзного государства России и Белоруссии, а может, и более динамичные модели.

Недавнее признание документов республик со стороны Российской Федерации, а также начавшийся процесс национализации крупных промышленных предприятий, находившихся в украинской юрисдикции, не только дает начало процессу фактического признания ДНР и ЛНР, создает под ними прочную экономическую базу, но и вновь актуализирует и ставит на повестку дня вопрос о необходимости объединения донбасских республик.

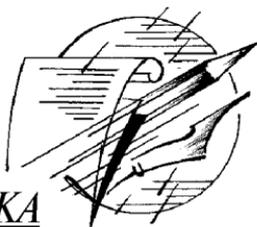
Канула ли в Лету идея создания государства на пространствах «Большой Новороссии», моделью для которого выступал Союз Народных Республик? По всей видимости, нет: реформативное изменение нынешней Украины неминуемо. По своей логике оно приведет к появлению ориентированного на ценности Русской цивилизации государственного образования на основе тех областей, которые расположены на территории исторической Новороссии.

ГЛАВНОЕ — ВЫЖИТЬ И ВЫСТОЯТЬ

На юге Донбасса в июне очень красиво. Желтое цветущее море сменяется лиловыми островками шалфея, огоньками разбросаны по степи алые маки, и зелень пока еще сочная, яркая, не успевшая пожухнуть под палящим солнцем. Временами в траве пробегают пухлые неуклюжие фазаны, усердно кукуют кукушки — таким совсем не страшно загадывать, сколько тебе суждено прожить.

В это время многие горожане стремятся выбраться на юг — поближе к морю. Старенькие автобусы, уезжающие с Южного автовокзала Донецка, переполнены людьми, и водители разрешают пассажирам, которым не хватило билетов, ехать стоя, хотя дорога занимает почти три часа. Люди размещаются в проходах, знакомятся друг с другом, едят мороженое, спят, пробиваются поближе к приоткрытому на крыше люку. Те счастливички, которым досталось место, предлагают подержать вещи обосновавшихся в проходе попутчиков.

В общем, картина получается вполне пасторальной и идиллической, если бы не одно «но» — практически все прибрежные территории, которые контроли-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

рует ДНР, находятся в прифронтовой зоне и доступны для обстрелов артиллерии противника.

Коминтерново, Саханка, Безыменное, Широкино — эти «н.п.», как пишут в сухих армейских сводках, располагаются на юге республики, где проходит линия фронта или, как принято говорить, «линия разграничения сил» противников. Даже в автобусе среди гражданского населения встречаются военные — возвращающиеся на фронт после недолгих увольнительных морпехи. Один из них пытается уступить мне место.

«Пожалуйста, садитесь! Мне нельзя долго сидеть, у меня больное колено», — говорит он. И хотя этот аргумент я нахожу крайне неубедительным, он все-таки настаивает на своем. Оказывается, что больное колено — результат осколочного ранения, которое боец, правда, даже не считает ранением. Врачи говорили, что ему нужно отлежаться, но он отказался. «Мои ребята будут в окопах сидеть, а я стану на кровати с царапиной валяться?» — говорит парень. «Ясон» (это его позывной) из донбасского города Енакиево, воевать пошел после того, как увидел, что от попадания снаряда в школу в Донецке погибли дети. В 15-м году участвовал в обороне Горловки и штурме Угледгорска, а в 16-м и 17-м оказался на передовой под Широкино. И именно туда, к себе на позиции, он возвращается сейчас.

Моя миссия тоже не дачная — я еду на юг ДНР, чтобы пообщаться с бойцами на передовой. Еще зимой, в мою прошлую поездку на южный фронт, замполит защищающего южные рубежи ДНР подразделения Юрий «Кадет» объяснял мне, чем значимо это направление для обороны республики и почему противник концентрирует здесь свои силы, регулярно предпринимая попытки прорывов.

«Из стратегических соображений им проще прорвать нашу оборону для того, чтобы пойти вдоль границы и отсечь нас от России, взять в блокаду крупные города, а потом приступить к зачисткам, как у них это принято. В этом смысле на данный момент у нас самое опасное направление», — отмечал тогда «Кадет».

На позиции мы отправляемся интернациональным девичьим составом в сопровождении бойцов. Вместе со мной едут еще две журналистки — дончанка Екатерина Катина и французка Кристель Неан. Они и сами по себе личности незаурядные. Катя до войны работала моделью, затем принимала активное участие в событиях Русской весны, а с началом боевых действий стала успешно совмещать профессию модели и профессию военкора, чередуя дефиле на шпильках по подиуму с пробежками в берцах и бронежилете по окопам.

Кристель оказалась в Донбассе ради того, чтобы рассказать европейцам, что действительно происходит на этой войне. Она говорит, что вначале просто поддерживала Новороссию, продолжая жить в Европе. Однако потом кто-то задал ей вопрос, как она может быть уверенной в своих словах и своей позиции, если не находится на месте событий. После этого француженка, недолго рассуждая, собрала вещи, оформила документы на свою любимую собаку, которую непременно хотела взять с собой, и переехала в ДНР.

Кристель, родившаяся в Париже, полюбила Донецк и теперь уже не хочет возвращаться в Европу. И вот сейчас мы все вместе идем, местами перебежками, по вырытым в цветущей степи лабиринтам окопов, чтобы поговорить с обороняющимися южные рубежи ДНР бойцами.

Спрашивать о военной ситуации не очень хочется, потому что она уже на протяжении долгого времени не меняется, оставаясь стабильно напряженной и периодически «имеющей склонность к обострению». На этом участке фронта позиции противников расположены достаточно близко, менее километра, и если высунуться из окопа, можно даже разглядеть флаг «Правого сектора». По словам одного из бойцов, были случаи, когда «правосеки», зная, что военные ДНР не будут вести огонь из-за минских соглашений и отвечать на провокации, включали речь Гитлера, после окончания которой с их стороны начинался артобстрел из всех имеющихся орудий.

Сейчас — затишье, полуденное солнце греет всюду, о войне напоминает сосредоточенное состояние не доверяющих временному спокойствию бойцов, а еще усыпанная гильзами земля и чернеющие на фоне голубого неба деревья, потерявшие листву из-за обстрелов. Ребята рассказывают, что с той стороны стреляют специально поверху, чтобы как можно больше людей в окопах посекло осколками. Один из военных ведет меня в блиндаж, куда недавно попал снаряд.

Похожий на Че Гевару боец с позывным «Танк» (ему еще с детства дали такую кличку товарищи, потому что он всегда шел напролом, не останавливаясь перед трудностями) объясняет, что военная обстановка находится примерно в одном времени.

«Стреляют постоянно. Бывает так, что артиллерия стреляет либо не стреляет, а всё остальное работает регулярно. Конечно, когда подключается артиллерия, уже становится печально. В основном стреляют из 120-х минометов, но также работают «бэхи», СПГ, АГС, пулеметы, уже давно не работает танк, хотя и такое случается», — рассказывает военный.

Он — русский доброволец, родом из Волгограда. Говорит, что история родного города и подвиг его защитников служат для него вдохновением и на этой войне. «Сталинград показал всему миру, как один маленький город смог не только сопротивляться военной машине вермахта, но и сломить ее. Все, кто приехал сюда из Сталинграда, смогли доказать, что мы были достойны родиться в этом городе», — говорит он.

На Донбасс «Танк» приехал летом 2015 года. «Начали с Донецка, позже нас перевели в Новоазовск, где мы были распределены на участок фронта от Широкино до Гранитного. Их мы держали около года. Октябрь, Сосновка, Красноармейское... С того момента, как под наш контроль перешло Коминтерново, стоим вокруг него», — вспоминает он.

Боец рассказал, что именно для него стало тем пределом терпения, после которого он окончательно решил приехать на Донбасс. «В 2015 году зимой я смотрел ТВ, и последней каплей для меня оказался сюжет, в котором показали, как в Донецке при ударе «Града» погибло много гражданских людей. Я представил — что же будет, если и у нас начнется такое? Придет ли кто-то нам на помощь? В итоге мы с ребятами собрались и решили приехать сюда. К тому же у меня уже был военный опыт — я участвовал в боевых действиях в Чечне в 1999—2000 году. Думал, побуду здесь месяца три-четыре, а получилось так, что я здесь уже третий год», — говорит «Танк».

Практически в каждом подразделении армии ДНР есть боец с позывным «Одесса». Здесь я тоже знакомлюсь с местным «Одессой». Уточнять, откуда он родом, наверное, будет излишним. Боец попал в ополчение, потому что новая украинская власть не оставила ему иного выбора и иной возможности защищать свои права.

«Сейчас на Украине инакомыслие преследуется законом. Так получилось, что в 2015 году я присоединился к казачеству, участвовал в гражданских, неполитических акциях, но все равно попал на заметку в СБУ. Сначала один раз вызвали, потом вызвали во второй раз. Как правило, если тебя на третий раз вызывают в СБУ, то оттуда ты уже не возвращаешься. Тебе объявляют вымышленную измену Родине, арестовывают, затем через каждые два месяца вызывают на суд и за недостаточность улик снова закрывают на два месяца на дорасследование. Я и подумал, зачем гнить в застенках, если можно присоединиться к единомышленникам. Воюю всё время здесь, на юге, мне поближе к морю привычнее (*смеется*). Начинали с Октября, с Коминтерново и вот сейчас совсем близко стоим к их позициям», — говорит он.

Чуть позже «Одесса» подходит ко мне и просит: «Напишите, пожалуйста, что я их считаю еврофашистами, а подконтрольную им территорию — временно оккупированной».

Боец «Саур» родом из Башкирии. На вопрос о том, почему он приехал в Донбасс, отвечает коротко — «тут русских начали убивать». Говорит, что за событиями на Украине и в Донбассе не следил вообще, воевать не хотел, но потом случайно увидел по телевизору сюжет, в котором показывали, как в Славянске в детский сад попал снаряд и пострадали дети.

«Именно это стало для меня решающим моментом, после которого я собрался и приехал сюда. Теперь я уже три года здесь. Домой попадал только по ранению. Воевал на «Саурке» (Саур-Могила. — Прим. авт.), в аэропорту, и так, по мелочи, много мест было, всех не припомню. Позывной «Саур» дали в аэропорту. Сказали — заслужил. Я выжил там», — говорит он. Самые страшные бои, по воспоминаниям «Саура», велись за аэропорт, потому что там погибло очень много людей — и местных, и россиян-добровольцев.

«Саур» рассказывает, что на его попечении сейчас находится несколько новобранцев. Поэтому я интересуюсь у него, что на войне самое главное для бойца и чему он прежде всего учит своих подопечных. «Выжить. И другу помочь», — отвечает тот, не раздумывая.

Мама «Саура» одобрила его решение пойти защищать мирных людей в Донбассе. Сейчас она болеет раком, и «Саур» надеется, что сможет выбраться в небольшой отпуск — проведать ее и остальных родных. «Вы очень на мою племянницу похожи», — замечает «Саур», разговаривая со мной. Пока что он не может отлучиться с фронта — обстановка не позволяет. Буквально неделю назад, по словам «Саура», противник накрыл их позиции плотным огнем. «За сутки более 100 прилетов было — чаще всего 120-е со стороны Широкино. По мне прилетели один за одним три снаряда от РПГ. Последний ударил сзади, чуть больше метра от меня. Спасибо рыхлой донбасской земле, только она спасла тогда», — говорит он.

Во время общения с бойцами на фронте меня больше всего удивляет то, что за годы войны они не стали жесткими и равнодушными. Мой попутчик Ясон пишет стихи прямо на позициях в перерывах между обострениями. «Саур» обращает внимание на то, что я по неопытности неправильно надела «броник», и заботливо учит, как его нужно затягивать. Когда говорит о родных или вспоминает товарищей, его голос подрагивает, он заметно начинает волноваться.

Чуть раньше, на другом участке донецкого фронта я познакомилась с художником, который взял в руки оружие, когда на его землю пришел враг, но при этом все-таки остался художником, а не солдатом. И он очень искренне смущается, когда я случайно застаю его на передовой за работой над картиной.

Наверное, сохранить себя бойцам помогает внутреннее понимание того, что правда на их стороне. Эти люди пришли на войну не за острыми ощущениями, не за деньгами, не ради бравადы или выдуманных политиками ложных ценностей. Мотивы всех, с кем мне доводилось разговаривать на фронте, очень простые — многие парни из Донбасса говорят, что хотят просто «до дома дойти». «У меня дом в 30 (в 20 или 40) километрах, а я до него три года никак не доберусь», — говорят они. Добровольцы из России приходят, чтобы «брату помочь», как в знаменитом фильме про Данилу Багрова.

Общаясь с такими людьми, чувствуя и проникаясь их уверенностью или даже верой, понимаешь, что у той стороны нет шансов. Не потому, что они слабые, а потому, что они — обманутые. Обманутые своими политиками, навязавшими ложные представления и заставившими их сделать первый выстрел. У них есть оружие и военные навыки. Но всё это теряет свой смысл, потому что в этой войне правда на стороне восставшего Донбасса, который, несмотря на все трудности и препятствия, выстоит и добьется своего. Думать как-то иначе, когда идешь по жизнерадостной, пусть пока еще и прифронтовой, степи Донбасса после общения с этими людьми, просто не получается.

Июнь 2017 г.

Русская народная линия

ДВА РАССКАЗА

МОЛЧАНИЕ

Скоро полгода, как живу в хуторе. Блудный сын, вернувшийся к отчему порогу. Родителей уже нет. Один в пустой хате думаю свою думу. Ни свой, ни чужой в хуторе. Временный. Так, наверное, и принимают меня здесь. Сверстников никого не осталось. Кто постарше — помнят, а для молодых я дачник, сезонный человек. На зиму уеду в городскую квартиру, к семье.

Позавчера услышал новость: приехала Валя Короткова. Моя сверстница, первая любовь. Странная, впрочем, любовь... Впервые за много лет решила проведать больную старую мать.

Глянул на себя в зеркало, вздохнул: хорошо бы встретиться. Давно уже все быльем поросло, разве что где-то на дне, в тайничке осталось ...

Задумался, стал вспоминать и как-то разволновался до сердечной боли. Узнаю ли? Какая она теперь?

На следующий день собрался в гости. Поймал себя на том, что перебираю рубашки, долго причесываюсь, мучительно раздумываю, что

ПРОЗА

взять с собой. Цветы? Но представив, как пойду с букетом по хуторской улице, по пыли, пугая кур и вызывая недоумение старух: «Наверное, на кладбище, к матери...», — рассмеялся.

Сомнения прервал резкий стук в окно.

— Дядя, дядя!

Передо мной стоял мальчуган в плавках.

— Там тетка утопла!

Через несколько минут мы были на «лягушатнике», песчаном пляже, где купалась хуторская детвора.

У самого берега в воде сидела женщина, мокрые волосы закрывали лицо, руками держалась за траву, тело ее вздрагивало. Трое ребят лет семи-восьми с испуганными лицами стояли рядом.

Женщина медленно подняла голову и откинула волосы, улыбнулась — лицо белое, неживое. Недалеко от берега ей стало плохо, наглотавшись воды и едва не потеряв сознание, она с помощью ребятшек с трудом выбралась на мелкое. Так мы встретились, это была Валя. Через полчаса я отвез ее на своих «Жигулях» домой, в соседний хутор.

— Я тебя сразу узнала... Слышала, что ты на хуторе. Не ожидал, наверно, встретиться так... с утопленницей? Сколько лет прошло? Пятнадцать?

Она сидела в кресле, поджав ноги, кутаясь в шерстяной плед, ее знобило. Я налил чаю, она не притронулась к чашке.

— Шестнадцать...

Мы никогда не были близки, не дружили, но разница в два года в школе (я был моложе) разделяла и друзей, и интересы, и общение. Знали же друг друга хорошо, потому что свои, хуторские, знают про каждую семью (породу) до седьмого колена.

Коротковы, тетя Дуся и Валя, жили вдвоем, без отца. Валя была «нагулянная», как говорили в хуторе.

В школе ее дразнили Апельсина. Замечательно рыжая, высокая, не по-девичьи спокойная, с большими, на восточный манер глазами, она выглядела старше, женственнее своих подруг.

Тетя Дуся с темным суровым ликом, с тихими умными глазами, неприступно-молчаливая, сухая, легкая на ногу, до истовости чистоплотная, всю жизнь не разгибая спины горбила на колхозном свинарнике, а по дому делала мужскую работу так ладно, что хуторяне звали ее класть печи, лечить скотину.

Двор у Коротковых был всегда чист, забор покрашен, калитка смазана; в палисаднике цветы, дорожки песком посыпаны, грядки ухожены, сарай и кухня побелены с синь-

кой, фундамент обведен черной краской. А в доме вылизано так, что лишняя пушинка видна. Бабы поленивее недолюбливали тетю Дусю. «Дюже додельна, всё сама. Потому одна и кукует...» Кто поумнее, хвалил: «Клад баба».

И Валя всегда при матери, при деле. Девчонки на речке купаются, вечерами на выгоне сидят допоздна. Зовут: «Валька, выходи!» Она только улыбнется: некогда. Каждый день нужно нарвать травы пороссятам и уткам, полить грядки, сходить в магазин, прибрать в комнате, постирать, матери в свиарнике помочь, а когда и подменить, если приболеет. Закрывала в банки варенье, шила для себя, для матери — и на этом приходилось экономить. Материна зарплата слёзы одни. В конце года кабана и уток сдавали в заготконтору. Невелики капиталы, если учесть, что на одну топку, на уголь и дрова уходила половина.

Теть Дуся никогда не жаловалась на нужду, скорее была довольна: сыты, обуты-одеты, слава богу. Она никогда не «воспитывала» Валю, не заставляла, не напоминала, что сделать, в школьные дела и вовсе не вмешивалась.

...Валя, наверное, не осознавала вполне, что она красавица, по крайней мере, это никак не проявлялось. Она была очень ровна, простодушна со всеми. В отличие от подруг не смеялась беспричинно и беспричинно же не плакала, не шепталась, не писала записок, не заигрывала с ребятами. В глазах ее, тихих и умных, угадывалась непростая, скрытая ото всех внутренняя работа. Сторонилась подруг, задумчиво помалкивала. Если кто-нибудь окликал, загадочно улыбалась, отвечая глазами.

Эта загадка, эта тайна в ее глазах, мало сказать, сводила меня с ума, она сделала меня мечтателем. Я потихоньку вошел в мир самообмана, и сладко было обманываться! Читаю «Вечера на хуторе...» Гоголя — и Ганночка превращается в Валю, говорит ее голосом, улыбается тихо, зовет меня... Пойдем с друзьями купаться — я нарочно уплываю дальше, ложусь на спину и вместо солнца и неба вижу ее лицо. Прошумит ветер в верхушках верб — я слышу ее шепот. Скажет мать что-нибудь ласковое, мне чудится ее ласка. Перед сном закрою глаза — весь небогатый мир воображения заполнен ею.

В школе я боялся близко подойти к ней, мучительно ревновал, когда старшеклассники дергали ее за косы, называли Апельсиной. Если это можно назвать ревностью, то я впервые испытал это чувство. Но это ничто по сравнению с тем, что было дальше.

Из школы вместе с Валею, часто вдвоем, стал ходить десятиклассник Сашка Гончаров. Он был моим соседом, мы дру-

жили. Сашка один у родителей, баловень, имел спортивный костюм, мотоцикл «Яву», курил, выпивал с неженатыми мужиками, ходил с ними на охоту с собственной двустволкой, и вообще вызывал у нас, хуторской шантрапы, зависть и восхищение. К тому же он был высок, мускулист, добродушен и не жаден. Учился на пятерки, в школе его хвалили. Всё ему давалось легко, он подыгрывал взрослым, был лидером среди сверстников, заступался за меньших. Словом, первый парень, и заслуженно.

Гончаров стал каждый день провожать Валю, катать ее на «Яве». И ей это нравилось. Они встречались уже вечерами, не таясь. Даже моя мать, как-то к слову вспомнив, вздохнула с чувством: «Хорошая пара... Дай-то бог».

Я стал думать о самоубийстве.

Однажды мы встретились на речке. Было солнечно и жарко после дождя, вся хуторская ребятня вывалила на «лягушатник». Взрослые сидели отдельно на круче в старом саду.

Скоро появился Гончаров с Валею, на «Яве». Мне особенно больно было увидеть ее спокойную улыбку, в глазах уже не было тайны... Они подсели в кружок на край скатерти с вином и закусками, сели как-то просто, по-домашнему, как свои. Кто-то налил Вале рюмку красного вина, она покачала головой и отодвинула в сторону. Гончаров обнял ее, она засмеялась и легонько толкнула его в грудь.

Я не мог больше смотреть на Валю, горло саднило от тоски.

Не помня себя, одетым зашел в воду. Ребята засмеялись. Я умылся, вышел и сел в тени под таловый куст. Не знаю, сколько времени прошло, очнулся от голосов:

— Хлопцы, сейчас Гончаров с кручи сигнет!

— Айда, поглядим!

Все хлынули на кручу, меня разобрало любопытство. Гончаров, разгоряченный вином, разминался, играя мускулами. Подошел к самому краю, глянул вниз, примериваясь, пружинисто отбежал назад для разгону. Друзья наперебой советовали:

— Не завали, ж... отобьешь!

— Туфли надень, ноги порежешь!

— Прими сотку для храбрости!

— Давай рекорд, по телику покажут!

Валя растерянно и недоуменно смотрела на Гончарова. Он разбежался, легко оттолкнулся, на секунду завис над кручей и, вытянувшись в струну, «солдатиком» вошел в воду.

— Чемпион! — завопила компания.

— Наливай!

Сашка взбежал на кручу, залпом выпил стакан вина и, вроде бы извиняясь, сказал:

— «Солдатиком» любой прыгнет, я головой вниз хочу. Но... потренироваться надо.

Сашка заливал, смельчаков не было даже «солдатиком», он единолично царствовал на круче. Трудность заключалась в дальности прыжка, круча была покатою, и лететь по прямой нужно не меньше семи-восьми метров, иначе угодишь на мель. Да и высота — метров двенадцать. Охотников не находилось.

После Сашкиных слов меня как толкнул кто:

— Зачем тренироваться, я и так могу.

На меня смотрели как на шутника. Кто-то поддакнул:

— А чево! Он счас тройным тулупом запузурит!

Я разделся. В теле — невесомость, в голове пустота, горло сдавил нервный комок. Впереди была смерть, и мне было хорошо от этой мысли. Помню ослепительный мелькающий свет, долгое упругое царство обжигающего воздуха. И крики на круче. Вылез на берег, отдышался. Горел лоб, я не сразу понял, что отшиб его об воду, тошнило — хлебнул поряточно воды, но сразу же радостно обожгло: теперь круча моя!

Да, с тех пор круча принадлежала только мне, Сашка перестал прыгать даже «солдатиком», из гордости. Говорили, что он тайком готовился, тренировался, но так и не рискнул. Он не скрывал обиды, и я чувствовал, что рано или поздно он отомстит мне. Уж очень фальшиво хвалил он мой прыжок, навязчиво вспоминал. Веселые черные глаза его маслились звериной зоркостью. У ката, наблюдающего из кустов за воробьями, видел я такие глаза.

Валя же вовсе избегала меня. Один раз я поймал ее холодный изучающий взгляд, она тут же отвернулась, только вспыхнули, малиново зашлись кончики ушей.

Как мог узнать Гончаров о моей тайной любви?

Ведь ни одна живая душа не знала о ней. «Молчи, скрывайся и таи...»

Я часто шептал эти волшебные слова, и как близка была мне тогда космическая тоска давно умолкнувшего поэта: «Пускай в душевной глубине встают и заходят оне...»

То, что я берег ото всех, что доставляло мне тайную муку, которую я не променял бы ни на какие царства, Гончаров, глядя мне в глаза, назвал словами, прикоснулся, подышал в мою тайну. Слова он, видно, обдумал.

— Сынок, — сказал он ласково. Он всех хуторских ребят звал сынками, — нравится девка? Нравится, вижу... Попроси хорошенько, я, может, уступлю, я не жадный. У меня в запасе есть. Ну как?

Гончаров не был злым, ревность толкала. Валя отвернулась от него, и он стал соображать, кто виноват. Не я ли? Вряд ли он догадывался, что дело в нём самом...

Он дошел, опустилсь до пошлости, чтобы отомстить и мне, и Вале. На той же круче, в компании старших. Увидел меня на пляже, позвал. Налил стакан вина, я отказался.

— Сохнет по Апельсине, — сказал он, обращаясь к мужикам. — Ну, я решил уважить, передам ему эту телку.

Мужики засмеялись, пошутили насчет «бычка», то есть меня.

— Но при одном условии, — продолжал Гончаров. — Через неделю. За сиську я уже подержался, дальше — брыкается, норовистая... В общем, через неделю будет полный порядок. Говори спасибо, сынок...

Мне хотелось ударить его в рожу, но не удалось, не достал. Вино разлилось, мужики крепко держали мои руки. Гончаров велел отпустить и, резко поднявшись, стал по-кошачьи ходить вокруг меня, ласково приговаривая:

— Я тебя так не учил, сынок. Это хулиганство. Ну, если хочешь... Бей первым, я разрешаю.

...Нас растащили мужики. Я ушел вверх по речке, подальше от их глаз, выбрал место под вербами. Бросил в кусты разорванную, окровавленную шведку, искупался. Лег на траву и глядел в прозрачную текучую эмаль неба.

Мне было легко, я чувствовал — случилось что-то важное, лопнула какая-то невидимая скорлупа, волнение комком подступило к горлу. Я был внезапно ошеломлен счастливым состоянием победы, прыгал по песку, плясал вприсядку, смеялся, держась рукой за разбитые губы. И тени обиды не осталось на Гончарова, я жалел его.

Что кажется проще, подойти тогда к Вале, заговорить с ней. Но я был смел только в мечтах. Мне и сейчас трудно понять ту нерешительность. Годы прибавляют мудрости, но уносят нечто зыбкое, призрачное, дымку золотых снов, без которых не понять юности. А я жил в золотых снах, и Валя виделась мне существом высшим, непостижимым. Кто из смертных мог приблизиться, угадать ее тайну, чувствовать движение ее души? Я был уверен, никому в целом свете не понять моей любви. И мыслимо ли было, кому открыться? И как выразить это обычными словами? Как подойти к Вале, что сказать?

Я стал писать Вале инкогнито. Господи, что роилось в моей голове! Я кипел страстями Демона и Мцыри (Лермонтов был особенно близок тогда), облакался в тогу моралиста и делал длиннейшие выписки из Пушкина и Тургенева. Я прорицал,

предсказывал, пугал вселенским одиночеством (опять же с выписками), то вдруг сбивался на жалобы, тоску, умолял, ожесточался, вздыхал, что в этом мире нам не суждено и т.д.

Валя должна была понять, что пишет кто-то свой, рядом. Я упоминал о школе, о хуторянах, о Гончарове, о каждой встрече с ней (со стороны, разумеется). Описывал сад над кручей и вообще много места отводил поэзии. Помнится, сочинил целую поэму о старой вербе, которую расколола и подожгла молния. Эта верба стояла на краю сада. Вокруг вербы и молнии было много сравнений, намеков, вздохов. Всё это освящалось и соединялось с одним именем, и всё просило, звало: узнай меня, снизойди, протяни руку, иначе я погибну.

Почти каждый день опускал я в ящик длиннейшие послания. Зная, что ответа не может быть, тайно, с холодеющим сердцем вора наблюдал за Валею: должно же как-нибудь отразиться мое искушение.

И я увидел перемену. Едва заметную, невидимую для других, но я ведь ждал ее. Валя еще более замкнулась, в глазах была растерянность, тревога. Словно чувствовала опасность, но не могла угадать, с какой стороны. Она медленно и умно осматривалась вокруг себя, взгляд ее долго задерживался на Гончарове, и мне казалось, что ей хотелось узнать в Гончарове анонима. На меня она не обращала внимания. Но как-то мы оказались вдвоем по дороге из школы. Она спросила:

— Говорят, ты дрался с Гончаровым?

Я оцепенел, чувствовал, что сейчас раскроется тайна. Но Валя как-то насмешливо посмотрела на меня, ее не интересовал мой ответ, улыбнулась как маленькому:

— А здорово ты прыгнул тогда.

Если бы она только намекнула, поощрила глазами, я готов был открыться, просить прощения. Но далеки были от меня ее мысли. Я промолчал, о чём жалею до сих пор.

После школы Валя поступила в институт, а через два года ушел в армию, время потеснило золотые сны...

— Слышала, слышала о тебе. И читала...

— Ты о себе расскажи.

— А что обо мне? Скучно... не знаю... не интересно.

— Мне всё интересно. Что было после школы, расскажи... рассказывай.

Она куталась, согнувшись пополам, поджав ноги, подбородок ее лежал на коленях, в глазах — тихая умная насмешливость. Какая-то болезненная худоба, желтое не от загара лицо, в уголках рта горькие складочки. Она стала больше похожа на мать.

Валя быстро глянула на меня, перехватив мои мысли, как-то нервно засмеялась.

— Старуха уже... А ты такой же, уши торчат... и конопушки. Нет, что рассказывать, давай лучше так поговорим.

— О чём?

— Не знаю. Я вот чуть не утонула сегодня... Сколько лет не купалась, а сегодня надумала, страсть как захотелось. Плавала, как в первый раз, как в детстве, отвыкла совсем. И голова закружилась, не знаю даже, что со мной. Опомнилась, когда ты подошел... Знаешь, о чем я тогда подумала? Что я тебя совсем не знаю. Выросли вместе, а не знаю. Чудно. Вот и сейчас сидим, а мне как-то не по себе, будто нам еще познакомиться нужно.

Меня подмывало вспомнить, сказать о ребячьей безответной любви. Но стало как-то грустно от ее слов. Я не знал, что ответить, и спросил:

— А Гончаров? Его ты лучше знала?

Она погрозила пальцем, улыбнулась кокетливо.

— Гончарова я любила... Его я знала как облупленного. Он, дурачок, только собой, как индюк, любовался. Я не могла за него замуж выйти. У меня другое было, даже не знаю, как назвать, — не любовь, конечно, — роман, нет, скорее драма в письмах. Ну, это другая история, да и непонятная, лучше не вспоминать...

— Почему же?

Она вдруг прямо глянула в глаза, и мне стало не по себе от ее немного обнаженного вопроса. Вздохнула.

— Нет, не будем об этом. Когда-нибудь потом расскажу.

Я понял, драма в письмах, как она назвала, для нее не легкое воспоминание о девичестве, а трудная, больная память. Тут лучше не трогать, не ворошить, пусть как было, останется тайной. Невидимая черта, последняя преграда, которую я собрался за давностью легко перешагнуть, обрела опасность высоковольтной линии. Я отступил, разговор пошел безразличнее. Валя немного рассказала о себе. Скоро мы расстались.

Встретились через год, опять же на хуторе. Она по-прежнему ленива, грустна и загадочна. Горькая складка у рта обозначилась еще резче. Мы сидели на берегу речки, глядя, как малыши барахтаются в «лягушатнике».

— Помнишь, ты обещала рассказать о письмах, о любви...

Она как-то обреченно вздохнула.

— Обещала. Расскажу.

Помолчала, собираясь с мыслями, и стала как бы рассуждать вслух, для себя.

— Эти письма принесли мне несчастье... Глупые ребяческие письма, которые писал какой-то влюбленный аноним в школе. С этого всё и началось. Меня любили... это льстило, тешило. И я, кажется, любила. Выходила замуж, и не раз. Но... по-настоящему никого не любила: на многое и многих смотрела как бы через призму, через строчки этих писем. Слишком возмнила о себе. Я и сейчас, ты же чувствуешь, эгоистка. Да, я возмнила себя исключительной, неповторимой. Ждала принца. А кругом были заурядные, обыкновенные, в общем, люди. Мне бы радоваться даже малой привязанности, простой, человеческой. Детей рожать, мужа любить, уют создавать. А я мучила и себя, и других. Принца ждала. Нет бы заглянуть в себя поглубже, остановиться. Может, и угадала бы себя, нашла свое счастье. Нет, проклятые письма не давали покоя. Ну что, казалось бы, в них? Юношеское обожание, влюбленность. А на меня действовало, как колдовство, наваждение. Хотела быть богиней, хотела преклонения. И вот итог... Одна. Никому не нужна. Больная. Желчная. Да, письма принесли несчастье. Кто написал их?..

И опять после ее слов у меня не хватило духу признаться. Тайна осталась. Впрочем, мне показалось, она знает, кто ей писал. Или догадывается...

Больше мы не встречались.

ДВА ЕГЕРЯ

Несколько лет я работал в районной газете в старом русском селе Верхне-Ольховом.

Дом, в котором размещалась редакция, строился еще в довоенные годы: саманные стены, снаружи и внутри обмазанные глиной и чисто выбеленные, маленькие двойные рамы, жестяная наполовину прогнившая кровля с резными водосточными трубами, хилое крылечко, оплетенное диким хмелем, с низким перильцем и тремя каменными вытертыми ступенями.

Перед окнами стояли редкие в здешних местах березы, летом густо зеленевшие, осенью и зимой долго терявшие коричневые, твердые, как пули, сережки. Во дворе, отгороженном высоким дощатым забором, был кирпичный гараж, в котором стояли «газик» и мотоцикл «Урал».

Все необычно и ново было для меня в стенах редакции: и огромный двухтумбовый стол в маленькой комнате с репро-

дукцией картины Саврасова «Грачи прилетели» на стене, и вытертые скрипучие половицы, и допотопный угловатый телефон, и даже воздух, пропахший пылью старых бумаг, канцелярским клеем и типографской краской.

Чуть не каждый день ездил я на отдаленные фермы, на полевые станы, в степь, к гуртам и отарам. Особенно любил осеннюю пору, когда на полях еще кипела работа: возили и скирдовали солому, убирали кукурузу и подсолнечник, пахали зябь и черные пары.

В пути попадались заброшенные хутора, с садами и тополевыми левадами. Они еще оставались в целости, но грустно было видеть крест-накрест заколоченные ставни, лебеду под самые крыши, перебитый надвое журавель колодца или голые ребра беседки.

В больших селах с широченными запущенными улицами в глазах рябило от ленивых, лоснящихся жиром гусей. Гуси дремали на обочинах дороги, теряли пух, и его корабликами носило по лужам и озерам. Отовсюду пахло солениями и вареньями, в каждом дворе дымили горнушки, суетились женщины и детвора, на гумнах складывали в высокие копны ячменную солому, сверху укрывали толем. Копали картошку. Всё больше женские платочки белели на огородах. Ребятишки сносили в кучи желтые пудовые тыквы. И только праздные люди, гости и отдыхающие, одиноко бродили по берегу речки с удочками и раколовками.

Ранней осенью бывает короткая удивительная пора. После первых уже не летних, но еще не холодных дождей вдруг зазеленеют бугры и балки. Нежная мурава густо лезет сквозь пожухлый пырей, жесткий остистый типчак, сквозь застарелый бурьян. В пойме, в левадах, по склонам балок появляются множество поздних полевых цветов. Они наверстывают, догоняют уходящее тепло, собирают последнюю красоту. Наверное, потому они так свежи, так пахучи и так чисты. В воздухе летает паутина. Хорошая примета. «Много тенетника — долгая осень». «Осенний тенетник — на ведро». Паутина везде: на былках трав, на головках татарника, на кустах. Тянется, словно пряжа, вспыхивает, играет на солнце, садится в черные, маслянисто-комковатые гребни пашни. Солнце устоялось. Воздух чуть дрожит — тихо. Горизонт ясен. Осторожная, незаметная, крадется осень.

В один из таких дней поехал я на редакционном «Урале» в хутор Лебяжья Коса, в охотничье хозяйство Михаила Михайловича Недогонова. Дорога шла между вспаханymi полями, через неглубокие выцветшие балки, по многолюдным хуторам, мимо бригадных дворов, густо заставленных ком-

байнами, сеялками, культиваторами, иногда поднималась на лысые бугры, с которых в сизой наволочи далеко виднелись села, сады, пашни, лесопосадки, дороги.

Мотоцикл легко, почти беззвучно катился по гладкому, с металлическим отливом, полотну асфальта, хорошо было чувствовать на щеках упругий свежий ветер. Часа за полтора, наверное, доехал я до безымянной речки, от которой уже начинался пойменный лес — хозяйство Недогонова.

Охотничьи угодья в Лебяжьей Косе расположены на нескольких десятках тысяч гектаров: в балках, оврагах, приречной болотной мочажине, в карликовых степных лесах, в пересыхающих, заросших камышом озерах, среди песка и солонцов.

За короткий срок Недогонов создал здесь, как выразился один журналист, ковчег. Вокруг этого ковчега — густо заселенные хутора, станицы и рабочие поселки, дороги, животноводческие фермы и комплексы, распаханная и ухоженная степь.

Кроме местного зверья и птицы — зайцев, лисиц, сурков, енотовидных собак, хорьков, ондатр, куропаток, стрепетов, дроздов, удонов, Недогонов завез в Лебяжью Косу оленей, косуль, лосей, диких кабанов, фазанов, филинов, соколов, горностаю, норку. И всё это ужилося, стало размножаться.

Как ему это удалось? И это ведь был не заповедник. Это было охотничье хозяйство, где, по правилам охоты, стреляли и убивали дичь. Из райцентра и из области приезжали с лицензиями на отстрел кабанов, лосей, устраивали облавы на волков. Слухи о баснословных количествах дичи в Лебяжьей Косе распространялись повсеместно, и от охотников не было отбоя.

К Недогонову приехал известный ученый-биолог, один из авторитетов природоведения, семидесятилетний сухой немногословный старичок. Профессор этот за три дня, пока осматривал хозяйство, вел себя так, будто не он в гостях у Недогонова, а Недогонов у него. Подозрительно и сердито поглядывал на хозяина, слушал его недоверчиво, всё больше ходил в лес, лазил по кустам, часами просиживал в специальных шалашах, наблюдая за зверьем.

Недогонов возил его по самым глухим местам, по чащобам, показывал едва приметные среди опавшей листвы бетонированные ямки-кормушки и поилки, песок-галечник для фазанов и при виде дичи короткими восклицаниями как бы подтрунивал над «ревизором».

— Эх, красавица какая! Вышла, умница, на гостей поглядеть! — приговаривал он, показывая косулю на опушке, на-

пряженно застывшую, в струнку вытянувшую длинные точеные ноги и сторожко поведившую маленькой красивой головой.

В другом месте, вспугнув зазевавшегося русака, Недогонов на ходу открывал дверцу и свистел в пальцы.

— Эх, эх, эх! Лентяй! Брюхо-то отпустил, как у бабака. Попадись мне в другой раз!

Дикую свинью с поросятами, не уступавшую дороги, он долго и ласково уговаривал:

— Ну что ты, матушка, заартачилась? Ступай домой, уводи деток. Вишь, важничает. Ну! Эх, вредная!

Свирепое животное, величиной с годовалого теленка, наклонив длинную морду, замерло перед машиной, поблескивая маленькими вдавленными глазками. Потом, легко, невесомо развернув двенадцатипудовое тело, глухо рыкнув, мамаша с выводком скрылась в терновнике.

Профессор, молча и как бы украдкой черкал что-то в блокноте, закладывая между страницами былики трав, высохшие семенники, зарисовывал. Только однажды он дернул Недогонова за рукав и почти в ухо ему выкрикнул старчески сильным фальцетом:

— Биоценоз-то, биоценоз! Он столетиями складывается, а вы что сделали? Как это можно?!

И кряхтел, гнезвился на сиденье, как курица, пришептывал что-то прыгающими, словно от негодования, губами.

Когда же настал день отъезда, профессор, наконец, заговорил. Голос его был глух, невнятен: старику было неловко перед Недогоновым за «инспектирование».

— То, что вы сделали, коллега, уникально... Да, это уникально. Ваш опыт — это редкий, может быть, исключительный случай. Я завидую вам. Вы работаете за целый институт...

Профессор уехал, а через месяц в одной из центральных газет появилась его статья о Лебяжьей Косе, после которой Недогонова заметили. Журналисты зачастили в Лебяжью Косу. Пошли рассказы о зайцах, о фазанах, которых Недогонов отлавливает тысячами и продает в разные области. Писали о его удивительных фотографиях птиц и зверей. Телевизионщики сняли фильм о работе охотничьего хозяйства. Статьи самого Недогонова напечатали два-три толстых журнала. Одним словом, Михаил Михайлович стал человеком известным.

К дому Недогонова я подъехал с трудом, дорога от речки среди старых дуплистых верб была сплошной песок. На взгорках и увалах намело дюны; они поросли редким камышом и остролистым змеиным луком.

На краю хутора, у самого леса, на бугре, стоял высокий флигель с широким деревянным крыльцом с балясами. На крыше была надстроена наблюдательная будка. Во дворе, огороженном штакетником и металлической сеткой, двумя рядами стояли клетки, маленькие загоны, клетушки с разными зверьками и птицами. По двору, густо заросшему кудрявым спорышем, мирно бродили вместе с павлинами крупные белые куры. Из глубины двора слышался растревоженный горловой клекот какой-то хищной птицы.

Навстречу мне к калитке вышла Александра Николаевна Недогонова, крупнолицая черноволосая женщина в вельветовой куртке и вязаном берете.

— Здравствуйте! — сказала она приветливо и, как мне показалось, излишне громко. — Михаил Михайлович велел вас встретить, он скоро будет. Пойдемте в дом.

Она завела меня с заднего хода в длинную, просторную и хорошо освещенную комнату. Я огляделся. Посередине стоял большой, почти во всю комнату, самодельный некрашенный стол, возле него — простые стулья с высокими спинками. С одной стороны стену от пола до потолка занимали стеллажи с книгами, с другой — шкафы с журналами, папками, связками газет и альбомами. На шкафах стояли чучела дикой утки, сизоворонки, удода, совы и цапли. На подоконнике в высокой деревянной вазе пестрел целый сноп павлиньих перьев. На маленькой этажерке в углу матово отсвечивал бронзовый бюст Шолохова работы Вучетича. Комната походила на кабинет ученого-естествоиспытателя.

Александра Николаевна достала большую папку, положила передо мной.

— Посмотрите пока фотографии, а я схожу за Михаилом Михайловичем. Он с утра в шалаше сидит, стрепетов караулит.

В дверь заглянули две стриженные головы, как две капли воды похожие друг на друга. Блестящие глаза глянули на меня по-птичьи быстро и любопытно.

— Мам, — сказал один из мальчиков, косясь на меня, — мы пойдем батю сменим.

Мать кивнула, и головы исчезли.

— Ребята наши, — с улыбкой и не без гордости сказала Александра Николаевна. — В шестой класс ходят, близнецы. В лесу день и ночь пропадают. Иной раз ругаюсь с ними: школу забывают. По правде говоря, и не хочу, чтоб они тут, в лесу, остались. Да что поделаешь! Отец слышать не хочет, смену себе готовит. Вот поглядите, какой у них ералаш.

Александра Николаевна провела меня в соседнюю комнату, которую занимали ребята. Действительно, она походи-

ла скорее на мастерскую. О том, что здесь спят, напоминали только две кровати, аккуратно застеленные, с кружевными накидками на высоких подушках. На стенах висели ружья, фотоаппараты, фотографии птиц и зверей. В одном углу стоял стол, походивший на верстак, на нем были маленькие тиски, наковаленка, ворох книг, увеличитель, поделки в виде звериных морд, искусно вырезанные из черного клена. Тут же валялись акварельные краски и листы бумаги с набросками не то филина, не то совы. Между столом и стенкой лежала целая гора различных капканов — трофеи, которые ребята аккуратно собирали. На окнах стояли несколько чучел, букеты ковыля, бессмертников и камыша. На стенах висели портреты Дарвина, Пржевальского и Миклухо-Маклая.

— Полбиблиотеки отцовской уже прочитали, — вздохнула Александра Николаевна. — Да будет ли толк? Я всё думаю: ум-то у них еще детский. Подростут — другие интересы появятся. Возраст сейчас у них такой — характеры ломаются. Думаешь-гадаешь, что из них выйдет? Ну да что уж... лишь бы войны не было.

В одном из шкафов под стеклом я обратил внимание на фотографию: на скошенном поле, у края пахоты, стояла девушка в свитере под горло, широкой юбке и высоких ботах с пряжками. Сведенные у переносицы брови и капризно сжатые губы придавали ее свежему, молодому лицу выражение избалованного ребенка. Девушка была очень похожа на Александру Николаевну.

— Да, — подтвердила хозяйка, заметив мое любопытство, — это в первый год работы в Лебяжьей Косе. Михаил Михайлович сфотографировал. Мы ведь как недруги сошлись. — Она засмеялась каким-то особенным, счастливым смехом. — И какая война у нас была! Я вам как-нибудь расскажу.

Во дворе послышались шаги, по деревянным ступенькам застучали каблуки. Вошел Михаил Михайлович с каким-то сундуком в руках.

— Снял! — сказал он прямо с порога и протянул мне руку. — Здравствуйте! Можете поздравить с редкой удачей: выследил целый табунок стрепетов. Позировали мне полчаса, как артисты.

Михаил Михайлович был высок ростом, плечист, быстр и шумен. Бросался в глаза его высокий угловатый лоб, твердые сильные губы и будто точеный шишковатый подбородок. От всей его фигуры веяло силой борца, атлета.

Я спросил, как он снимал стрепетов.

— У меня особая технология и аппараты особые, — строго и не без некоторого хвастовства сказал Недогонов. — Всё делаю самым партизанским способом. Вот мой снаряд.

Он раскрыл сундук. В нём лежала толстая, массивная труба, с медными кольцами длиной, наверное, около метра.

— Это трофей, подозрная труба с военного корабля. Надежная вещь! Оптика великолепная. — И, видя мое удивление, пояснил: — Дело немудреное. Я тут только затворчик приспособил да на полозки посадил. Ну и штатив подобрал. Простое дело.

Недогонов уложил трубу в сундук и повел меня в свое «фотоателье».

Мы прошли по просторному коридору и очутились в темной комнате. Щелкнул выключатель: вся комната была завалена подобного рода сундуками и штативами. На полках лежали старые антикварные фотокамеры, объективы в черных кожаных футлярах, фотобачки, ванночки. На огромном, грубо сколоченном из простых досок столе стояли два больших увеличителя. Пленки, скрученные спиралями, висели тут и там. Поражало количество фотоаппаратов; их было, наверное, не меньше трех десятков.

Недогонов снисходительно улыбался.

— Тут все мое богатство. Книги да фотоаппараты... все, что нажил. А вы слышали, меня ведь записали чуть ли не в первые фотографии-анималисты?! Недавно получил приз — полкило бронзы в малиновом бархате от одного международного клуба.

Всё в этой комнате говорило о повседневном кропотливом и бессонном труде: почерневшие использованные растворы в ванночках, распечатанные пачки фотобумаги, скомканные испорченные листы — тот известный беспорядок, который создается в дни напряженной, непрерывной работы. На столе стояла недопитая чашка крепчайшего чая и какие-то таблетки. Недогонов угадал мои мысли.

— Днем снимаю, а ночью пленки проявляю. Другого времени нет.

Он стал расспрашивать, откуда я родом, кто мои родители, где учился, чем занимаюсь, что пишу. Слушал внимательно и цепко, оценивающе поглядывал на меня, будто прикидывал: «А ну-ка, что ты за человек? Говори, говори, я, брат, вижу. Я стрелянный воробей. От меня не скроешь...»

После «экзамена» он заговорил ласковее, и смеяться стал добродушнее. Наконец спросил, что бы я хотел посмотреть в Лебяжьей Косе. Я сказал, что полностью полагаюсь на хозя-

ина. Недогонов на минуту задумался. Опять его взгляд колюче, цепко и даже, как мне показалось, подозрительно ошупал меня. «Не доверяет, — невольно подумалось мне. — Видно, есть что-то, что он не всем показывает».

— Сейчас мы пообедаем, а потом вы посмотрите кое-что из моих архивов. Вот в этих шкафах, — Недогонов показал на полки, — я собрал ежедневные фенологические записи за двадцать с лишним лет. Тут же и мои записки о Лебяжьей Косе. Кое-что из них я опубликовал. Ну и фотографии посмотрите. Во дворе можете познакомиться с моим зоопарком. Я после обеда поеду к начальству, кое о чем договориться перед началом охотничьего сезона. Ночевать будете в домике охотника, в лесу. Отличное место. Там рядом егерь Фомин живет, познакомьтесь. Вечером шофер отвезет вас.

Есть нечто таинственное и захватывающее в знакомстве с библиотекой интересного, деятельного человека. Вы берете в руки книгу, на последней странице проставлено время и место ее приобретения. Вы перелистываете страницы. Подчеркнутые слова, короткие заметки на полях, особо помеченные места ведут вас вслед за мыслями хозяина книги. Многое открывается вам в этих мимолетных заметках: и интересы этого человека, и его осведомленность о прочитанном, и его отношение к нему, и ирония, и восхищение, и даже настроение.

Страница за страницей, книга за книгой — и перед вами вырисовывается неизвестная вам, скрытая жизнь. Что выбирал он для своего ума и сердца, что созвучно было его мыслям, что он любил, какими книгами особенно дорожил, что отвергал, с чем спорил? Пометки на страницах хранят восторги и сомнения, радость и боль, гнев и бесстрастность. Вы находите в книгах исписанные закладки, вырезки из газет, фотокарточки, адреса, высохшие цветы. И всё это вызывает у вас новые мысли.

Долго я листал книги Недогонова: собрания сочинений Гоголя и Аксакова, Тургенева и Толстого, Шолохова, пожелтевшие тома Тимирязева, Брема, Реклю, Дарвина, Линнея, Фабра, Лоренца, Сабанеева. Здесь же и Красная книга СССР с множеством закладок. Каждый том был основательно проработан Недогоновым. «Вот он каков! — думал я. — Многие-то до сих пор считают его простаком, фотографом-любителем».

Потом я начал смотреть фотографии. Их было великое множество. На первый взгляд везде одно и то же: зверье и птицы. Но сколько подробностей в каждом снимке! Вот дрофа, спокойная, величавая, в брачном наряде, с перьями в носу. Как можно было снять вблизи такую чуткую, пугливую и, наконец, редкую, вымирающую птицу? Вот иволга

кормит красноротых птенцов. Гусеница гарпия на виноградном листе. Ушастая сова-мать с мышью в клюве перед великовозрастным птенцом. Лисенок поедает яйца стрепета в гнезде. В каждом снимке присутствовала та неповторимая первозданность дикой природы, подобия которой нет в снимках из зоопарков или даже заповедников.

Из огромного архива редких снимков Недогонова до сих пор опубликовано лишь несколько. Только в последнее время его стали осаждают издательства и журналы. Недавно начали печататься и записки о Лебяжьей Косе. В рукописях они занимают пять толстых тетрадей.

Листая эти тетради и потом просматривая семейные альбомы, я невольно стал думать о Недогонове и вспоминать всё, что мне было известно о прежней его жизни. Многие я слышал от Александры Николаевны, от старых работников лесхоза и хуторян, с которыми мне часто приходилось встречаться по работе.

Приехал Недогонов в хутор в начале семидесятых годов. Пошел работать в колхоз трактористом. Пригласили его как-то на свадьбу — механик в лесхозе женился. На второй день свадьбы, как водится, были ряженые, катанье тещи в возке, трое-четверо местных силачей боролись. Дело дошло до драки, гости кинулись разнимать, долго возились с ними, потом долго пили мировую.

Среди гостей были кавалеристы. Двое из них заспорили, кто проскачет вокруг левады на необъезженном жеребце Мальчику из лесхозовской конюшни. Без седла, разумеется.

Привели Мальчика. Не чистых кровей, но видный был жеребец, орловской породы, его привезли из села Хренового Воронежской области.

Жеребца и спорщиков тесно окружила толпа. Александра Николаевна, тогда еще двадцатилетняя девушка, недавно приехавшая в Лебяжью Косу по направлению главным лесничим, присутствовала при споре и была против состязания, которое, по ее мнению, могло плохо кончиться. Но ее уверили, что скачки и джигитовки в хуторе дело обычное и объездка лошадей вовсе не опасна.

Первым вызвался лесхозовский шофер Гаврилов, проворный, жилистый казачок. И лицо, и шея его, и уши, и даже маленькие костистые кулаки были пунцово-красны от самогона и от возбуждения. Он, как и Мальчик, не стоял на месте, а так и ходил, так и пританцовывал, приседал, встряхивал головой и при этом азартно доказывал что-то своему сопернику, молчаливому и мрачноватому на вид леснику Трегубову.

Взяв повод, Гаврилов долго прицеливался и, выждав, по-кошачьи прыгнул на спину Мальчику. Растревоженный, испуганный толпой жеребец заметался на месте, скакнул вбок, присел на задние ноги и свечкой встал на дыбы. Гаврилов клещом впился в холку и только усмехнулся. В толпе засвистели, кто-то крикнул: «Молодцом!»

Мальчик, высоко задрав голову, нервно заплясал. На лоснящейся свинцово-тугой шее, на широкой комковатой груди, на высоких сухих ногах жгутами вздулись вены. В расширенных антрацитных-черных глазах кипела бешеная ненависть к человеку. Раздувшиеся влажные ноздри прыгали, нежная, шелковистая кожа на храпе собралась в гармошку, обнажив снежно сверкающие крупные зубы и кованую сталь запененных удил.

Гаврилов попустил повод, и Мальчик прыжками кинулся вперед, высоко вскидывая зад, мотая низко нагнутой головой, норовя грызнуть всадника за колено. Железо опять врезалось, в губы, жеребец запрокинул голову, завертелся юлой и резко встал на дыбы. Гаврилов свалился под копыта. Толпа ахнула. Гаврилов, прихрамывая и ругаясь, подошел к Трегубову.

— Зверь! — сказал он с восхищением.

Александра Николаевна стала уговаривать Трегубова не мучить животное, она заикалась от волнения и беспрестанно комкала и наматывала косынку на руку.

Трегубов, кривоногий, ширококостный, в хромовых сапогах и черной сатиновой рубаше, медленно расправил усы, поплевал в толстые ладони, возбужденно потер ими и насмешливо посмотрел на Александру Николаевну.

— Счас спытаем, что он за зверь!

Он сел на Мальчика не так ловко, как Гаврилов. Но что-то паучье было в его посадке. Сильные ноги клещами обхватили запавшие, взмыленные бока жеребца, грудью лесник почти лежал на холке, широко расставив локти. В квадратных волосатых кулаках он намертво зажал сыромятный ремень повода и не попускал его, а резко дергал, рвал удилами губы жеребцу, хрипло шептал:

— У меня не побалуешь...

Лицо лесника словно сжалось в тугой комок, усы включились, скулы побелели.

Мальчик неловко, боком ходил по кругу, рыл копытами землю, судорожно всхрапывал, ронял с окровавленных губ розовую пену. Обезумевшие глаза его таили дикую, неукротимую силу. Он собрался весь, как стальная пружина, под мокрой блестящей кожей волнами перекатывались тяжелые

связки мышц. У Трегубова кулаки побелели в суставах. Струной натягивая повод, он заламывал голову жеребцу, и уже не розовые, а красные хлопья падали с удил.

— Этот его уходит, — спокойно сказал кто-то из толпы.

Мальчик всё тяжелее всхрапывал, всё чаще припадал на задние ноги, мыло собиралось в пахах, и они подпрыгивали, дрожали. Жеребец стал запаленно метаться взад-вперед, становиться на дыбы, вскидывать задом. Земля вокруг была изрыта.

Трегубов чуть ослабил повод, и Мальчик понес. Он точно вырвался из невидимой клетки и большими прыжками кинулся прямо на толпу. Люди едва успели разбежаться, жеребец с заломленной головой, ничего не видя перед собой, грудью ударился о плетень и тяжело свалился в канаву. Всадник кубарем откатился метров на двадцать.

К лошади быстро подбежал человек в военной форме, взял повод. Жеребец вскочил на ноги, рванулся. Человек удержал его, что-то резко крикнул и стал говорить, охлопывая взмыленную шею. Человек этот был Недогонов.

Жеребец нервно переступал ногами, дрожал всем телом, косился испуганным кровавым глазом. А человек всё говорил и поглаживал. Мальчик успокоился, позволил себя разнуждать. Недогонов ловко, пружинисто вскочил ему на спину и — точно век там сидел — шагом тронул к лесхозу...

Через день Александра Николаевна разыскала Недогонова на зяби, за хутором. Она ехала на бедарке, неумело и высоко перед собой держа вожжи, часто покрикивая на ленивого низкорослого меринка. Ни кнута, ни даже хворостинки у нее под руками не было, и поэтому меринок всегда возил ее шагом, что огорчало девушку чуть не до слез — она везде опаздывала.

Недогонов приглушил трактор, спрыгнул на стерню.

— Здравствуйте! — сказала Александра Николаевна весело и, робея, протянула руку. — Я вас второй день ищу.

Она была в вязаном толстом свитере под горло, в широкой черной юбке и высоких ботах с пряжками. Свежее, крепкое и румяное, как с мороза, лицо ее так и занялось. Недогонов с удовольствием пожал ее маленькую руку.

— Рад познакомиться! А то только и слышать: главный лесничий, главный лесничий! Я всегда позже всех хуторские новости узнаю.

Александра Николаевна улыбнулась:

— Это мне о вас все уши прожужжали: Недогонов, Недогонов! Да что, я и сама видела, как вы вчера Мальчика приручили. Вы знаток лошадей и, наверное, смелый человек?

— Нет, навряд ли...

— Знаете что, — сказала девушка, сводя брови и пристально вглядываясь в Недогонова, и эти быстрые переходы от веселости к смущению и серьезности забавляли Недогонова, — я хочу пригласить вас на работу к нам в лесхоз... Нам нужен такой человек, как вы.

Недогонов сел в борозду, на рассыпчатый гребень чернозема, испещренный белыми прожилками перерезанных лемехами корней трав, взял ком земли и стал мять его в ладонях, снизу вверх поглядывая на Александру Николаевну.

— Какая же у вас работа?

Александра Николаевна стала горячо рассказывать:

— Я привезла обширный план по закладке в пойме, в урочищах и на песках делового леса...

— Что же вы посадите?

— Вот на этом месте, — Александра Николаевна показала рукой на пойму, — будет расти тополь, ясень, клен канадский, ольха серая. А дальше по песку рассадим сосну.

— Значит, наши леса не годятся?

— А какой с них толк? Карликовый дуб, караич, черно-клен покручены. Сами знаете, черт ногу сломит. Десятки гектаров заняты бог знает чем: кислицами, боярышником, малиной, терновником, бурьяном... Все это раскорчем, освободим землю, и через десять-пятнадцать лет здесь будут боры и рощи, как в Подмоскowie.

— Так... А кто этот план составлял?

Александра Николаевна, чуть смутившись, не без гордости, впрочем, сказала:

— Это мои разработки.

Недогонов помолчал. Он как-то поскуцнул в одну минуту, с силой стал швырять комья в железные колеса трактора.

— Откуда вы родом? — спросил он вдруг жестко.

Александра Николаевна посмотрела на него недоуменно, тоже взяла ком земли и тоже стала мять его своими тонкими белыми пальцами.

— Я родилась в Землянске Воронежской области...

— Ну, вот и сажали бы там свои разработки. — Недогонов по-лошадиному фыркнул. — Там и земля благодатнее.

На свежую борозду слетелись грачи. Один, крупный, важный, с толстым блестящим клювом, широко и косолапо переступая, подошел близко и, вертя маленькой приплюснутой головой, с любопытством разглядывал глазами-бусинками людей.

— Вы отказываетесь у нас работать, или у вас другие соображения насчет леса?

— Нам и этот хорош, — буркнул Недогонов и встал. — Шило на мыло переводить...

Прямо над головами, посвистывая крыльями, пронеслась стайка чирков. Недогонов и Александра Николаевна проводили их взглядом.

Недогонов кивнул на болото, куда сели утки:

— А с этими как быть? Не обдумали в разработке? Со всей нашей дикой живностью, а?

Александра Николаевна надула губы.

— Живность ваша останется, не беспокойтесь. Еще больше разведется.

— Каким же манером?

— Не язвите. А если временно поубавится зайцев и грачей, то ради настоящего леса, я уверена, никто об этом жалеть не будет.

Недогонов внимательно и оценивающе посмотрел на Александру Николаевну. «Неужели и вправду ей отдали на откуп это дело?» — недоумевал он.

— Запомните одно, Александра Николаевна, — спокойно и холодно сказал Недогонов, — если вы начнете корчевать ягодные кустарники и кислицы, то я подожгу ваш лесхоз.

Александра Николаевна деланно рассмеялась, не понимая, в шутку или всерьез это сказано.

— С лесом дело решенное, Михаил Михайлович. Облуправление утвердило мой план. Лесхозу отпущены средства, техника. Буквально на днях начинаем раскорчевку.

Недогонов долго молчал. Обдумывал.

— Тогда, Александра Николаевна, я объявляю вам войну. Без утайки говорю: буду мешать вам.

— И я вам скажу: сделаю всё, чтобы заложить новый лес.

— Посмотрим! — весело и зло сказал Недогонов.

— Посмотрим! — ответила Александра Николаевна.

Недогонов действительно объявил войну лесхозу.

Сначала он обивал пороги сельсовета и правления местного колхоза, но единомышленников не нашел. Тогда стал теревить районные власти. И тоже безрезультатно.

А лесхоз стал потихоньку окапываться. Десятки гектаров в пойме и на песках уже засадили новыми деревьями. Начали корчевать терновники. Кое-где распахали целинные участки степи с вековым бурьяном, с кочками жесткого, как проволока, типчака. Недогонов нашел там и сохранил как улики остатки гнездовой стрепетов, сов, куропаток, степных орлов. Он возил их в область, в управления лесничества и охотничьих хозяйств. Там выслушивали, соглашались, обещали поддержку. Но время шло, лесхоз набирал силу, а Недогонов отчаивался.

Тогда он принялся писать. Сколько бессонных ночей он просидел над тетрадками! Сколько передумал за эти ночи! Поначалу в его письмах преобладали эмоции, он не скупился на угрозы, призывал к совести, рисовал мрачные картины опустошенной степи, ссылаясь на потомков: «Они нам припомнят каждого зайца, каждый куст бузины!», «Это нам даром не пройдет! Спохватимся, да поздно будет!» и т.д.

Потом он стал подробно излагать свой план сохранения пойменного леса, пустырей с зарослями бурьянов, лопухов, крапивы и ежевичника, особенно же — плодоносящих кустарников: шиповника, боярышника, маслины, терновника, дикой вишни, тутовника, дичков яблонь и груш. «Если всё это взять в руки, то через четыре-пять лет зверье и птица будут кишмя кишеть, — писал Недогонов. — И в этих краях можно будет создать заповедник». Он подробно написал, каких зверей и птиц можно развести, в каких количествах и какая от этого будет польза, во что это обойдется местному колхозу и какая будет экономическая выгода.

План свой Недогонов переписал в двух толстых тетрадках, показал его председателю колхоза. Тот полистал без особого, впрочем, интереса и, одобрительно крикнув, сказал:

— Действуй, Миша!

И Миша начал действовать. Он обошел добрый десяток областных организаций и ведомств, съездил к известному селекционеру-академику, депутату Верховного Совета. Депутат обещал обратиться в правительство, а для начала подготовил на основе плана статью в областную газету. Статья под названием «Не насиловать природу» была напечатана и наделала в Лебяжьей Косе много шума.

Лесхоз во главе с Александрой Николаевной объявил Недогонова врагом прогресса и ретроградом, поклонником дедовской старины. На него стали жаловаться, пытались даже в суд подавать. Но и у Недогонова появились единомышленники.

Депутат сделал запрос в одно из министерств, и оттуда прислали в область письмо с просьбой рассмотреть вопрос о целесообразности создания в Лебяжьей Косе охотничьего хозяйства. После неоднократных разбирательств, обсуждений, комиссий, проверок на местах Недогонова вызвали в область, дали ему печать, открыли счет в банке, выделили мотоцикл с коляской и сказали:

— Ты утвержден директором Лебяжинского охотничьего хозяйства. Посмотрим, что там сделаешь. Спрашивать будем по всей строгости.

Так началась история Лебяжинского охотничьего хозяйства.

И еще одно событие произошло в тот год: Михаил Михайлович и Александра Николаевна поженились.

Долго тянулся низкорослый лес из дубняка, черноклена, кустарников. На дороге, несмотря на сухую погоду, попадались лужи, то и дело выскакивали зайцы. Я стал считать и насчитал около тридцати. Уши там и сям торчали из травы. Зайцы смело перебегали дорогу, садились на задние лапки, с любопытством рассматривая гостей. Фазаны, крупные, красивые птицы, в оперении с металлическим отливом, почти не боялись машины.

На повороте, где открывалась большая, с высокой травой поляна, мы увидели, как степной орел когтил зайца. Он камнем упал в траву, и оттуда послышался отчаянный заячий крик. Орел несколько раз взмахнул широчайшими дугообразными крыльями и скрылся в траве. По пути в самой чащебе я увидел голубя-вахиря, сизоворонку и молодых удонов.

Машина петляла по лесным узким дорогам, наверное, с полчаса, и, наконец, выехала на ровное место — на берег реки. В этом месте река была довольно широкая, с желтеющими круговинами камыша по всему пологому берегу. На пригорке, на самом высоком месте, среди высокой приречной ольхи, приземистые и неприметные, разбросаны постройки: длинный флигель, крытый под черепицу, длинные узкие сараи, сеновал, омшаник, баз. По широкому двору там и сям стояли очесанные копны соломы, две арбы, пароконный плуг, повозка, разный сельскохозяйственный инвентарь. Чуть в стороне, метрах в ста, стоял финский домик — домик охотника.

— Тут и живет Фомин. Это его владения, — почему-то загадочно улыбаясь, сказал шофер.

К нам подошла женщина в туго повязанном по самые глаза платке, в больших резиновых сапогах. Она даже не взглянула на нас, отомкнула домик и сказала шоферу:

— Постель я приготовила. А ужин, как отделаюсь, принесу.

Шофер уехал.

Начало темнеть. Я зашел в домик, поставил портфель и огляделся. Помещение напоминало комнату приезжих в райцентре. Чисто выбеленные стены, простые кровати, стол, несколько стульев, потрескавшаяся печка, самодельный умывальник в углу. Я посидел и вышел во двор. Между домиком

и флигелем Фомина была неглубокая балка с редкими тополями, вербами и ольхой по самому дну. Оттуда я услышал какие-то странные, хлюпающие звуки и спустился посмотреть. Дно балки было широко огорожено металлической сеткой. Земля вся в норах, корни деревьев подрыты, между деревьями быстро перебежали небольшие черные зверьки. Нутрии. Их было, наверное, не меньше двух сотен — целая ферма.

— Гражданин! — услышал я за спиной голос. — Не пугайте животных, я им только корм раздала.

Передо мной стояла хозяйка с двумя пустыми ведрами на руке, в халате с засученными рукавами. От ее взгляда мне стало неловко, и я ушел.

Было тихо, закат был ясен, воздух чист и свеж. Где-то за лесом слышался шум состава и низкий трубный гудок электровоза. Прямо надо мной стайками пролетали утки, свистя крыльями, садились в камыши. Вечер опускался мягкой, полный лесных звуков. Ухнула выпь, и тотчас ей ответила другая. Жутко закричал сыч. Всполохнулись, застрекотали сороки. Заворковали голуби. Раздался резкий сухой хруст сучьев: к речке вышел огромный горбатый лось и стал пить. Уже почти совсем стемнело. Взошла Венера, и нестерпимо колюч был ее блеск в беззвездном небе.

Во дворе у Фомина заржала лошадь. Приехал хозяин. Я пошел навстречу. Из-за сеновала выскочили две огромные лохматые дворняги и, нагнув головы, молча кинулись ко мне. Я едва успел заскочить в домик и захлопнуть дверь. Вслед рванулся хриплый, захлебывающийся лай, собаки грызли и царапали когтями дверь. Жарко запахло псиной.

Я стал искать выключатель, ничего не видя в темноте. Приглядевшись, нашел на стене керосиновую лампу и спички на подоконнике. Снял стекло, зажег фитиль. Свет заколыхался, по стенам пробежали голубоватые тени. Руки у меня дрожали. Я встал и начал ходить по комнатухе взад-вперед, успокаивая себя. Под полом зашуршало, что-то темное и быстрое пробежало из угла в угол. Из-под пола заскрипел сверчок.

Из коридора, лениво потягиваясь, зашел огромный рыжий кот, начал ластиться, мурлыкать. Я взял его на руки и стал гладить. Вдруг показалось, чье-то лицо мелькнуло за окном: маленькие круглые глаза, большой нос, усы. Лицо приблизилось к стеклу и тотчас отпрянуло, послышались негромкие голоса.

Я вышел в коридор, прислушался. Было тихо. Я вернулся, прикрутил лампу и сел подальше от окна. Внимание при-

влекло ружье, висящее на стене. Я снял его, переломил — патронник был пуст. «Почему Недогонов послал меня ночевать сюда? — думал я. — Дом у него большой, уж на одного-то место бы нашлось. Что за человек этот Фомин? И эта женщина?..»

Не знаю, сколько времени я сидел так, погрузившись в раздумье. Вдверь постучали, я молчал. Стук повторился крепче и настойчивее. Я подошел к двери и предательски робким голосом спросил:

— Кто?

— Открывай, — послышался сиплый и равнодушный бас, — ужин принесли.

На пороге стоял Фомин и уже знакомая женщина, его жена. Фомин был в егерской фуражке, брезентовой куртке и сапогах. Женщина держала в руках кастрюльку, чайник и еще узелок.

Вошли в комнату. Я прибавил свет в лампе. Фомин сел за стол, снял фуражку и стал барабанить пальцами по прикладу ружья. Я не знал, куда деть глаза.

Женщина молча поставила ужин на стол, строго глянув на мужа, сказала:

— Не расслаживай, люди ждут... — и ушла, с силой хлопнув дверью.

Фомин в упор разглядывал меня. Взгляд его был прям, смел и дерзок. Лицо сухое, жесткое, всё в толстых складках, крепко продубленное ветрами, дождями, морозами и солнцем. Усы на вид словно и не усы, а щетина. Глаза глубоко вдавленные, прищуренные, с острым блеском, по-звериному осторожные и быстрые. Не знаю отчего, но я не выдерживал его взгляда, мне становилось как-то тревожно, и по спине пробегал холодок. У кота, который караулит воробьев, видел я такое выражение глаз.

Фомин улыбнулся, кулаком почесал усы.

— Поохотитца к нам али как? — спросил он, как мне показалось, насмешливо.

Я сказал.

— Та-ак... Значитца, писать про Недогонова. — Он неожиданно улыбнулся и покачал головой. — Что ж, про него есть что прописать, он с браконьерами люто вою-еть... — Фомин продолжал странно и напряженно улыбаться. — Про него тут много писали, из самой Москвы был один. Дюже грамотный. Рассказывал нам, как зайцов и фазанов в клетках разводить. Про всё писали, а вот об одном — молчать... Вот ты бы взял да и прописал.

Я вопросительно кивнул.

— Правду прописать! — лицо Фомина стало вдруг жестким. — За фотографии Недогонова хвалят и деньги платят, а кто фотографирует? Не знаешь? Рабочие фотографируют, а он денежки лопатой гребет.

— Как рабочие?

— А так! Кто эти салаши и вышки делает? Кто их с места на место тягает? Все рабочие следом за Недогоновым ходят, в рот ему заглядывают. Теперь скажи — кто фотографирует? То-то! Правду надо писать!

Я возразил, что наблюдать и фотографировать зверей входит в обязанности работников охотничьих хозяйств.

— Поедом есть, загонял всех! — не обращая внимания на мои возражения, продолжал Фомин. — Корову не держи, поросят не разводи, утей-гусей — нельзя, нутриев или кроликов — нельзя. Никаких условий! Кто ж будя в лесу дуром жить?

— Разве у вас нет живности?

Фомин замаялся.

— Держим помаленьку... За то и война с Недогоновым. Он хочет, чтоб я только за зайцами ухаживал. Есть поедом, спасу нет. У самого жена белоручка, а на мою палец показывает. А моя-то больная, потому и не работает! Что ж равнять!.. Носюся с Недогоновым! Вроде он тут зверя развел. А зверь, он сам размножается, только успевай стрелять. Лосей вон и кабанов столько, что бедствие, лес портят...

Опять в голосе Фомина почудилась мне ирония.

В коридоре звякнула щеколда, затопали сапоги, и в дверях показался маленький, щуплый мужичок в фуфайке и заячьей шапке.

— Степаныч, — обратился он к Фомину почтительно. — Гости велели, чтоб вы скорейча шли.

— Счас.

Фомин встал. Мужичок исчез. Фомин усмехнулся, глянул на меня почти презрительно. И, крепко надвинув фуражку на глаза, с достоинством вышел.

Я сидел в недоумении. «Хорошо же живется Недогонову с такими работничками! Волк, настоящий волк! — думал я. — И глаза волчьи. Зачем Михаил Михайлович меня сюда ночевать направил?»

Я поужинал и, не раздеваясь, лег на кровать. Уснуть я не мог. Думал о Недогонове, о его хозяйстве, об Александре Николаевне, о братьях-близнецах Недогоновых, наконец, о Фомине...

Было слышно, как сонно шумит лес, как лепечет у крутого глинистого берега волна, как фыркают стреноженные лоша-

ди. Не знаю, сколько времени прошло, я уже стал задрёмывать, как вдруг со двора Фоминых послышался шум работающей машины. Я тут же вскочил и вышел во двор. «Наверное, Михаил Михайлович приехал». Машина, мелькая стоп-фонарями, уже скрывалась в лесу, я так и не разглядел, грузовая, легковая ли. Окна во флигеле Фомина ярко светились, входная дверь была распахнута настежь. «Гости!» — вспомнился мне мужичок в заячьей шапке.

— Проклятый! Подавись ими! — услышал я злой женский голос. — Чтоб я вот так... тьфу!

— Цыц, — сука! — хрипло крикнул Фомин.

— Хватит! Намолчалась! Хлебнула сладкой жизни! Сыта богатством во как!

— Цыц!

— Не затыкай! Я тебе не батрачка! Два года ишачила, как проклятая, нажила капиталы. Будет!.. Господи, за что ты меня наказал! — В ночной тишине леса летуче отдавалось каждое слово. — Паук, всю кровушку выпил! В работницах живу, глаз от земли не подымаю! На таком хозяйстве впятером горбить надо, а я одна!

— Не вой! Шубу сошью, вот выделают шкурки...

— Не надо! Я вижу, куда ты гнешь... Два года живем, а зарегистрироваться не хочешь!

— Зарегистрирую... Ну! Дура!

— Вот! Дура выкармливает худобу, а ты денежки прикарманиваешь. Сколько счас за нутрий получил?

— Молчи! Студента (это обо мне) разбудишь, у него и свет горить...

— Нехай послушает... Может, пропишет про тебя, куркуля. Он и приехал за тем, ты думаешь что?

— А ты рада?

— Рада!

— Сука! — Фомин засмеялся. — Ну, будя, пошли спать...

— Ты меня не сучи! На хаханьки-то не сворачивай, хватит! Ищи другую дурочку. Схожу в сельсовет, нехай депутат разделит, что мы вместе нажили, возьму свое и уеду к матери...

— Вали хоть счас!

— Я Недогонову завтра пожалею.

— Видал я Недогонова вместе с тобой!..

— Бессовестный!..

Мало-помалу перебранка стихла. Впрочем, она и не имела той силы, как мне показалось сначала. Дверь захлопнулась, свет погас, всё замерло.

Я поежился от ночной сырости, глянул на небо: густо мерцали звезды, Млечный Путь, казалось, шевелился от их мер-

цания, и его хвост цеплялся за черные грядины леса. От дыхания шел пар, похоже было на первые заморозки. Я зашел в домик, лег и крепко уснул.

Разбудил меня Недогонов. Он довольно долго стучал кулаком по дощатой двери, пока я, наконец, протер глаза и сообразил, где я. Вместе с Недогоновым был Фомин.

Я вышел к ним. Солнце уже поднялось над лесом. Свежий, пахучий озонистый воздух так и ударил в голову. Сизый слоистый туман стлался по двору, оседал в пожухлом, прикишем к земле пырее, в голых исчернивших бурьянах, в обильно орошенных, сверкающих на солнце метелках конского шавеля и полыни. Кусты, низкорослые деревья на широкой приречной поляне и дальше вся непроглядная гущина леса — всё было еще в предрассветной дрёме, во власти светящегося на солнце тумана. Вдоль по реке по-над свинцово-темной водой клубился молочный пар, вода, казалось, потяжелела за ночь, застыла. В ольхах на подворье, на самых верхушках, сонно сидели грачи, их было так много, что деревья походили на огромные черные зонты; ленивое карканье и трепыханье крыльев, слабый треск веток едва доносились оттуда. Из лесу послышался трубный крик лося, застрекотали сороки.

Недогонов был в куртке, с маленьким фотоаппаратом на груди. Литые резиновые сапоги его до колен в росе, с прилипшими к голенищам травинками. Он пошучивал, громко смеялся и крепко потирал свои большие руки.

Фомин держался позади Недогонова. Он был мрачен, утром и на меня посматривал неприязненно.

Мы сели в «УАЗ» и поехали смотреть погибшего лося. По дороге Недогонов притормозил и, взглядевшись в колею, вдруг спросил Фомина:

— Это чьи следы?

Фомин блеснул глазами-лезвиями из-под лакированного козырька:

— Свояк вчера съезжал...

— Это тот... браконьер?

Фомин покряхтел и сквозь зубы промямлил:

— Он... Лекарства бабе моей привозил.

— А ты? Кто зарекался, что не будет привечать этого браконьера?

— Чево попрекать?.. Говорю, лекарства привозил...

— А почему меня не попросил?

Фомин не ответил. Недогонов свернул с дороги и, подрулив к кустам, остановился.

— Далекотсюда?

Фомин молча, по-кабаньи попёр вперед по молодому дубняку, ветви которого спутались и переплелись так, что нельзя было разобрать, от какого они корня. Согнувшись вдвое, мы пробирались за ним минут двадцать, пока не вышли на край неглубокого оврага, на дне которого били ключи.

По краю оврага шла небольшая ровная поляна с редкими объединенными кустиками шиповника. У самого леса из травы возвышалось что-то огромное, бурое, похожее на глыбу камня-песчаника.

Подошли ближе. Лось, красавец-великан, лежал на боку с неловко заломленной головой и в струну вытянутыми ногами. От шеи и до крутого горбатого загривка тянулся глубокий шрам, кровь запеклась черными комками. На огромных, точно корни старого дерева, рогах виднелись свежие царапины, широкий закругленный храп в глубоких ссадинах. В десяти шагах от лося земля была истоптана, а местами изрыта, кое-где виднелись следы крови. Здесь была смертельная схватка двух самых сильных в лесу самцов. Недогонов, став на колени, долго разглядывал зверя.

— Шейный позвонок сломан, — сказал он, поднимаясь. — А что, крика не слышать было?

— Слышать-то я слышал, — ответил Фомин. — Они кажин вечер ревуть. Отседа шумели... Вечером я не глянул, а утром нашел готового.

Было что-то величественное в смерти богатыря. Он жил в лесу свободно, как царь: сильные ноги, крепкие, как сталь, копыта и острые, как копыя, рога защищали его от врагов. Он встретил лосиху и преданно охранял каждый ее шаг. Глаза наливались кровью и ноздри трепетали от гнева, когда он видел вблизи соперников. Они неохотно уходили, когда лось поднимал сверху огромную бородастую голову и из самых недр своего сорокапудового тела испускал протяжный рев. Но нашелся смельчак и не отступил, не испугался, а дерзко ответил боевым кличем. Самцы сшиблись на поляне, а безрогая молодая самка стояла в кустах и чутко вслушивалась в резкий костяной стук рогов, прерывистые хрипы, тяжкий топот. Расширенные ноздри ее дрожали, в глазах стояли страх и ожидание. Много раз разъяренные звери расходились и сшибались рогами, сцеплялись, а потом, напрягая могучие шеи, гнули друг друга к земле, ломали, били копытами. Наконец один рухнул смертельно раненный. Победитель увел лосиху. Таков суровый закон леса.

Почти полдня мы ездили по лесу. Ни разу Фомин ничем не напомнил о вчерашнем. Меня он будто не замечал. С Недо-

гоновым они говорили просто и даже дружески. Говорили о зимовке, о кормах, об отлове зайцев, о чесоточных лисицах, которых нужно немедленно истреблять, о браконьерах. Все они замечали: каждый шорох, каждый куст, каждый овражек. По своим приметам угадывали, какая будет зима, прикидывали, сколько нужно будет дополнительно выставить кормушек, сделать навесов. Кажется, ничего более не существовало для этих людей, кроме леса и зверей. Я не узнавал Фомина. Сейчас передо мной был рачительнейший хозяин, ревниво и пристрастно оберегавший свое хозяйство. Он смело спорил с Недогоновым, и тот нередко уступал, считая мнение егеря более обоснованным.

На одном из поворотов, где начинался лесной ерик, Фомин попросил остановить машину, легко спрыгнул с подножки.

— Я бы подвез!— сказал Недогонов. Фомин махнул рукой:

— Я напрямик, на фазаний точок глянуть надо.

И пошел, косолапо раскачиваясь, втянув голову в плечи и глубоко засунув руки в карманы защитного прорезиненного плаща. Он не попрощался и даже не оглянулся.

Мы ехали некоторое время молча. Мне не терпелось услышать, что скажет Недогонов о Фомине. Но он молчал.

— Михаил Михайлович, а вы знаете, что ночью-то было?

И я рассказал о ночных гостях, о ссоре Фомина с женой, о нутриевой ферме.

— Это мне не внове, — неохотно отозвался Недогонов.

— Волк! И повадки волчьи, — не унимался я.

— По чему это видно?

— Да по всему! Во-первых, вас оклеветал, во-вторых, жену превратил в работницу, в-третьих...

Недогонов строго и вопросительно посмотрел на меня.

— ...В-третьих, он просто кулак, куркуль... Нельзя же потакать стяжателью?

Недогонов многозначительно крикнул. И спина, и красный затылок, и большие руки, впившиеся в баранку, — всё говорило о том, что ему неприятен этот разговор.

До усадьбы ехали молча.

На другой день рано утром я засобирился домой. Перепадал редкий нехолодный дождик, верховой ветер гнал, разрывал на части низкие пепельные тучи.

Недогонов, в белой рубашке навыпуск, в резиновых калошах на босу ногу, свежий, крепкий, весь светящийся силой и здоровьем, задрал голову, смахнул ладонями с лица капли дождя.

— Ранний дождь, что ранний гость: попил чайку — и дальше пошел, — сказал он, лениво потягиваясь. — Через час солнышко выйдет.

Я выкатил мотоцикл. Когда всё было готово, Недогонов крепко хлопнул меня по плечу и глянул в глаза своими веселыми, цепкими и чуть насмешливыми глазами.

— Насчет Фомина у меня свои правила... — сказал он чуть смущенно, точно извиняясь за вчерашнее. — Хищников приручаем, а тут человек. Нутрии и хозяйство... падок он на это. Там, по правде говоря, жена больше старается. Крепкий орешек, закомлелый... Но поддается. Поддается! А со зверьем — чисто дитя... — Недогонов неожиданно ласково улыбнулся. — На меня жалуется — это понятно: ревнует. Напечатать в газете фотографию косули или стрепета — это для него как от сердца оторвать. Не любит..

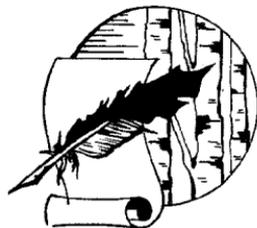
Недогонов говорил с теплотой, искренне, и я подивился привязанности его к грубому, как мне показалось, человеку. Вот, оказывается, для чего он отправил меня ночевать в домик охотника! И тогдашнее сомнение его теперь стало понятным. Хотел без подготовки «угостить» егерем, а заодно и прощупать, что я увижу в нём и как увижу. Видимо, я разочаровал его, как, впрочем, и многие, кто торопился высказать впечатление от первого знакомства с бирюковатым егерем из Лебяжьей Косы.

А может быть, Недогонов обманывается и Фомин вовсе не тот, за кого он его принимает? Кто знает. Работают они вместе до сих пор.

На прощание Недогонов всё же искренне пожал мне руку и сказал, как мне показалось, с тайным смыслом:

— По весне приезжайте, когда соловьи запоют. По весне и душа на соловьиный лад настраивается...

Станица Старочеркасская Ростовской обл.

Виолетта БАША

СВИРЕЛЬ ВРЕМЁН

РУССКИЙ ВЕТЕР

Ведьмою крапива пляшет у столба.
Мы куда живы — балует судьба.
Мы ветрами пьяны. И почти бессмертны.
И среди бурьяна мы целуем ветры.

В зарево забиться опаленной птицей.
Нам ли слишком рано выпало родиться?
Нам ли слишком больно уходить до срока?
Звоны колоколен в горнице у Бога.

Ветер, ветер, ветер, Рим уже не Третий.
Что несет по свету оголтелый ветер?
Что несет по небу, по морям, по суше?
Ветер правит миром, ветер режет души.

Дал бы Бог полвека нам еще у края.
Что там за дорога в бездну убегает?
А за бездной — небо, гулкое, воронье,
Смотрит, не мигая, взглядом посторонним...

МАЛЬЧИКИ ИДУТ НА ВОЙНУ

*Бойцам интербригад, приехавшим
защищать Русский Донбасс*

Было так и будет в веках, за совсем чужую страну —
Мальчиков не сдержишь никак — мальчики идут на войну.
Им не слышен плач матерей. И немислим тихий уют.
Силуэт. И тень у дверей. Трубы им тревогу поют.

Потому что боли чужой нет и нет чужой стороны.
Потому что этой войной полпланеты заражены.
Потому что «Град» города сносит и бессильны вожди.
Потому и едут туда, где красны от крови дожди.

Только знай, когда ты пойдешь за чужой Донбасс воевать,
Будут возле Бога стоять женщина чужая и мать.
И молиться день или год будут о чужой стороне.
Если ж тебя пуля найдет — обе мы умрем на войне.

ДОНБАСС. МЕРТВЫЕ ГОРОДА

Судорога — порванные сухожилия.
Нервы — сгоревшие провода.
Здесь люди жили, жили, жили!
Смотри — это мертвые города!

Трупы улиц завалены мусором
Домов. По городу бродит беда.
В провалах окон темно и пусто.
Донбасс. Расстрелянные города.

Разрывы снарядов всё дальше и глуше.
Зарницы меж школ и детских садов.
Под звуки снарядов рождаются души —
Бессмертные души больших городов.

Окраина. Домик в садах соловьиных.
Убитую дочь обнимает отец.
В дверном косяке — осколок мины.
Запомни, история, — это Донецк.

Я — Краматорск, я — Славянск распятый.
Я — Угледорск, и Дебальцево — я!
Я — первый убитый, я — твой десятый,
Кровью оплаченная земля!

МЫ ИДЕМ ПОД ФЛАГАМИ РОССИИ!

Меж домов в руинах и завалах,
Вдоль дорог, где мины покосили,
Как жнивье, людей, идем. Нас мало.
За Донбасс идем и за Россию.

Кто-то скажет — сосчитать по пальцам.
Не считай, братишка, нас по спискам.
Мы Бандеру снова бьем в Дебальцево.
Мало нас, но с нами флаг Российский!

Мы свой край фашистам не сдавали
В ту войну, как не сдадим и ныне.
Наши братья полегли в Цхинвале.
И в Одесской сожжены Хатыни.

На войну мы закрывали шахты,
Ружья с тайных схронов приносили.
Павшие сошли с небесной вахты,
Чтобы вместе защищать Россию.

Мы идем и нас уже немало.
Знает Русь, что в правде наша сила.
Хоть Россия права не давала —
Мы идем под флагами России!

НА ГРАНИЦЕ БЕССОННОГО ЛЕТА

Как случилось, ну как это вышло?
Ошалев, день и ночь напролет,
Не подумав, что может быть лишним,
Соловей мне поет и поет.

Я тебя не просила об этом,
Замолчи хоть на четверть часа.
Но просыпалась бус бирюза
Покрывалом бессонного лета.

Волчий взгляд, полоснувший из тьмы,
Напророчил планете забвенью.
Если есть на земле поколенья
Светлячков — может быть, это — мы?

Мое солнце, осталось немного,
Тут хоть верь, хоть надейся, хоть плачь —
То черемухой пахнет дорога,
То к войне созывает трубач.

В этот полдень земли, на краю,
На границе бессонного лета,
Я твой свет как спасенье ловлю,
И сгораю от этого света.

КРИЧИТЕ ГРОМЧЕ

*Один из карательных батальонов киевской хунты
был назван «Киевская Русь»*

Кричите громче, нас не слышат.
Оглух весь мир. И онемел.
Кровавый дождь стучит по крышам,
Выстукивая артобстрел.

И не спасут ни стены дома.
Ни плач икон, ни метроном.
Когда ни лома, ни приема,
Когда безумен этот лом.

И русский брат идет на брата,
Как хочешь беса назови.
Кровавый дождь сильней набата,
Сильней присяги на крови.

Всю Малороссии бездонность,
Судить по Данте не берусь —
Вот батальон идет по Дону
Фашистский — «Киевская Русь»...

ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ

*«Время колокольчиков» —
сборник стихов А. Башлачева*

Это время колокольчиков, это юное начало,
Молодое, молодое, молодое!
Это время перезвонов у перрона, у причала,
Отправленья поездов в непрожитое.

Это время колокольчиков холодов не предвещало,
Время краткого бессмертия святое.

Все мы вечны, все мы юны — у перрона, у причала,
Восхитительно беспечные собою.

Это время колокольчиков, это время незабудок.
Не забыть его, не вспомнить, не напиток
Чистым соком, юным током, в перезвонах, в пересудах
По нему тоскуя, в те года влюбиться.

Это время одуванчиков, не заметно как наставшее.
Это время уходящих, уходящих,
И в тоске по колокольчикам, облетающе-уоставшие,
Измеряем дней остаток настоящим.

Но... не знаю, верить в это или нет? —
Колокольчики звенят, звенят вослед!
И прольется по-над миром прожитое —
Колокольню-опьяненно-молодое!

СВИРЕЛЬ ВРЕМЁН

Течет река, течет, годам теряя счет.
Река судьбы течет, за горизонт уходит.
И с каждым днем нежней поет нам Звездочет,
Но с каждым днем грустней мелодию выводит.

Звучит свирель времен. Как эту боль принять?
Пронзителен мотив — судьба себе перечит:
Нам в вечности с тобой — гореть и не сгорать.
Но Звездочет поет, и умирают свечи.

За вечно молодых мы будем пить вино,
Смеяться и шутить на празднике Господнем —
Мы прощены, и нам бессмертие дано!
...Но Звездочет поет, и с неба грусть нисходит.

Сгорает наша жизнь — шальная круговерть.
Любимых за столом нам не собрать сегодня.
Всё ближе небеса, всё жарче дышит смерть.
Что за огни горят на алтарях Господних?

Наш карнавал уйдет, оставив серпантин
В безлюдных и пустых замерзших переулках.
Нет ни души. Лишь ночь. И Звездочёт один
То плачет, то поет. И вторит небо гулко.

Нам ангел протрубил. Ты слышишь? ...Плач затих.
На город пала тьма, и небо стало низким.
...Останутся в веках — сиянье наших книг,
И факелы стихов, и память наших близких.

ДВАДЦАТЬ СТРОК О ЛЮБВИ

Я над городом встану скульптурой под крики «вира!»,
На коне Церетелли промчусь над Москвой горящей.
Обрывая в лоскутья кожу пред Римом и миром,
Мне не стыдно прослыть попрошайкой, любви просящей.

Я сложу, перед кем — непонятно, свои доспехи,
Улыбнусь удивленно смотрящему с неба Богу.
Когда гавань мою атакуют твои морпехи,
Я нагою и нищей покину твои чертоги.

Открываю Фейсбук — современные «Окна Роста»,
Сотни блогеров флудом в семь нот бренчат на гитаре.
Я не верю в слова, что даются легко и просто.
Я скорее поверю в дожди поутру в Сахаре.

Не имеют значенья ни возраст, ни боль, ни внешность,
Только сгусток материи черной, как воды Нила.
Ну, кончайте же врать в Сети про любовь и нежность,
Эту цену платила я так, что ЕС не снилось.

Хочешь, выйду в окно, полечу как птица?
Хочешь, стану другой, на сто лет моложе?
Я могу даже заново прямо сейчас родиться.
На твою нелюбовь я отвечу любовью, Боже.

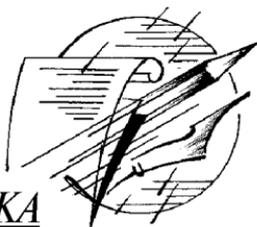
г. Москва

УЗАКОНЕННОЕ ИЗЪЯТИЕ ДЕТЕЙ

В действиях лоббистов ювенальной юстиции, на первый взгляд, отсутствует нормальная человеческая логика. А на второй — становится понятно, что обычную логику там искать не нужно — просто есть четко разработанный план, которого они будут придерживаться при любых условиях. Полторы недели назад детский омбудсмен Анна Кузнецова, выполняя поручения Владимира Путина, доложила: нарушение при отобрании детей из семей не зафиксировано.

Ну может быть, пара-тройка «перегибов» на всю страну. Сущий пустяк. Минтруд, в котором также должны ответить президенту, разумеется, того же мнения. И на фоне этой идиллии вице-премьер Ольга Голодец поручает Минобрнауки написать инструкцию по изъятию детей для органов опеки. А заявляет об этом прессе работница прозападной НКО с большим стажем. Чудеса, да и только.

Выходит, раз правительство делает какие-то телодвижения, проблемы с вмешательством в семьи в России все же имеются. Похвально конечно, что столько министерств и чиновников нашего правительства внезапно озаботи-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лись данным вопросом, но думается, что он был уже давно решен за кулисами. Руководитель фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» Елена Альшанская (та самая представительница НКО, озвучившая поручение Голодец) «по счастливой случайности» недавно обнародовала алгоритм отображения детей собственного авторства. Есть все основания полагать, что большая часть этого текста и ляжет в основу документа, который Минобрнауки утвердит для опеки.

Алгоритм Альшанской находится в открытом доступе в Сети, поэтому подробно останавливаться на нем не будем. Скажем только, что он представляет собой набор отработанных на Западе ювенальных технологий. Его общее содержание можно свести к тому, что родителей «будут убивать, но не слишком больно». В документе нет речи о том, что нельзя вмешиваться в семью или недопустимо отбирать детей до решения суда. Там много общих смягчающих фраз, намекающих, что главной задачей при отобрании ставится уменьшение вреда психике ребенка. Хотя понятно, что «гуманное и ласковое» изъятие из семьи не меняет общей трагической ситуации, когда несовершеннолетнего разлучают с мамой и папой. Ну а тем семьям, в которых до отобрания дело не дойдет, Альшанская предлагает поголовно навязать услуги психологов-воспитателей, социальных служб — проще говоря, курсы перевоспитания родителей и соцпатронат, на которых НКО хорошо заработают.

На этом фоне искусственно занижается уровень проблемы, игнорируются факты. Из заявлений официальных лиц следует, что и ранее почти всегда детей отбирали на законных основаниях. Так что сейчас, дескать, остается утвердить саму процедуру изъятия, прописать ее в Семейном кодексе — и все-все, особенно органы опеки, будут довольны. На самом деле за последние годы зафиксировано огромное количество случаев необоснованного вмешательства опеки и инспекторов ПДН в семьи, противозаконных подтасовок в процессе изъятия детей. На горячие линии независимых общественных организаций регулярно поступают звонки от отчаявшихся родителей...

Главной темой III съезда «Родительского всероссийского сопротивления» 15 апреля стал альтернативный доклад лидера организации Марии Мамиконян Владимиру Путину, из которого понятно — в России созданы и работают страшные механизмы ювенальной юстиции, аналогичные западным. Неслучайно после дежурного заявления Кузнецовой, что «в Багдаде все спокойно», Мамиконян в знак протеста вышла из Общественного совета при детском омбудсмене. Неслучайно представители 75 родительских организаций обрати-

лись с открытым письмом к президенту, где прямо заявили — информация от Кузнецовой необъективна.

Все свои наблюдения и доклады общественники передали сенатору Елене Мизулиной, которая сведет их воедино, проанализирует картину в целом и передаст окончательную версию альтернативного доклада президенту, а также в ближайшее время представит его в СМИ. Председатель Ассоциации родительских комитетов и сообществ (АРКС) Ольга Леткова в интервью «Колоколу России» отметила, что многие чиновники в стране сознательно игнорируют проблему ювеналки.

«У АРКС есть конкретные дела, когда после нашего вмешательства детей возвращали в семьи. Также мы ведем свой мониторинг, результаты которого представили в аппарат Уполномоченного по правам ребенка. Но вместо того, чтобы принять наше предложение, признать наличие обозначенной нами проблемы и решать ее, ведется совершенно другая политика.

Наверно, вы заметили, что и представители правительства, и детский омбудсмен, и другие высокопоставленные особы дружно говорят о том, что такой проблемы, как ювенальная юстиция, у нас в стране якобы не существует. Детей якобы просто так не отбирают. А откуда какой вывод? Значит, не надо ничего менять...», — рассказала Леткова.

Но сами ювенальщики не собираются оставлять все как есть — в их планах затянуть семьям гайки как можно туже. После официального утверждения алгоритма отобрания ребенка у органов опеки появятся почти неограниченные полномочия по легальному вторжению в каждый дом и «цивилизованному» изъятию детей у родителей. И заметим, что этот механизм долгое время проталкивается одной и той же группой весьма примечательных лиц.

Анализ деятельности возглавляемого Еленой Альшанской фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» представляет даму как яркую сторонницу иностранного усыновления, развития института патронатных семей, профилактики социального сиротства по западным стандартам, ювенальных судов в России (в ее «алгоритме отобрания» предлагается учредить ювенальные экспресс-суды, которые будут принимать решение о законности отрыва ребенка от семьи в течение 48 часов).

Фонд занимается подготовкой волонтеров-наставников по американской программе, которую внедряют в России «Врачи детям» и МОО «Старшие братья, старшие сестры» (BBBS). Среди партнеров Альшанской — БФ РОО «Право ребенка», «Врачи детям», среди грантодателей — Action for Russia's Children.

Еще одним ярким лоббистом ювеналки в России является Александр Спивак — руководитель Национального фонда защиты детей от жестокого обращения. Он тесно сотрудничает с Альшанской, а также связан с USAID — Американским агентством по международному развитию, которое получает средства из бюджета США «на защиту национальных интересов Америки в других странах». За период с 1992 по 2012 г. оно вложило около 3 млрд. долларов в программы по реализации своих проектов в России, организовав у нас в стране тысячи НКО.

По сути, мы говорим об открытых иностранных агентах, которые на протяжении долгих лет пытаются пропитать Россию ювенальщиной. Причем их обличает не только родительская общественность, но и Русская православная Церковь. Так, на недавних парламентских слушаниях по изменению Семейного кодекса в Совете Федерации протоиерей Дмитрий Смирнов четко обозначил позицию Московской Патриархии. Он обличил «алгоритм Альшанской» и его лоббистов, подчеркнув, что речь идет о чисто ювенальной технологии. Но несмотря на то, что всем все понятно и известно, «Васька слушает, да ест».

Кто-то может спросить — а при чем здесь вообще Минобрнауки, почему Голодец отправила поручение по их адресу? Это что, профильное ведомство, занимающееся опекой, соцподдержкой, мониторингом условий в семьях для малышей, несовершеннолетних? Выходит, что теперь уже так. С этим министерством связана еще одна занимательная история, близкая к нашей теме. В апреле прошлого года экс-министр образования Дмитрий Ливанов ездил в Софию на имплементацию «Стратегии Совета Европы по обеспечению прав ребенка на период 2016—2021 гг.», продвигающую ЛГБТ-повестку и разрушение традиционной семьи...

Несмотря на заявления МИД РФ о том, что «данный документ противоречит Концепции государственной семейной политики России до 2025 г. и не может быть принят нашей стороной в целостном виде», мы фактически его одобрили. И сейчас родительская общественность находится в тревожном ожидании появления новой Национальной стратегии действий в интересах детей (прежняя стратегия, также сохранившая ювенальные формулировки и успевшая нанести большой вред традиционной российской семье, истекает в этом году. — **Прим. авт.**), которая наверняка возьмет за основу тезисы наших «западных партнеров».

«Новая европейская Стратегия будет включать в себя половую свободу для детей, секспросвет, «ответственное родительство», пропаганду ЛГБТ среди несовершеннолетних, пол-

ную свободу пользования интернетом и многое другое, что для нашего общества является шокирующим и по поводу чего МИД заявил свое несогласие Совету Европы. Родительская общественность какое-то время была спокойна, но сейчас поступают заявления от высоких должностных лиц, что новый документ разрабатывается и вскоре будет принят. Причем сразу на 10 лет вперед — в рамках «Десятилетия детства», которое могут объявить в России с 1 января 2018 г. Но у нас остается надежда, что мы донесем реальное положение дел до президента», — сообщила Ольга Леткова.

В основу постулатов новой десятилетки, естественно, должен лечь некий программный, стратегический документ. И общественники не беспочвенно опасаются (а информированные источники подтверждают), что он может быть оперативно подписан президентом под лозунгами «За все хорошее! За наших детей!». В нем будут определены приоритеты госполитики по отношению к детям на уровне примитивной адаптации «евроценностей» на российской почве. Не стоит забывать, пять лет назад лоббисты протолкнули Национальную стратегию действий в интересах детей на 2012—2017 гг. 1 июня — в Международный день защиты детей — прекрасно зная о ее неприятии консервативно настроенным большинством.

Есть огромная опасность, что следующие десять лет страна будет жить целиком в прозападной, ювенальной парадигме, а деятельность органов власти будет направлена на выполнение указаний Совета Европы и других международных структур. Мы подходим к важнейшей дилемме, и тема ЮЮ здесь является лакмусовой бумажкой. Продолжая гнуть либерально-ювенальную линию даже в вопросах защиты традиционных семейных ценностей, власть тем самым демонстрирует народу, что она не только не слышит его, но даже вступает с ним в открытое противостояние. Пора наконец потребовать от того же правительства, от депутатов ответа — где наши суверенные Стратегии и Концепции развития, разработанные на основе исследования мнения и чаяний русского (российского) народа? Идем ли мы по собственному пути развития, игнорируя расчеловечивающийся и вырождающийся Запад, хотим ли стать сильной, независимой державой... Либо мы — просто придаток Запада, тупо копирующий все его директивы, наплевав на собственную государственность и национальную безопасность. То, что Европа смотрит на нас как на страну Третьего мира — понятно даже ребенку. А как правительство России смотрит на собственный народ?

ЭТОТ СОБЛАЗНИТЕЛЬНЫЙ «ФЕВРАЛЬСКИЙ» ДУХ...

В работе «Размышления над Февральской революцией» Александр Солженицын, обращаясь к событиям 1917 года, отмечает в своем характерном стиле: «Не то чтобы до сих пор я был ревностный приверженец Февральской революции или поклонник идей её, — но всё же сорок лет я тащил на себе всеобщее принятое представление, что в Феврале Россия достигла свободы, желанной поколениями, и вся справедливо ликовала, и нежно колыхала эту свободу, однако, увы, увы — всего восемь месяцев, из-за одних лишь злодеев-большевиков, которые всю свободу потопили в крови и повернули страну к гибели. А теперь я с ошеломлением и уже омерзением открывал, какой низостью, подлостью, лицемерием, рабским всеединством, подавлением инородумающих были отмечены, иссоставлены первые же, самые «великие» дни этой будто бы светоносной революции, и какими мутными газетными помоями это всё умывалось ежедневно. Неотвратимая потерянная Россия — зазяла уже в первые дни марта. Временное правительство оказалось ещё ничтожнее, чем его изображали большевики».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В чём же коренной изъян «февралистов», прежде всего, членов нескольких составов Временного правительства и поддерживающих их сил? Обратимся к мнению непосредственного участника событий, стоящего, что важно, в эпицентре принятия властных решений. Это записки В. Д. Набокова, профессора-правоведа, члена ЦК партии кадетов, управляющего делами Временного правительства и отца известного потом писателя. Автор делал их по горячим следам в конце весны 1918 года в Крыму. Набоков дает такую важную оценку:

«В революции как бы концентрировался взрыв протеста против бездарного, неумелого, изменнического (Штюмер!) поведения этого царского правительства. Революция должна была все это изменить, она должна была создать более полную, более искреннюю и потому более плодотворную связь между нами и великими европейскими демократиями, нашими союзниками. С этой точки зрения революция могла рассматриваться как положительный фактор в деле ведения войны. Предполагалось, что командный состав будет обновлен, что найдутся даровитые и энергичные генералы, что дисциплина быстро восстановится. Должен с грустью сказать, что наши партийные взгляды все время стремились поддерживать этот официальный оптимизм».

Здесь надо отметить, что Набоков, несмотря на уже открывшиеся к тому времени факты, продолжает писать о якобы имевшейся изменнической деятельности руководителя правительства в 1916 году Штюмера. То есть, он, по сути, повторяет основной посыл знаменитой речи руководителя кадетов Милюкова в Думе 14 ноября 1916 года, где были брошены обвинения в измене не только премьер-министру, но также Распутину и Императрице Александре Федоровне. Уже в 1917 году комиссия Временного правительства не нашла подтверждений этому. И все же...

Второй момент оценки касается самого правительства «февралистов». Он еще более принципиален. Их неукоснительное следование в «русле европейских демократий», что должно было привести, якобы, к военным успехам и вообще вывести Россию к неуклонному прогрессу во всех сферах нового демократического государства.

Однако сам Набоков выносит жестокий приговор как Временному правительству, так и всем прекраснодушным мечтаниям его лидеров. В управленческом плане, убедительно утверждает он, новое демократическое руководство во многом оказалось беспомощным и непрофессиональным. Его распоряжения часто противоречили друг другу, а каждое но-

вое решение лишь усугубляло кризис. Словом, Временное правительство проигрывало в сравнении с так ненавистой ему царской бюрократией.

Здесь напрямую напрашивается аналогия с правительством младореформаторов начала 90-х годов прошлого века. Эти птенцы из чикагской школы управления были озабочены не благом родины, а стремлением угодить западным кураторам. И как их предшественники с февраля по октябрь 1917 года, вели Россию к полной деградации во всех сферах социально-экономической деятельности. Только тогда, век назад, все усугублялось военным временем, наличием десятиmillionной воюющей и на глазах разваливающейся армии, по причине отмены в ней единоначалия. Это следовало из приказа №1 Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Временное правительство тогда этот разрушительный акт утвердило.

Развал с февраля по октябрь носил всеобщий и глобальный характер — империя распадалась, начиная с окраин — и здесь вспомним 1991 год. Прежняя полиция была упразднена, а новых правоохранительных органов создать так и не удалось. К тому же, благодаря всеобщей амнистии, на свободе оказались уголовные преступники всех мастей, что привело к криминальному террору. А в 1992 году начальником московской милиции стал теперь уже забытый демократ Аркадий Мурашов, разваливший всю ее работу и даже предложивший финансировать правоохранителей из кошелька преступных группировок. Но даже он отстал в своих фантазиях от первого мэра столицы Гавриила Попова, намеревавшегося установить официальный прејскурант взяток чиновникам, чтобы стимулировать их деятельность.

Век назад начался стихийный, часто с кровавыми жертвами, передел земли. Как и в 90-е, начался процесс галопирующей инфляции.

Возвращаясь к воспоминаниям Набокова, надо сказать, что автор издал их в 1921 году в Берлине. А годом спустя он погиб в этом городе во время выступления лидера кадетов Милюкова. Один из слушателей, подойдя к трибуне, крикнул:

— Вот, тебе, мерзавец, за оскорбление государыни-императрицы!

Он тут же выхватил револьвер и направил его на Милюкова. Но Набоков заслониł своего партийного шефа, и смертельная пуля досталась ему. Что и говорить, самосуд недопустим, но и клевета не остается без последствий.

Однако Февральская революция с крушением всех прежних основ государственности для кого-то оказалась весь-

ма выгодной. Традиционно принято говорить о буржуазии. Но какой? Это были вовсе не представители традиционных слоев купечества и фабрикантов. На глазах формировался новый хищнический слой беспринципных дельцов и спекулянтов. Они были такими же, как представители известных полукриминальных новых русских 90-х годов XX века. Впрочем, они и сегодня не окончательно ушли со сцены. А образ дельца 1917 года великолепно вывел в своем рассказе «Забавное приключение» талантливейший Иван Шмелев. Он знакомит читателя с неким Карасевым:

«С войной ему повезло. Захиревший заводик теперь был завален заказами на подковы, гвозди, грызла и стремяна. Со свояком, москательщиком, скупил он на последние десять тысяч, заложив женин дом, подвернувшуюся партию индиго, а через год продал за полтораста. С Бритым, который раньше торговал книгами, вовремя ухватил сапожные гвозди, а там подошли подошва и олово, кнопка и нафталин и, наконец, чудесный дом-особняк, недавно отстроенный немцем Граббе, бросившим все дела на биржевого зайца.

...Карасев вспомнил, что надо послать денег жене в Алупку и написать, чтобы не торопилась и жарилась с ребятами на солнце. «Да и ей надо завезти, — подумал он про Зойку, которую отыскал в Екатеринославе, в летнем саду, и вывез в Москву, обещая устроить в оперетке, — ждет, шельма...» Увидел в зеркале свое круглое, красное, как титовское яблоко, лицо с раздувшимися щеками и пошел в ванную принять душ. Так присоветовал ему англичанин Куст, славный парень, с которым сделали они дельце на соде: в тридцать два года нельзя позволять «такой пуз».

...Он принялся за кофе — прежде он пил чай с калачами — и намазывал маслом поджаренные хлебцы. Этому научил его Бритый, с которым покупал гвозди. И пока пил кофе, по телефону свалилось семнадцать тысяч. Приказав выписать в синий пакет три тысячи, он выругал стервецом кого-то и пообещал, задрожав щеками, что вся станция полетит к черту:

— Я вчера с таким персончиком ужинал, что у них все ноги поотымаются, у чертей!

Пробил час. Шофер подал тройной хрипящий гудок, похожий на свиной кашель.

...Машина была — шестидесятисильный «фиат», гоночная, приземистая и длинная, похожая на торпеду, с приятным овалцем, как у ковша, — где садятся — и мягкой окраски лакированного ореха. Это была вторая машина, сменившая мало-мало сильную каретку. Теперь и эта «калоша» не нравилась и дожидала последние дни — вот только придет из Англии».

Не будем пересказывать сюжет рассказа. Важно, что перед нами тип, словно законсервированный на 70 с лишним лет и пробудившийся для бурной деятельности в «лихие девяностые».

Впрочем, если внимательно присмотреться, мы увидим и в самой ситуации, и повадках младореформаторов конца века многое, что роднит их с предшественниками из 1917 года. Кстати сказать, они сами признавались в этом открыто и с гордостью, отмечая с размахом в 1992 году 75-летие Февральской революции, называя себя продолжателями дела Временного правительства и демократов той поры. Да и сегодня это гайдари-чубайсовское племя еще оказывает серьезное влияние на социально-экономическую политику современного российского правительства.

Здесь мы как раз подходим к вопросу о предпосылках и угрозах новых потрясений или даже революции в наше время. Прежде всего надо понять, что идейные «дети февраля», пришедшие к управлению страной четверть века назад, как уже отмечалось, по-прежнему составляют основу финансово-экономического блока правительства, а, значит, проводимый ими курс, как и 100 лет назад у «февралистов», не ведет страну по пути роста и развития. Несмотря на заявленную президентом Путиным необходимость опоры на патриотизм, духовные скрепы народа, экономическая политика, как и в начале 90-х годов прошлого века, носит всё еще зависимый от «великих европейских демократий» характер. Не об этом ли зависимом положении, напомним, писал о сути Временного правительства В.Д. Набоков.

Вот свежий пример. В начале этого года прошел очередной Гайдаровский экономический форум, эта разрекламированная площадка либералов-западников. В который раз там звучали слова о необходимости структурных реформ, притока инвестиций в отечественную экономику. Говорили об этом как бывшие, так и нынешние правительственные чиновники высокого ранга. И под такие высокопарные речи из России были переведены в США на покупку ценных бумаг и облигаций 12 млрд. долларов. А наша промышленность и сельское хозяйство как сидели, так и сидят на голодном пайке. Так как, якобы, *у страны нет денег*.

На том же форуме первый вице-премьер правительства России Игорь Шувалов, заботясь прежде всего о европейском благополучии, предложил продумать меры по снятию наших контрсанкций уже к концу года в надежде на мифические инвестиции из Евросоюза. А интересами наших товаропроизводителей, прежде всего сельских, можно, выхо-

дит, пренебречь. Эти же мотивы зависимости нашей экономики от Запада звучали и на летнем Петербургском экономическом форуме, где особо «преуспел» советник президента Алексей Кудрин.

Чем не стратегия и тактика либералов у власти образца 1917 года, выполнявших все указания союзников и начавших на фронте неподготовленные операции, что закончилось кровавым провалом. Тогда это вылилось в обрушение русской армии и в вооруженные столкновения в столице.

Ныне из штаба либералов — Высшей школы экономики — стали звучать речи в связи с ухудшающимся из-за кризиса и санкций положения основной массы населения о том, что проблему бедности и неравенства надо разделить. Не всё, мол, зависит от проводимого правительством курса: народ во многом сам виноват, так как не проявляет экономической активности. Здесь слышится уже набившая оскомину за последние десятилетия байка о том, что людям надо дать не рыбу, а удочку. А какая удочка поможет, если водоем пересох или вода в нем отравлена. И не все могут ловить рыбу — кому-то надо учить, лечить и защищать Родину.

Именно неравенство, дичайшая пропасть не только между узким слоем жирующих и живущих за чертой бедности, которых уже около 20 миллионов человек, но даже и так называемым средним классом, вызывает всё большее недовольство людей. Оно пока направлено в сторону правительства и идеологов его курса, но немало вопросов и к президенту. Когда же он сменит либералов-западников в руководстве экономикой? Затягивать и без того затянувшуюся паузу становится просто опасно, чему исторический пример — поведение Николая II в предреволюционную пору. Недаром в своих предсмертных дневниках причисленный к лику святых Иоанн Кронштадтский взывал: «Проснись, спящий царь!»

Как-то мне пришлось побывать в одном из ведущих гуманитарных университетов Москвы, где в бухгалтерии увидел новогодний плакат с напечатанным под ним на принтере стихом:

*Добрый Дедушка Мороз,
Борода из ваты,
Сделай всем в Кремле и в Думе
Как у нас зарплаты.*

Народ пока еще шутит, но терпение-то не безгранично. Особенно когда в СМИ чуть не каждый день — сообщения о взяточниках типа бывшего министра экономического раз-

вития Улюкаева и подобных ему губернаторах. И на «Эхе Москвы» при этом восклицают — что это за смешные деньги для министра: какие-то 2 миллиона долларов! Не стал бы он, дескать, мараться из-за такой мелочи. Как и в предреволюционное время можем сегодня сказать — в разных мирах мы живем с вами, господа.

Вообще тема коррупции и социальной несправедливости на наших глазах приобретает угрожающий и поистине лавинообразный характер. Примеров тому масса. Хотя бы недавний скандал с планами московской реновации.

Еще один серьезный признак возможной беды — доверие к официальным СМИ и, прежде всего, телевидению. Его многочисленные ток-шоу с одним и тем же составом приглашенных, с одними и теми же приемами ведения передач, постоянными криками и воплями, как показывают исследования, всё больше вызывают у зрителей реакцию отторжения. Они, эти передачи, работают уже часто против целей, ради которых вроде бы ведутся, и становятся контрпродуктивными. Уже вызывают массовую тошноту праздничные эстрадные концерты с изрядно всем надоевшими так называемыми «звездами». А наряду с этим через Интернет множатся самые нелепые слухи и фейковые новости.

Вот нашумевший пример. На ряде сайтов патриотической направленности прошло сообщение о том, что в одесском порту в январе высадилась первая группа переселенцев из Израиля для основания в пяти южных областях Украины так называемого проекта «Небесного Иерусалима». К 2018 году в поселениях уже будет 100 тысяч евреев, а еще через несколько лет туда переедут 6 миллионов израильтян (кто же на исторической родине останется?). Из других стран, в том числе России, к ним присоединятся еще 6 миллионов. А руководство нового государственного образования возглавят почему-то практически все постоянные участники передач телеведущего Владимира Соловьева, включая его самого. И еще сказано, что в той новой Хазарии возникнут процветающие кибуцы, где станут выращивать морозоустойчивые финики и оливы...

Самое удивительное, что подобный провокационный бред не только тиражируют, но и живо обсуждают. Здесь надо напомнить, что накануне революции 100 лет назад страна также была полна самыми нелепыми слухами и сплетнями, которые выбивали у народа адекватное представление о реальности.

Наконец, в наши дни либералы-западники готовы, несмотря на свою слабость и немногочисленность, раскачивать лод-

ку по любому поводу. Хотя бы в связи с передачей в длительное пользование РПЦ Исаакиевского собора в Петербурге. Он, мол, никогда не принадлежал Церкви (а для кого же тогда строятся храмы?). И на подобной нелепице пытаются разжечь всероссийский протест.

В заключение сошлемся на мнение зарубежного источника. Недавно в соответствии с данными опубликованного в «Washington Post» исследования, в 2017 году имеется наибольшая вероятность совершения государственного переворота в ряде стран. Газета помещает карту возможных волнений. Что касается России, исследователи полагают, что вероятность попытки переворота здесь составляет около 6 процентов. Таким образом, страна возглавила двадцатку списка стран с наибольшим риском. Впрочем, они считают, что в случае попытки переворота она закончится провалом с вероятностью 2:1.

Спасибо, как говорится, и на этом. И все же главное — самим не надо доводить дело до беды.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Хорошо, что первый этаж и лестница не крутая, хорошо, что соседи попались отзывчивые — помогают выкатить коляску из подъезда. Хорошо, что улица не слишком крутая. В общем, ему во многом повезло. Вот что было бы, отнимись у него ноги там, дома, в России? Разве была бы у него такая удобная и современная коляска? И пусть крохотная, но вполне современная квартирка? Да ни в жисть! А тут пожалуйста — и пособие неплохое. Он усмехнулся: маленькое, но неплохое...

Рано утром, по холодку, хотя какой это холодок, когда и днём и ночью под тридцать, он выкатывался за дверь своей квартирки с аккордеоном на коленях, кое-как спускался из подъезда и катил к знакомому перекрёстку.

Торговцы сувенирной мелочёвкой не торопясь открывают свои лавчонки, выдвигают маркизы, открывают зонты над кофейными столиками. Вот-вот хлынет поток туристов и в еврейско-арабский гомон вплетутся иные языки — вездесущий английский, диковинный китайский, жёсткий немецкий, русский...

ПРОЗА

Он снова усмехнулся, поймав себя на мысли, что подумал о России, как о доме: там, дома...

За те несколько лет, что он тут живёт, ему уже даже не нужно слышать речи, чтобы понять, из какой страны приехала та или другая группка туристов. Сколько тысяч людей прошло мимо него, чтобы воочию увидеть дом, где родился Иисус. Туда идут торопливо, возбуждённо, подумал он, разворачивая коляску на обычном месте, а обратно — притихшие. Кроме китайцев — эти всегда гомонят. И японцев — эти всегда тихие.

Он открывал оранжевый с зелёными пальмами зонтик, прикреплённый к спинке кресла, стелил на колени лоскут шёлка, чтобы не протирались брюки, расстёгивал мехи инструмента и пробегался быстрыми, до сих пор чуткими и гибкими пальцами по клавишам.

Он знал, чем взять эти толпы проходящих мимо людей со всех концов света. Для немцев играл одно, для китайцев другое, для греков третье. Люди вдали от дома скучают по родине, даже если покинули её ненадолго. Ему ли не знать...

Поэтому для русских — всегда «Прощание славянки». Кто-нибудь, как правило, молодые женщины, обязательно подойдёт и бросит в коробку несколько шекелей. Бывает и доллары бросают. И рубли...

Свои первые рубли он заработал, играя на потрёпанном баяне на чьей-то свадьбе. Баян купила ему мать для музыкальной школы в Арзамасе. Она очень хотела, чтобы мальчик стал музыкантом, а поскольку пианино поставить было некуда, а против скрипки воспротивился отец, остановились на баяне. В Арзамасе... В таком невообразимо далёком теперь Арзамасе, что с трудом верится в то, что он вообще существует где-то в реальности. Существует, конечно...

Сколько же раз за жизнь он сыграл «Славянку»? Вечерами разучивал её, сидя на бабушкином сундуке под лестницей в деревянном двухэтажном доме на четыре семьи, пока соседи не начинали укладываться спать...

Толпа шелестела, журчала, шаркала, перекликалась, протекая мимо; он играл, играл, играл, а мысли его жили сами по себе. Вот — Арзамас, думал он, а вот теперь — Назарет. А что между? Что-то необязательное? Было или не было — не всё ли равно, если эта музыка привела его сюда, на раскалённую улицу, в мешанину языков и наречий, под сень этого холма с белыми домами под терракотовыми крышами, на вершине которого воткнулись в синее небо острые тёмно-зелёные кипарисы.

В самую жару знакомая из ближайшего кафе приносила ему крепкий кофе и большой стакан ледяной воды. Обедал он вечером, дома.

Мелодии лились вдоль раскалённой улицы, монетки звякали, падая в коробку, он склонял благодарно седую голову, а пальцы сами собой летали по клавишам аккордеона. Говорят, что развалины дома, к которым текут эти нескончаемые толпы, вовсе и не настоящий дом Иисуса. Ну и что? А что в этом мире настоящее? Разве в камнях дело? А в чём? То-то и оно! Если бы знать!

Ближе к вечеру поток туристов иссякал, он застёгивал мехи, убирал аккордеон и шёлковый лоскут в футляр, складывал зонтик и катился на своей коляске вниз по улице. По пути останавливался у кафе и протягивал хозяйке деньги за кофе, но та всегда отказывалась.

Дома он неторопливо обедал, потом читал газету, потом смотрел телевизор и под его привычное журчанье засыпал.

Иногда ему снилась Россия. В этих снах он чаще всего сидел в полумраке прихожей на бабушкином сундуке, играл «Славянку» и смотрел, как за вечерним окном густо и тихо падает снег...

ПОМИНКИ

Девяносто один год — не шутка. Но он решил дойти до этой деревушки. Он брёл по каменистой тропе, внимательно глядя под ноги и выискивал место поровнее, прежде чем поставить ногу. Узкое ущелье не давало солнцу напрямую калить рыжие каменистые стены, но всё равно было жарко. Очень жарко. Рудольф неторопливо шёл по тропе, временами впадал в задумчивость, и ему казалось, что он вернулся в прошлое. Вот сейчас его окликнет идущий по пятам Ганс и кинет ему флягу с тепловатой водой. Конечно тогда, весной сорок первого, он не плёлся вот так среди этого дикого нагромождения камней, а быстро шагал, перескакивая булыжники и озёрки пересыхающего, пропадающего в камнях ручья. И всё время ждал выстрелов.

Это был очередной карательный рейд, но греки не боялись их. Они очень хорошо знали каменные лабиринты своего ущелья и после каждого короткого ожесточенного боя ускользали, не дав опомниться. До самого исхода с Крита им так и не удалось выбить греков из ближайших гор.

Но в тот день удалось захватить связного. Так решил Ганс, что этот испуганный подросток — партизанский связной. Ему прострелили ногу и после допроса, чтобы не тащить раненого по жаре через ущелье, Ганс приказал пристрелить мальчишку. И его пристрелили.

Рудольф, чтобы отвлечься, принялся вспоминать прочитанное в путеводителе.

О рошицах шелковиц и инжира, растущих вокруг источников, о соснах и медоносных цветах, о пастушьих домиках митато, построенных из грубого камня даже без скрепляющего раствора, о горных козах кри-кри, о старых арочных домиках с мансардами в маленькой деревушке...

Деревушку они сожгли ещё раньше. До того, как пристрелили мальчишку. К развалинам этой деревушки ему и нужно было добраться.

Зачем? Он и сам не знал...

Он шёл и медленно думал о том, как тут жили люди. Пасли стада овец, строили водяные мельницы, охотились, рожали детей... А в праздники жарили ароматное мясо и запивали его огненной цикудью. Пели и танцевали. И тут пришёл он, Рудольф. И Ганс. И другие рудольфы и гансы... И расстреляли того мальчишку. Зачем? Почему? Для какой высшей цели? И что изменила эта смерть? Что-то изменила...

Рудольф добрёл наконец до деревушки. И ничего не узнал. Но воспоминания нахлынули на него с такой силой, что он невольно осел на ближайший валун.

Ганса застрелил снайпер через месяц после того карательного рейда, и он сам рассказал об этом невесте Ганса потом, уже после войны. Сегодня ему было особенно жалко и Ганса, и того греческого мальчишку, и он никак не мог понять — кого больше. Как же так, столько лет прошло, а сердце всё болит и болит. И ничего не изменить. И всё продолжается — где-то другие рудольфы и гансы стреляют в других мальчишек.

Рудольф вдруг затрясся и зарыдал.

Непонятно откуда, словно прямо из скалы к нему подбегали греки-инструкторы. Он на плохом английском объяснил, что с ним всё в порядке, что просто он воевал тут когда-то против них, греков. Он не знал, что толкало его, но всё рассказывал и рассказывал, захлёбываясь слезами, и про карательные рейды, и про сожжение деревушки, и про расстрелянного парнишку. Греки повернулись и ушли. И Рудольфу показалось, что он остался один на целой планете, и что это горячее ущелье — его личный ад.

Но греки вернулись. Они принесли с собой бутылку цикуды, хлеб и миску с оливковым маслом. Они наливали цикудью в маленькие стаканчики и себе и Рудольфу, пили, ломали хлеб, макали его в масло, снова пили и плакали вместе с Рудольфом.

Проходившие мимо туристы с изумлением разглядывали трёх плачущих мужчин. Одного очень пожилого и двух молодых. А те пили и плакали, пили и плакали...

КРАСНЫЕ БОТИНКИ

Она была совсем молоденькой, но казалась ему взрослой женщиной, ведь самому-то ему не было еще и восьми. Она была очень красивой, любила всё яркое, пестрое. Она часто пропархивала мимо их увитой плющом и виноградом ограды, словно большая веселая бабочка, и всегда улыбалась ему, а один раз остановилась и спросила:

— Когда вырастешь, красавчик, выйдешь за меня замуж?

Он страшно смутился, но сумел храбро ответить:

— Да!

— Смотри не обмани, красавчик!

И потом много дней подряд он всё думал со сладким нетерпением в сердце: я красавчик, скорее бы вырасти, скорее бы стать большим...

...Немцы пришли в городок без стрельбы — буднично промаршировали по главной улице и деловито расселились по квартирам. В их небольшую усадьбу вселились офицеры. Сосед оказался сторонником фашистов, и его назначили старостой. Как же его звали? Брицки? Да — Брицки звался этот человек. Он убежал от красных из России. Он белый был, и работал на немецкую контрразведку. Приходил к ним в усадьбу — брал книги у отца для больной туберкулезом жены. Жену он очень любил, а она очень любила читать. И он был отцу благодарен.

Однажды пришел к отцу и сказал, чтобы тот бежал. И отец ушел к партизанам. Югославия тогда была наводнена партизанами. Партизанами, которые за красных, партизанами, которые против немцев и против красных, партизанами-мусульманами, партизанами хорватами... Отец ушел в горы, а они с мамой остались.

Иногда по ночам в усадьбе появлялись какие-то люди и шептались с мамой и работниками усадьбы. Раза два приходил и отец.

А потом убили Брицки. Партизана, который сделал это, ранили и поймали, а жителей поселка согнали на казнь. Они с мамой шли к площади и боялись увидеть, что раненый партизан — их отец. Но партизан оказался незнакомым молодым человеком. Его расстреляли, а потом повесили.

— Сынок, — шептала мама на обратном пути, — если ты будешь кому-нибудь рассказывать, о чем мы говорим в доме, — нас так же повесят. — Тогда он и понял, что слово — это жизнь и смерть!

Вот как раз в те дни ему и исполнилось восемь.

Он не знал тогда, что никогда больше не увидит отца, что после прихода Тито его семья лишится усадьбы, а сам он сбежит из Югославии во Францию, потом в Германию, женится, увидит полмира, переживет и Тито, и саму Югославию...

А девушку арестовали всего за несколько дней до прихода Тито. Даже с синяками на лице и в рваном платье она была красивой. Увидев его в толпе, она едва заметно подмигнула. Ее повесили... Вскоре он забыл ее лицо, забыл, в каких платьях она ходила, и голос ее забыл. Но отчего-то на всю жизнь запомнил красные изящные ботинки, в которых она была в тот день. Эти красные ботинки и тонкие изящные щиколотки до сих пор перед его глазами.

С ВОЙНЫ

Что это было, Бурят так и не понял. То ли пуля из крупнокалиберного, то ли осколок. Факт тот, что голова разлетелась, как арбуз. Однажды на пикнике он выстрелил в арбуз картечью из «Сайги», и тот разлетелся вдребезги. Вот так же разлетелась голова Командира. Бурят несколько секунд безмысленно смотрел, как по его комбинезону стекает медленная кровь вперемешку с мозгами Командира, но тут по броне снова ударило, и он очнулся.

Водитель застывшими глазами смотрел на тело Командира и не двигался. Буряту пришлось отвесить пару оплеух, чтобы тот пришёл в себя и отвернулся к рычагам.

Дальше всё было обычно. Их танк шнырял по переулкам, выцеливая БТРы или скопления противника, они в кого-то попадали, попадали и в них, но танк не загорался, и пробойн не было...

Хоронить Командира увезли в Россию, он был не из ополченцев, а из добровольцев.

Командира не стало, и ничего не изменилось — они теснили нацгвардию, нацгвардия теснила их. Иногда удавалось посмотреть телевизор; там то же самое: ополченцы Луганской народной республики разбили колонну украинской техники, уничтожено три БТРа. Кто-нибудь поправлял: пять!

И только дня через три или четыре Бурят догадался, что совсем не спит. Это было даже удобно — спать было некогда,

техники не хватало, а из радики то и дело несло: «Укропы со стороны Краснодона! Поддержите огнём!» И нужно было лететь на другой конец Луганска, чтобы заткнуть очередную брешь. Но потом он вдруг стал засыпать на ходу. Это было уже хуже. Однажды он заснул прямо среди боя, и водитель едва растолкал его.

После этого его отправили домой. Его посадили на пробитую пулями и осколками «Газель», и та покатила «задами» и «огородами» к российской границе.

Бурят трясся на жёсткой скамейке, по привычке высматривал в зелёнке укропов и думал, думал, думал, как он будет жить дальше.

ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ

Если ночью шумит море, под этот шум хорошо спать. Успокаивает. А если ночью шумит пьяный сосед, спать невозможно, пока соседа не успокоишь. Да и потом не сразу заснёшь, поскольку возбудишься. Шум моря и шум соседа — две большие разницы. Так в Одессе говорят...

Но вот тебя захватили боевики. Увезли, значит, чёрт-те куда, посадили в зиндан. Яма такая метра два на два и столько же в глубину, а сверху решётка. И сидишь ты в этом зиндане, яме, то есть, день за днём, неделя за неделей, месяцы, хорошо как не годы. Ну, бросят тебе лепёшку, в пластиковой бутылке воды спустят. Иногда поднимут, чтобы работу какую выполнить — выкопать что-нибудь, дрова порубить. И опять в яму.

Ночью тишина гробовая, разве что шакал завоет-затявкает или собака, днём с дальнего минарета муэдзина услышишь: «Аллахуакбар...» И снова тишина.

И вот сидишь, сидишь, слова забывать начинаешь, имя своё повторяешь, чтоб не забыть, родных перечисляешь. То ли месяц прошёл, то ли год.

И вдруг стрельба, крики, беготня, и свешивается с края ямы веснушчатая молодая рожа в каске — свои!

И вот ты приезжаешь домой. Родня, слёзы и всё такое. Первая ночь дома — постелька мягкая, свежая, холодильник на кухне по-домашнему урчит. А за стеной сосед бушует: орёт матом, посуду о стенку бросает, топочет... Музыка!

ВОСКРЕСЕНЬЕ В СЕМИДЕСЯТЫХ

Воскресенье — хороший день. Вставать спозаранку не надо, завтракать наспех и на работу бежать не надо, делай

что хочешь. Столько всего можно сделать, на что в рабочие дни времени не хватает!

В то воскресенье я встал часов в девять. Да и дольше бы в постели провалялся, если бы соседский пацан «Битлов» не завёл на своей шарманке. «Йес тудееей...» Растудей его с его «Битлами»!..

Ну ладно, на завтрак маманя яичницу сделала с колбасой и кофе с цикорием. И где она этот кофе достаёт? А хорошо с утречка кофейком побаловаться. Юрка Столяров, правда, смеётся — какой, мол, это кофе. Ну, правильно, у него папаша в Главке работает, у них кофе из зёрен — и запах другой, и вкус... Мы с Колёсиком у него однажды даже виски настоящее попробовали. Бутылка у его папани в серванте стояла початая, вот Юрец нам по полрюмашечки и налил. Ну, не водка, конечно! А всё ж-таки кофе с цикорием лучше, чем грузинский чай.

Потом я к Колёсику пошёл. Тот уже возле сарая крышку от «ЗиЛа», наполовину вкопанную в песок, молотом обрабатывал. Босиком и в одних техасах, вспотел уже весь. Где-то он прочитал, что и Брюс Ли, и Мухаммед Али так резкость удара нарабатывали. Вот и молотит крышку каждую свободную минуту. Может, и правда помогает — удар у Колёсика дай бог каждому. А мне больше плавать нравится: и мышцы укрепляет, и они не дубеют при этом, не закрепощаются, эластичными остаются.

Колёсик надел футболку и сказал, что сегодня нужно сходить за реку. Тамошние оборзели совсем, нашего парня избили. За то, что ходит на их территорию. А как ему не ходить, если там его ПТУ? В общем, нужно разобраться.

У моста нас уже ждали Гена, Папуля и Юрец. Ну и Саня — парень, которому наваяли.

Говорит: никого не трогал, ничего не говорил, шёл себе в профуру. Налетели, окружили и наклали. Человек семь. Главный, как всегда, Красавчик.

Красавчик этот мне особенно не нравится. Приятель его старшего брата — боксёр-перворазрядник. Вот он и кичится. Сам-то дерётся так себе. Можно сказать, никак, но связываться с ним не любят. Знают, что этот знакомый его брата скоро КМСа получит.

Но у нас тоже кое-кто за спиной есть. Витя-боец. Он уже КМС и тот перворазрядник на нас из-за Вити не полезет. Скажет Красавчику: сами разбирайтесь. Такой политес.

Я так думаю, если бы Красавчик знал, что Саня из наших, не стал бы на него тянуть. Потому, что заречные, если кого и побаиваются, — так это наших. Как-то на танцах Красав-

чик полез было на Колёсика, но тот ему свет быстро выключил. А брат, зная про Витю-бойца, вместо чтоб заступиться, ещё и отвесил ему: лезешь, так дерись, да и вообще — знай на кого лапку задирать.

Саня что-то в последний момент заочковал, говорит Колёсику: не маловато нас? Но Колёсик даже и не ответил. Просто говорит: пошли. За мостом мы собрались, внутренне поджались. Не шутка, эти заречные совести не знают. Могут и ножичком.

Они как всегда на стадионе болтались. На трибунах. Увидели среди нас Саню и всё поняли. Двое-трое даже сразу слиняли так незаметненько. Но Красавчик — он наглый, улыбается: о, какие люди в Голливуде, какими судьбами?

Папуля прямо с ходу влепил ему в челюсть, он тоже этого Красавчика терпеть ненавидит. Красавчик, правда, готов был, и удар вскользь пришёлся. Ну и тут началось махалово. Даже Саня разошёлся, хотя, по правде сказать, трусоват он. Но за компанию всё смелые.

Я с Борьком схватился, с дружкой Красавчика. И сделал глупость: вместо того, чтобы кулаками работать, сцепился с ним бороться. А он меня головой как боднёт в лицо! Я такой подлости не ожидал, а лбешник у него крепкий, ну я и поплыл. Хорошо не свалился. Отпустил его, вспомнив, как Витя-боец учил, и стал кулаками по печени бить. Тут и он остановился, видно удалось пробить печень-то. Ну, и пока мы с ним так стояли, в себя приходили, всё кончилось. И Красавчик и другие побежали, а Колёсик подскочил к нам и двинул Борьку боковым, так что тот сразу рухнул. Хотелось мне очень пнуть его пару раз, но сдержался, мы лежачих не пинаем. А Красавчик вот сдерживаться не стал бы, это точно.

В общем, отметили мы заречных, и усталые, но довольные пошли в «Снежинку». Саня говорит: угощаю. У Сани, как и у Юрца, всегда деньги есть — у него родители богатые: мать экономист в управлении, а отец начальник цеха. Он и Саню после ПТУ к себе забрал, и заставил в вечерний техникум поступить. В «Снежинке» мы встретили Веру. Колёсик аж зарделся весь, когда её увидел. Ну, посидели, поели мороженное, поболтали. Я, как всегда, шоколадное с грушевым сиропом взял. Саня Вере про заречных рассказал, и так всё вывернул, поросёнок, что будто бы только благодаря его стойкости мы и отметили заречных. Но никто не обиделся, посмеялись вместе с Верой и договорились, что после обеда вместе купаться пойдём.

За обедом маманя опять завела волынку, что, мол, в техникум поступать надо, вон Саня... Ну, понятно... Я ей не сказал

ещё, что предложили мне идти проводником спецвагонов. Зарплата там — в три раза больше, чем в моём цеху, нафиг мне техникум. Только вот командировки месяца по два-три. Даже не знаю: с одной стороны деньги, а с другой — от ребят оторвёшься, тренировки придётся пропускать. Да и скучно две недели в дороге, там в основном дядьки пожилые — лет по сорок. О чем с ними.

На пляж я пришёл, когда все наши уже были там и играли в карты. Вера в карты не играла, и Колёсик тоже не стал, да и я карты не уважаю. Я бы лучше повалялся с книжкой, да неудобно как-то. Не принято. Колёсик принёс гитару и пел для Веры. Песен он знает — до черта. И Высоцкого, и эмигрантов, и старые наши дворовые. Эмигрантов Вера, правда, не любит, мата там много и Колёсик при ней их не поёт. Так, в основном весёлые или жизненные, там «Друзья, купите папиросы», «У ней следы проказы на руках» или «Там, где речка, в речке козий брод, глотает воду по утрам колхозный скот...» в общем, разное.

Она Колёсику как-то сказала: ты бы выучил Визбора или Окуджаву. Ну, он послушал однажды Батонов, и сказал, что это не то. Хотя Батоны хорошо на гитаре играют, лучше Колёсика, честно надо сказать, но песни... Нет, кое-что мне даже понравилось, но большей частью уж очень занудно, не то, что Высоцкий. Батоны, они вообще странные. Не пьют совсем, не курят. Но и спортом не занимаются. Хотя и не трусы вовсе. И подраться могут. Смешно смотреть, когда они встают спиной к спине, похожие, как два батона, и отмахиваются хоть от целой толпы. Даже тем, кто нападает, смешно становится — и уже не до драки.

После реки мы с отцом разбирали погреб. Хорошо, когда есть около дома сарайка с погребом. Вон Папуле приходится на автобусе в гараж за картошкой ездить. А тут вышел из квартиры — и вот, пожалуйста — хоть велосипед поставить, хоть картошку, капусту, соленья всякие хранить.

Вечером, как всегда, пошли на танцы. Опять эта дурочка из ДК пела под Пугачёву. Неужто самой не ясно, что не тянет. Позорится только.

Увидели в толпе Красавчика с его шоблой. Я подумал, опять придётся схлестнуться. Но нет, мы на одной стороне танцплощадки топтались, они на другой. Среди танцев подошёл ко мне Борёк, я напрягся — он подлый, чего хочешь может. Но он мирно так поздоровался и говорит: здорово ты мне по ливеру настучал, умеешь. Я из вежливости ответил: да и ты мне по калгану зазвездил не слабо. Но тут он увидел, что Красавчик смотрит на нас неодобрительно, кивнул и ото-

шёл. Я оборачиваюсь, а ко мне уж Колёсик с Папулей пробираются сквозь толпу: ну, чего? Я им говорю, ничего, всё нормально.

Колёсик спрашивает: Веру не видел? Нет, не видел. А сам подумал: пойдёт тебе Вера на танцплощадку. Жалко его, ясно ведь, не его она поля ягодка. И как она вообще в нашу компанию затесалась? Кажется, всё-таки не из-за Колёсика. Хотя улыбается ему, песни слушает и вообще... Институт закончит и уедет, конечно...

Потом, когда мы уже сидели в беседке у реки, Вера вдруг пришла. Тут наши материться стали пореже и как-то поделикатнее, что ли. А Вера даже выпила вермута прямо из горла, чем нас всех удивила. И сразу ближе как-то стала. Ну, в каком смысле ближе. По-настоящему-то не ближе, конечно, но всё же...

Тут я зачем-то ляпнул, что мать пристаёт с техникумом, а есть возможность в депо перейти на хорошую зарплату. Все начали спорить. А Вера говорит, деньги не главное, с образованием будут и деньги. Тут все ещё сильнее заспорили, прямо гвалт поднялся.

Я вышел из беседки, посмотрел на небо, а там звёзд — пропасть! Слышу, Вера за спиной говорит: Млечный Путь сегодня — загляденье. Тут и Колёсик вышел. Ребята в беседке как с цепи сорвались, спорят, кричат, а Вера нам с Колёсиком созвездия показывает: это Кассиопея, это Андромеда, левее Большой Медведицы — Гончие Псы, а там вон, на западе, белая яркая — Венера. Уже совсем низко, скоро зайдёт... А самая яркая звезда в нашем полушарии во-он та, ниже Гончих Псов — Арктур, смотрите, как мерцает...

Действительно — красиво. А я кроме Большой Медведицы да Полярной звезды ничего и не помню, хотя в школе в шестом классе в кружок астрономии ходил...

Потом Колёсик пошёл провожать Веру домой, и, уходя, она сказала мне: поступи в техникум, обязательно поступи.

Дома все уже спали, я напился из-под крана холодной воды, потихоньку разделся и лёг. В окно тыкалась сирень, сквозь листья были видны звёзды, но не так много, потому что на углу горел фонарь.

Какой хороший день получился, думал я, пытаюсь разглядеть сквозь сирень Арктур. Всё-таки воскресенье — это здорово. И уже засыпая, подумал: правда, что ли, в техникум податься?

ЧИФИР

Местные утверждают, что на месте озера Сарыкамыш была самая глубокая в СССР впадина. Но это не так. Сарыка-

мышская впадина третья по глубине — около сорока метров ниже уровня Мирового океана. И сейчас на дно этой впадины не попасть. Разве что в акваланге. Поскольку теперь здесь раскинулось настоящее море. Не знаю вот только, ныряют ли дайверы на такую глубину. Не интересовался.

Иногда мне очень хочется побывать там, на его бескрайних песчаных пляжах, побродить по барханам, в зарослях саксаульников, прячущих медлительных черепах, худых пугливых зайцев-толаев, смешных ушастых ёжиков и небольших сипящих, как кипящий чайник, варанов.

Лов на Сарыкамыше вели в то время даже на малых рыболовецких траулерах. Но мы поставили палатки рядом с базой небольшой полуофициальной бригады и ходили «в море» на утлых «Казанках». Затемно мы рассаживались по моторкам, дремали, пока те неслись по чёрной воде к нужному месту, а потом тягали вместе с рыбаками тяжёлые сети, битком набитые рыбой. Вернувшись, отсыпались в тени навесов, а днём, в самую жару снова шли к сетям. И ещё раз — вечером. Если рыбу не выбрать из сетей сразу, в жару северных Каракумов она быстро протухала. Руки ныли от непривычной работы, ладони покрылись волдырями, но нам хотелось показать, что и мы можем... Лишь поздно вечером мы садились вокруг костра, слушали рыбацкие байки и хлебали густую ароматную уху, которая от обилия в рыбе фосфора светилась в темноте голубовато-зелёным сиянием.

На третье утро кое-кто из нас остался в палатках. Да и те, кто пошли к лодкам, выглядели так, что рыбаки сжалились и с собой нас не взяли.

Вечером я заглянул в дощатый домик бригадира.

— Валера, как вы выдерживаете? — спросил я невысокого, худощавого, но жилистого мужичка. — Мы же не слабее вас. Вон, сорокакилограммовые рюкзаки таскаем на себе.

— Во-первых, привычка, — ответил Валера, — а во-вторых, чифир.

Про чифир я что-то слышал, что-то связанное с зеками и зоной, с тюрьмой. И, кстати, сразу вспомнил, что и Валере пришлось отсидеть где-то то ли в мордовских, то ли в северных лагерях. Рыбаки намекнули.

— Как бы попробовать этот чифир?

— Да запросто, — Валера внимательно посмотрел на меня, — не боишься? Сердечко-то у тебя здоровое?

— Не боюсь, — ответил я, начиная жалеть о сказанном, — здоровое.

— Ну, смотри...

Валера снял с полки литровую жестяную кружку, поставил её на спиртовку и налил воды. Потом аккуратно высыпал цибик зелёного чая.

— Лучше бы чёрного, но есть только зелёный, — сказал он, накрывая кружку фанеркой.

За стеной бытовки свистели цикады, где-то далеко со стороны чинков Устюрта еле слышно подвывал шакал, по грязной занавеске, дёргаясь, вышагивал большой салатовый богомол, охотясь за сонными мухами.

Когда вода закипела, Валера снял кружку с огня, дал ей немного остыть и снова поставил на спиртовку, но закипеть не дал.

Он снял фанерку, и я увидел, что заварка осела на дно; напиток получился почти чёрным и очень ароматным. Мы сели на нары, и Валера протянул мне кружку:

— По два-три глотка.

Чифир оказался очень горьким. Валера взял кружку, быстро глотнул пару раз и снова передал мне. И так мы передавали кружку до тех пор, пока не выцедили всё до капли. Валера вышвырнул заварку из кружки за дверь и спросил:

— Ну как?

Я пожал плечами. Во рту ощущалась сильная горечь — и всё.

— Минут через пятнадцать прочувствуешь, — сказал Валера.

Тут его кто-то позвал, а я отправился в палатку. По дороге к лагерю я взглянул на небо и остолбенел: звёзд на небе было раза в три больше, чем обычно! Млечный Путь превратился в густо замешанную, сверкающую бриллиантами дорогу. И в свете этих звёзд я вдруг понял, что вижу почти как днём. Я обнаружил, что вижу тёмную полосу чинков Устюрта, которую и днём-то едва видно. Галлюцинация? Но это было совсем не похоже на галлюцинацию.

Потом я почувствовал, как течёт кровь по моим венам, как работает сердце, я ощущал почки и печень, чувствовал, выпитый чай у себя в желудке. Я слышал каждый шорох, каждый скрип, слышал, как ветер пересыпает песок на берегу Сарыкамыша, как ящерица охотится за цикадой. В голове было ясно и холодно, я вспомнил всё, о чём давно забыл. Мне захотелось пробежаться по пустыне или поплыть через Сарыкамыш, и я был уверен, что смогу переплыть его. Всю ночь я бродил в окрестностях лагеря, слушал пустыню, высматривал тайную жизнь зверей, птиц и насекомых, а утром уже ждал рыбаков у моторок.

— Что, пробило? — спросил Валера.

-
- Ага!
— Теперь понял?
— Ага...

Плохо мне стало, когда я понял, что не могу спать. Вторую ночь я бродил в окрестностях лагеря, очень хотел спать, но не мог. Едва я забирался в спальник, меня словно подбрасывало, я вылезал из палатки и до утра бродил по барханам.

— Не знаю, не знаю, — пожал плечами Валера, когда я ему пожаловался, — со мной такого не бывало. Видимо, особенности твоего организма.

А потом всё пропало. Сила словно вытекла из тела, я стал мягким, словно губка, и совершенно безвольным. Я едва доташился до палатки, рухнул на спальник и уснул. Спал я сутки и проснулся зверски голодным. Выглянул из палатки. В лагере никого не было. Ребята купались в озере; далеко от берега звенели моторки, возвращавшиеся с лова. Я открыл банку тушёнки и съел всё с куском сухой лепёшки, запивая тёплой водой из фляжки.

Вечером в бригаду привезли кино. Когда стемнело, между двумя вёслами растянули простыню и киномеханик запустил шестнадцатимиллиметровую плёнку с «Белым солнцем пустыни». Рыбаки смотрели картину, ели привезённые с ближних бахчей дыни и тихонько переговаривались. Этот фильм за путину им привозили уже четвёртый раз.

А утром мы уехали. На холодильнике нас подвезли до Куня-Ургенча, откуда мы добрались до станции в Ходжейли, где сели на поезд.

Колёса стучали по стыкам рельсов, мелькали за окном то чахлые заросли саксаула, то дымящиеся под ветром барханы, то каменистые пустоши; иногда на придорожных столбах изваяниями застывали степные орлы. Когда поезд пролетал пыльные плоские посёлки, можно было увидеть верблюда или пару ослов. Я смотрел в окно до самой ночи, а когда стало совсем темно, забрался на полку и крепко уснул.

БАРЫНЯ

Дом Лобиса спал. Но спал не так, как в те дни, когда она только появилась здесь. Как всё изменилось с тех пор, когда Петенька Лобис привёз её сюда, в своё имение в глухом уголке Нижегородской губернии. Она вдруг вспомнила этот солнечный морозный день, красивые сосны в сверкающем инее, красного петуха, приснувшего из-под колёс кареты. Петенька вынес её из кареты на руках, а у крыльца большого барского дома стояла выстроившаяся в ряд челядь и приветливо улыбалась.

А потом вдруг всё изменилось. Она стала замечать кривые усмешки и странные взгляды. Не скоро она поняла, в чём дело, не сразу узнала, что в деревне говорят, будто бы барин взял её в Питере из борделя. И она догадалась, что это скверная выдумка Селивана, барского кучера. Она была балериной. Очевидно, Селиван, дожидаясь барина в чайной у театра, наслушался разговоров о том, как полуголые барышни дрыгают перед господами ногами, и сделал такой незамысловатый вывод. Петенька любил её, но что он мог сделать, ведь при нём вся челядь раболепствовала перед ней, а она знала, знала, кем считают её в деревне. И старалась не выходить за ворота барского сада.

Она не любила Петеньку, но была благодарна ему за то, что после той безобразной истории с великим князем он забрал её сюда. Конечно, она скучала по Петербургу, скучала по подругам, по свету, по чистым метёным улицам и запаху свежих французских булок и кофе по утрам... Но здесь был покой. Весной соловьиная паника за окном, осенью золотой листопад, зимой яркий снег и разгоряченная тройка на узкой среди двухметровых сугробов дороге. И французские романы в летней сонной беседке. И поездки по окрестным хлебосольным семействам.

Она и не заметила, как всё постепенно изменилось. Лишь когда тревога Петеньки стала явной, она догадалась оглядеться. Оказывается, шла война. Оказывается, воевали с германцем, и немец Петенька Лобис едва избежал переселения. Оказывается, деревня ополчилась против барина и грозит поджечь усадьбу. «За что, Петенька, мы же ничего плохого им не сделали?! Ты даже, наоборот, всегда помогал им...» А в ответ лишь беспомощная улыбка: «Не понимаю я...»

А потом, когда стало ясно, что чернь берёт верх, Петенька Лобис сбежал. Я вернусь за тобой, пообещал он. Но не вернулся.

Когда пришли реквизировать имущество, увидели, что реквизировать нечего. Куда девалось имущество, так и не узнали. Нашли только груды битого фарфора и хрусталя. Говорили, мол, барыня всю ночь в злобе била посуду. Но сама она молча пожимала плечами. И на все упреки и вопросы говорила одно: я барину не жена... Тут-то и спасла её Селивановская выдумка про бордель. Её не тронули и даже позволили остаться в комнатке в мансарде, и даже взяли учительствовать в сельскую школу, которая тут в доме Лобиса и обоживалась. Но она так и осталась чужой для этих людей. Она знала, что каждому вновь приехавшему в деревню, говорили: её барин из питерского борделя привёз.

Однако питерская гордость держала её стан не согбенно, и она всем смотрела прямо в глаза. Может быть, за это её не любили ещё больше.

Ей было всё равно, если бы не это ледяное одиночество. Одиночество подтачивало силу её духа. В ней начала расти печаль, которая постепенно выродилась в злобу, а злоба налилась горячей, едва сдерживаемой ненавистью. Почему жизнь так поступила с ней? За что так поступили с ней эти люди? Что сделала она им?

Годы шли, она старилась под неинтересные уроки, печальные прогулки по разросшемуся сосновому бору, сны о Питере и балете, и когда пришло время — умерла.

И вот теперь она бродила по дому, и сердце её переполняла горечь. Дом Петеньки Лобиса по-прежнему стоял прочен и неизменен, а жизнь текла сама по себе.

Деревня неподалёку росла и наливалась силой, потом ушли из неё мужики под вой баб, и она злорадствовала: поняли теперь и вы, что такое горе! Из окна было видно, как скудели поля, как таскали плуги по черной земле вместо лошадей худые печальные бабы, как проходили по пыльной дороге безрукие, безногие фронтовики. Потом жизнь в селе выровнялась, вспыхнула с новой силой, чтобы внезапно вновь увянуть. Она ничего не понимала этого, она вспоминала Петеньку — то с теплом, то с обидой, искала по дому забытую французскую книжку и не находила, натываясь по пыльным углам на портреты мужчин — одного лысого с бородкой, другого с усами.

Какое-то время дом пустовал, а потом в нём завелись странные люди в обносках, которые плохо говорили по-русски, неумело топили печи и с утра до ночи работали на соседних полях.

Целыми ночами она раздражённо металась по дому, и дом научился понимать её. Громко скрипел половицами, стучал ставнями и гудел дымоходами, отчего грязноватые спящие прямо в одежде насельники просыпались и испуганно вздрагивали. Иногда они не гасили на ночь свет.

Порой электричество пропадало, и тогда зажигали старые керосиновые лампы. Эти лампы особенно удручали её.

Однажды, когда буран вновь порвал провода, один из жильцов, разыскивая новое стекло для лампы, нашёл в чердачном хламе старую книжку. Это был её любимый французский роман. Поздним вечером жилец зажёл лампу, присел на низенькую табуреточку перед печкой, открыл дверцу и принялся листать книгу. Он тупо разглядывал томик, искал картинки, находил, аккуратно вырывал их, и когда нашёл и вырвал

все, книгу бросил в огонь. Картинки он разгладил и, сложив стопкой на столе, отправился спать.

Непотушенная лампа осталась на самом краю стола, тронь — и упадёт.

И ненависть вдруг выхлестнулась с невероятной силой, и она ударила несуществующей рукой по лампе с таким остервенением, что хлопнули не притворенные двери, покачнулась мебель и заскрипели половицы, дрожь пошла по дому, сквозняк пронёсся по затхлым, пропахшим кислой капустой комнатам, коридорам и каморкам.

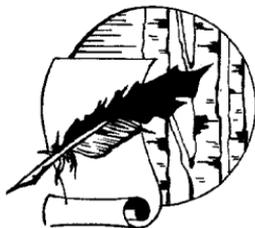
И лампа упала, грянулась о грязный, давно не метёный пол, керосин потёк из неё, заливаясь в щели. В первую секунду показалось, что огонь фитиля совсем погас, но синеватый язычок лишь померк на секунду и вновь вспыхнул ярче прежнего, огонь пошёл по керосиновой луже, набросился на мелкий сор, лизал керосин, проникший в щели, охватывал ножки дубового стола, подбирался к шкафам с тряпьем и лохматым обоям.

Дом Лобиса сначала озарился огнём изнутри, а потом вспыхнул и снаружи.

Когда лохматые с вытарашенными глазами выскочили из тяжёлых дверей жильцы, когда сбежались люди из деревни и кто-то зазвонил наконец в тревожный релёс, пламя над крышей дома плясало уже выше сосен.

И вдруг все толпившиеся вокруг пожара среди криков, звона, треска и воя пламени услышали хриплый злорадный хохот. Народ онемел. И тут из толпы раздался голос какой-то старухи:

— Господи, барыня!..

Александр ТИХОНОВ

СМЕРТИ НЕТ

* * *

В заснеженном доме, у русской печки
Сплетаются сказки, мечты и были.
От речки Вагая до Чёрной речки —
Полметра и горстка архивной пыли.
Вагай с цепенеющей Чёрной речкой
Текут подо льдом мимо дома. Мимо.
На тёплых полатях, у русской печки
Все беды вселенские поправимы.
Меж стылой землёй и бессмертным небом
Года и столетья легко пружинят.
А где-то идёт секундант по снегу...
А где-то кровавит клинки дружина...
Господь бы помог, но в мгновение это
Он чем-то великим и важным занят.
И слышится крик за спиной поэта.
Ермак сквозь века: «Осторожней, Саня!».
Но вечность лишь губы ему смыкает.
Картинка сменилась. Река другая.
Сергеич глядит — атаман шагает
В холодные воды реки Вагая.
И снова течёт пред глазами морок,
И пятятся воды реки забвенья,
Как будто десантники Черномора
Пришли кирзачами месить течение.
И космос трещит, будто мозг похмельный,
И могут герои спасти друг друга.
Вот взял бы Ермак пистолет дуэльный,
А Пушкин царёву надел кольчугу.
В заснеженном доме, у русской печки
Все беды истории повторимы,
Ведь в выставшем прошлом, у Чёрной речки
Ермак раз за разом стреляет мимо.

* * *

Отпустить бы засушное, чтобы
Долго-долго по снегу идти
И вдыхать этот мир до захлёба,
И всему изумляться в пути.
От полночных огней в отдаленье
Проходить и желать от души,
Чтоб в глуши сохранилось селенье,
Где народ разъезжаться спешит.
Оправданья ищю. Но себе ли?
Или снегу, что знает одно:
Нет села там, где выюги свистели
И под утро стучались в окно.
Я там не был ни разу. Но всё же,
Сбив пургу, обратив время вспять,
Так хотел бы поверить, что может
Возродиться глубинка опять.
Тянет дым над заснеженной крышей
И ничто не пророчит беду.
Слышишь, снег?!
Всё наладится!
Слышишь?..
Через выставший город бреду.

* * *

Лишь позовут свергать царя,
Поманят троном —
И вновь кровавая заря
Над тихим Доном.
Хоть нет от правды ни следа
В заморской мантре,
Уйдёт на киевский майдан
Безусый Андрий.
Потом: нацгвардия, Донбасс
И встреча с батей.
А дальше «Сынку!» — хриплый бас.
А дальше... Хватит!
Но сквозь года и города:
«Я слышу, сынку!»,
И не ответит никогда
Остап из цинка.
Вот только кровь на всех одна,
И горечь дыма.
На тех и этих тишина
Неразделима.

Смешает повести финал
И быль и небыль.
Ждёт тех и этих тишина,
Земля и небо.

* * *

...Но, отказавшись верить наотрез,
Беззубый рот в усмешке злой ощерив,
Шел римский стражник медленно к пещере,
А вслед ему несло: «Христос воскрес!»
Вёл стражника неясный интерес.
Он замер в кротком сумраке гробницы,
И, дрогнув, поднял с пола плащаницу.
И прошептал: «Воистину, воскрес...»

* * *

Летит. Кружится. Падает. Врастает
В сугробы у замёрзшего окна
Январский снег, а серенькая стая
Таскает из кормушки семена
Подсолнечника. Добрая старушка
Их сыпала. До солнечного дня
Теперь протянут птицы. «Где же кружка?», —
Нелепо тянет срифмовать меня,
Но за окном ни кружки, ни старушки.
От щедрых подношений ни следа.
Ещё слетают бойкие пичужки
К дышащей паром форточке, но там
Царят иные запахи. Врастает
В сугроб не этот снег, но прошлый год.
Поминки отшумели, и пустая
Квартира словно новой жизни ждёт.
А снег идёт. И в этой снежной гуще
Блуждает беспокойная душа.
И кормит птиц, поющих для живущих
На всех без исключения этажах.

* * *

«Смерти нет», — повторяет в бессонье душа.
«Ночи нет», — заходящее солнце ей вторит.
Как боится душа разучиться дышать,
Так светило страшится, что выгорит вскоре.

«Ночи нет...» — солнце крутит наш маленький шар.
«Смерти нет...», если каждый продолжен в потомке.
Но взрослеет душа, чтоб понять не спеша,
Что сама для себя — лишь потёмки.
Шелестят по архивам шаги и тома,
Заполняются храмы просящими чуда.
Понемногу собрав от души и ума,
Понимаю себя и немного... Иуду.
Он на всё был готов ради звона монет,
Но не много ли нас нынче этим болеет?
А душа всё твердит: «Смерти нет, смерти нет»...
Снова солнце взойдёт, осветив Галилею.
Снова солнце взойдёт, осветив Назарет.
«Ночи нет» — солнце верит трудам Галилея.

* * *

За плечом у ангела-хранителя —
Белый свет.
Храни его, храни.
Пусть он знает, в мире не одни
Он и я. Тем жизнь и удивительна,
Что не ясно, то ли вечный бой
За меня ведёт броня живая,
То ли я от мрака закрываю
Ангела-хранителя собой.

* * *

Отраженье небес на его доспехе,
Перезвон кольчуги и лязг стремян.
На коне вороном Пересвет проехал,
Будто думал средь войска узреть меня.
Не увидел. Я где-то в сибирской хляби.
Опоздал на сраженье. На семь веков.
Через поле с прищуром глядит Осябья:
Вот уже расступились ряды врагов,
И на чёрном коне, выйдя против света
И сощурив глаза и подняв копьё,
Половецкий воин на Пересвета
Поглядел, дескать, время пришло твоё.
И пустили в галоп! С юным ветром ровень
Поскакали к началу любых начал.

Пусть копьё Челубея просило крови,
Но у русского — солнце из-за плеча.
Две холодных стены выпускали жала.
Шли одна на другую, а в этот миг
Струйка крови по росной траве бежала.
Чья та кровь — неизвестно. Пойди, пойми...
Гаснет небо над Родиной. Тьма клокочет,
Мол, упавшее солнце нельзя спасти.
Но рассвет-Пересвет мчит навстречу ночи.
Он всё ближе. Кольчуга его блестит.

* * *

Маршрутки глотают спешащих людей,
Гудит привокзальная площадь.
Я в город вернулся. Я полон идей!
А дождик прохожих полощет.
И мой беззаботный, мой радостный миг
Придавлен плаксивой погодой.
Иду без зонта меж смурными людьми
С извечной нехваткой чего-то.
Над городом О. вызревает гроза.
Я слышу: «Паршивое лето!»
Поправив рюкзак, покидаю вокзал
И тучи торопятся следом.

* * *

Я иду расставаться с тобой.
С неба сыплет противная морось.
Кто сказал, что мы сшиты судьбой
И отныне не выживем порознь?
Кто сказал, мол, уступки нужны,
Чтоб самим не распасться на части?..
Как мы были чисты и нежны,
Как хотелось нам общего счастья!
Старый чайник кипел на плите.
Стопки книг, запах кофе и пыли.
Дождь хлестал за окном, снег летел...
Боже мой, как мы счастливы были!
Кто сказал, что мы сшиты судьбой?
Я сказал. Не боюсь повториться.
Вроде шел расставаться с тобой.
Оказалось — мириться.

ЛЕОНИД

Закрыта книга, но строка звенит.
Так меч простора просит, в ножнах лёжа.
Не древний царь спартанский Леонид
Владел клинком, но сельский мальчик Лёша.
А путь его был долог и тернист:
Сквозь сумерки времён, навстречу свету
Шел молодой, весёлый баянист,
Наш Лёнька — выпускник из культпросвета.
До самой смерти гол был как сокол.
Ленивую размеренность разрушив,
Сквозь масло будней остро шел глагол,
Заточенный, чтоб жечь сердца и души.
Вскипала, раскаляясь добела,
Поэзия, замешанная с кровью.
Судьба же Николаича вела
То в Астрахань, то вовсе в Подмоскowie.
Но строчке нет покоя. Всё звенит.
Всё требует, чтоб я прочел и понял.
Как будто ждёт почивший Леонид
Того, кто вложит меч в свои ладони,
Чтоб слово обожгло живым огнём
И в ясности звенящей укрепило...
А русские поэты день за днём
Подмоги ждут. И гибнут в Фермопилах.

п. Большеречье Омской обл.

Андрей ИВАНОВ,
доктор исторических наук

ГЕНИАЛЬНЫЙ РАЗРУШИТЕЛЬ

Имя Ленина неразрывно связано с революционными событиями столетней давности. Для подавляющего большинства наших соотечественников он стал главным действующим лицом революции 1917 года, ее символом и вождем. Однако эти устоявшиеся в массовом сознании стереотипы справедливы лишь отчасти. Вне всякого сомнения, Ленин сыграл поворотную роль в нашей истории в октябре 1917 года, но его участие в свержении многовековой монархии и Февральской революции никак не позволяет поставить его в первый ряд «могильщиков русского царства».

Владимир Ильич Ульянов, позже взявший себе псевдоним Ленин, родился 10 апреля 1870 года в Симбирске в семье инспектора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова (1831 — 1886) — сына бывшего крепостного крестьянина и мещанки, выслужившего себе потомственное дворянство. Матерью его была Мария Александровна, урожденная Бланк (1835 — 1916) — дочь врача, имевшего немецко-еврейские корни. В. Ульянов окончил с золотой медалью Симбирскую гимназию, директором которой был Ф. М. Керенский — отец будущего главы

УРОКИ ИСТОРИИ

Временного правительства. В гимназические годы он был еще чужд революционных устремлений, был примерным учеником и до 16 лет принадлежал к симбирскому религиозному Обществу преподобного Сергия Радонежского. Однако А.Ф. Керенский, учившийся в той же гимназии, утверждал, что по собственному рассказу Владимира, тот уже «в четырнадцать лет выбросил в мусорное ведро свой нательный крест».

Царский министр земледелия А.Н. Наумов, сидевший в гимназии с Ульяновым за одной партой, так отзывался о своем гимназическом товарище: *«Центральной фигурой во всей товарищеской среде моих одноклассников был несомненно Владимир Ульянов (...). Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой, Владимир Ульянов имел неправильные, я бы сказал, некрасивые черты лица (...). При беседах с ним вся невзрачная его внешность как бы стусевывалась при виде его небольших, но удивительных глаз, сверкавших недюжинным умом и энергией. (...) Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью. (...) Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей. (...) По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы», и я не помню, чтоб когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно-откровенным. Его «душа» воистину была «чужая», и как таковая, для всех нас, знавших его, оставалась, согласно известному изречению, всегда лишь «потемками». ...В классе он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, чтоб его любили, скорее — его ценили. (...) Еще в те отдаленные времена Ульянов казался всем окружающим его каким-то особенным... Предчувствия наши нас не обманули».*

Окончив в 1887 году гимназию с золотой медалью, Ульянов поступил на юридический факультет Казанского университета, где впервые принял участие в работе нелегального студенческого кружка «Народной воли». А уже через три месяца после поступления он был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках и выслан в семейное имение. В том же году был казнен и его старший брат Александр Ульянов, готовивший цареубийство. Но уже осенью 1888 г. В.Ульянову было разрешено вернуться в Казань. Вскоре власти пошли навстречу Ульянову, и в 1891 г. он экстерном сдал экзамены за курс юридического факультета Санкт-Пе-

тербургского университета. Получив высшее юридическое образование, Ленин недолго работал помощником у самарского адвоката, причем, как отмечала его сестра М.И. Ульянова, *«из всех дел, которые ему приходилось вести по назначению (а он только по назначению их и вел), он не выиграл ни одного и только один его клиент получил более мягкий приговор, чем тот, на котором настаивал прокурор»*. Переехав в 1893 г. в столицу Российской империи, Ленин устроился помощником к присяжному поверенному М.Ф. Волькенштейну.

До 1891 года будущий «вождь мирового пролетариата», как и его казненный брат, был сторонником «Народной воли», искал связи с революционерами, узнавал о практических сторонах организации революционного движения. Но под влиянием работ Г.В. Плеханова его взгляды стали эволюционировать к марксизму. К 1893 году Ленин уже стал убежденным марксистом, получившим известность в социал-демократических кругах как яркий лектор и публицист. Им были написаны работы по проблемам марксистской политэкономии, истории русского освободительного движения, истории капиталистической эволюции пореформенной деревни и промышленности. В острой полемике с народниками Ленин оттачивал собственную программу социалистического переустройства России. Изучая экономику и статистику, Ленин пришел к выводу об ошибочности народнического взгляда на искусственность капитализма в России и обосновал роль рабочего класса как «гегемона революционного движения». Поэтому главной задачей ближайшего будущего Ленин поставил создание хорошо организованной марксистской рабочей партии, призванной со временем обеспечить победу пролетариата. *«Русский рабочий, — писал Ленин, — поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»*.

25-летний революционер, по общему мнению современников, хоть импонировал далеко не всем, но обладал несомненной харизмой. Он был умен, удивительно работоспособен, дисциплинирован, обладал неистощимой энергией, умел подчинять своей воле. Меншевик А.Н. Потресов вспоминал: *«Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личности, как этот, на первый взгляд, такой невзрачный и грубоватый человек, по-видимому, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным. Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо-*

таки гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, господства над ними. Плеханова — почитали, Мартова — любили. Но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным, бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатичную веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя».

Побывав в Швейцарии и во Франции, Ленин установил связь с группой «Освобождение труда» и в 1895 г. вместе с Ю.О. Мартовым и другими единомышленниками принял участие в создании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Ближайшей целью Ленин обозначил свержение царского самодержавия в союзе с либеральной буржуазией. Но уже в декабре 1895 года, как и многие другие члены «Союза», Ленин был арестован, более года содержался в тюрьме, а затем был выслан на три года в сибирское село Шушенское. Чтобы власти позволили ему жить в ссылке вместе с «гражданской» женой Н.К. Крупской, Ленину в 1898 году пришлось обвенчаться с ней (изначально оба были против церковного брака), тем самым официально обозначив себя как «православного». «Пришлось проделать всю эту комедию», — так отзывалась позже о венчании Крупская.

Административная ссылка не оказала на Ленина «воспитательного воздействия». Наоборот, за три года, проведенных в Сибири, он много работал, подготовил капитальный труд «Развитие капитализма в России», направленный против «легального марксизма» и народнических теорий, а также целый ряд статей; поддерживал связи с социал-демократами Петербурга, Москвы и других городов. Единственное, чему, пожалуй, воспрепятствовала эта высылка, так это тому, что Ленин не смог принять участия в I съезде Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), прошедшем в Минске в 1898 году. Впрочем, тогда это событие мало кто заметил. На съезд собралось лишь 9 участников, которые после провозглашения рабочей марксистской партии и принятия Манифеста были тут же арестованы.

В изданной в советское время литературе о Ленине неизменно рассказывалось о том, как он умел располагать к себе людей, как восхваляли его революционеры, как он, находясь в Сибири, быстро стал общепризнанным лидером среди ссыльных. Однако это не совсем так. «...*Мой брат, вернувшись из Сибири, рассказывал, как в Минусинске ссыльный Ленин держал себя, — вспоминала видная деятельница кадетской партии и А.В. Тыркова, чей брат-народоволец также был сослан в Сибирь. — Он грубо подчеркивал, что прежние ссыльные, народовольцы, — это никому не нужное старье, что будущее принадле-*

жит им, с.-д. Его пренебрежение к старым ссыльным, к их традициям особенно сказалось, когда пришлось отвечать перед местной полицией за бегство одного из них. Обычно вся колония помогала беглецу, но делалось это так, чтобы полиция не могла наказать тех, кто давал ему деньги или сапоги. Ленин с этим не считался и из-за пары ботинок подвел ссыльного, которого за содействие побегу, да еще и неудачному, посадили в тюрьму на два месяца. Ссыльные потребовали Ленина на товарищеский суд. Он пришел для того, чтобы сказать, что их суда он не признает и на их мнение плюет. Мой брат с обычным своим юмором описывал эту бурю в ссыльном муравейнике, но в конце уже серьезно прибавил: «Злой человек, этот Ленин. И глаза у него волчьи, злые».

В 1900 году, после истечения срока ссылки, Ленин некоторое время жил во Пскове, но уже летом того же года выехал за границу (жил в Цюрихе, Мюнхене, Лондоне и Женеве). Вместе с Мартовым и Потресовым он наладил выпуск нелегальных марксистских изданий — газеты «Искра» и журнала «Заря», призванных содействовать организации сети подпольных социал-демократических организаций на территории Российской империи. Именно в журнале «Заря» в декабре 1901 года будущий лидер большевиков впервые подписал свою статью псевдонимом Ленин.

К 1902 году у Ленина сформировалась четкая позиция в отношении характера российской рабочей партии. Она должна была стать «партией нового типа» — централизованной боевой организацией. *«Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию!»* — восклицал Ленин в одной из своих статей. Осознав, что российские рабочие в своем большинстве склонны лишь к экономическим требованиям и вовсе не стремятся к политической революции, Ленин сделал ставку на «профессиональных революционеров», которые должны были привить пролетариату необходимую «сознательность». Вместе с Г.В. Плехановым им был разработан проект программы авангардной рабочей партии, состоявшей из двух частей — программы-минимума и программы-максимума. Первая, как известно, предполагала свержение царизма, установление демократической республики, введение демократических свобод, права наций на самоопределение и установление равноправия наций, введение 8-часового рабочего дня; программа-максимум определяла конечную цель, к которой стремилась партия, — социалистическая революция и диктатура пролетариата, призванные установить в России социалистический строй.

На II съезде РСДРП, проходившем в июле-августе 1903 г. в Лондоне, Ленин принял самое активное участие, возглавив группу т.н. «твердых искровцев». Разойдясь с «мягкими ис-

кровцами», которых возглавил Мартов, Ленин настаивал на создании жестко дисциплинированной партии вождистского типа, каждый член которой обязан не только сочувствовать ей и помогать материально, но и подчиняться диктатуре руководства и непосредственно участвовать в партийной работе. Противники Ленина усматривали в его формулировке попытку создать не партию рабочего класса, а секту заговорщиков. Позиция Ленина положила начало большевизму, сторонники же Мартова стали со времени II съезда именоваться «меньшевиками». С этого времени Ленин был вынужден вести политическую борьбу и с меньшевиками, чтобы укрепить свое лидерское положение в партии.

Подруга Крупской А.В. Тыркова, встретившая Ленина в 1904 году в Женеве, вспоминала: «... Кто мог предугадать в нём будущего железного диктатора. Это был просто один из эмигрантских журналистов, которому удалось, вопреки центральному комитету своей партии, захватить партийный журнал «Искра». Уже тогда в революционных кругах знали, что он властолюбив, в средствах не разборчив. Но особенного интереса ни он, ни его партия не возбуждали. С.-р., особенно после убийства Плеве, заставляли гораздо больше о себе говорить, чем с.-д. Заговорщики окружены таинственным ореолом, они волнуют воображение. С.-д. были скучными начетчиками. Пока они не пришли к власти, они отрицали террор. Их тактика воздействия на массы казалась утопичной. Их диалектика — мертвой. После ужина Надя попросила мужа проводить меня до трамвая. Он снял с вешалки потрепанную каскетку, какие носили только рабочие, и пошел со мной. Дорогой стал дразнить меня моим либерализмом, моей буржуазностью. Я в долгу не осталась, напала на марксистов за их непонимание человеческой природы, за их аракчеевское желание загнать всех в казарму. Ленин был зубастый спорщик, тем более что мои слова его задевали, злили. Его улыбка — он улыбался не разжимая губ, только монгольские глаза слегка шурились — становилась всё язвительнее. В глазах замелькало острое, недоброе выражение. (...) ...Я еще задорнее стала дразнить Надиного мужа, не подозревая в нём будущего самодержца Всея России. А он, когда трамвай уже показался, дернул головой и, глядя мне прямо в глаза, с кривой усмешкой сказал: «Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать». Я засмеялась. Тогда это звучало как нелепая шутка. (...) Могло ли мне прийти в голову, что этот доктринер, последователь не им выдуманной безобразной теории, одержимый бесом властолюбия, а может быть, и многими другими бесами, уже носил в своей холодной душе страшные замыслы повального истребления инакомыслящих. Он многое планировал заранее.

Возможно, что идею создания своей главной опоры — Чека — он вынашивал уже тогда».

Революция 1905 года застала Ленина в Швейцарии. В начале ноября 1905 года он нелегально прибыл в Петербург и возглавил работу Центрального и Петербургского комитетов большевиков. Главной задачей большевизма Ленин считал в эти дни свержение самодержавия, для достижения которой партия готовила вооруженное восстание. Не были чужды большевики и революционного террора. Еще в 1901 году Ленин писал: *«Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях».* В этом, как, впрочем, и во многих других вопросах, лидер большевиков был циничным прагматиком. Критикуя эсеровский террор, Ленин в то же время писал: *«Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!.. Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т.д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога... Одни сейчас же предпримут убийство шпиона, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств... Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избивании городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов... Даже и без оружия отряды могут сыграть серьезнейшую роль... забираясь на верх домов, в верхние этажи и т.д., и осыпая войско камнями, обливая кипятком... Практические работы, повторяем, должны быть начаты немедленно. Они распадутся на подготовительные и военные операции. К подготовительным относится раздобывание всякого оружия и всяких снарядов, подыскивание удобно расположенных квартир для уличной битвы (удобных для борьбы сверху, для складов бомб или камней и т.д. или кислот для обливания полицейских...). Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств... такие операции уже ведутся везде... Отряды революционной армии должны тотчас же изучить, кто, где и как составляет черные сотни, а затем не ограничиваться одной проповедью (это полезно, но этого одного мало), а выступать и вооруженной силой избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т.д. и т.д.»* *«Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: «Мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы*

отвергаем партизанскую войну», — тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят?» — отмечал Ленин в одной из своих работ.

Но надежды большевиков на свержение самодержавия в этот раз не оправдались. Поражение революции заставило Ленина снова эмигрировать. Но рук он не сложил, так как считал неизбежным повторение революционного подъема. *«Разбитые армии хорошо учатся»,* — позже писал об этом периоде Ленин. За границей (сначала в Женеве, потом в Париже, а затем в Кракове) вождь большевиков пробыл до 1917 года. В 1912 году большевики и меньшевики окончательно размежевались (во многом благодаря курсу Ленина на раскол) и свои взгляды лидер большевиков стал проводить через новую партийную газету «Правда». Из эмиграции Ленин также руководил деятельностью большевиков в IV Государственной думе, являлся представителем РСДРП во II Интернационале, писал статьи по партийным и национальным вопросам.

Первая мировая война застала Ленина близ Кракова и вынудила его перебраться из Австро-Венгрии в нейтральную Швейцарию. Охарактеризовав войну как империалистическую и несправедливую с обеих сторон, а значит — чуждую интересам трудящихся масс всех воюющих государств, Ленин занял пораженческую позицию. Выдвигая лозунг поражения российского правительства, лидер большевиков отстаивал тезис о необходимости превращения войны империалистической в войну гражданскую, которая должна завершиться созданием социалистических Соединенных Штатов Европы. Объясняя суть «революционного пораженчества», Ленин писал, что самое страшное зло для развития народа — это *«большая внешняя победа угнетающего его правительства»*, а поэтому использовать внешнеполитические затруднения правительства не только право социалиста, но и его обязанность. *«Война русскому царизму.., война без малейшего перемизия, война не на жизнь, а на смерть!»* — таким был ленинский лозунг в это время.

Несмотря на то, что Ленин всеми силами стремился к революции, ее наступления в 1917 году он не предвидел. В январе 1917 года лидер большевиков писал: *«Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»*. Получив известие о Февральской революции из швейцарских газет, Ленин сразу же сформулировал задачи большевистской партии:

«Борьба с целью международной пролетарской революции и завоевания власти «Советами рабочих депутатов». Но попасть в революционную Россию ему довелось только в апреле 1917 года. При содействии немецких властей поезд с Лениным и его соратниками был пропущен через территорию Германии и прибыл в Петроград. Вопреки появившимся еще в 1917 г. слухам о том, что Ленин якобы был немецким шпионом, содействие немцев русским большевиками объяснялось другими мотивами: на данном этапе интересы страны, ведущей с Россией войну, и пораженцев-ленинцев, стремившихся к борьбе с Временным правительством, совпадали.

3 апреля 1917 года Ленин прибыл в Россию. Социалисты устроили ему торжественную встречу, вождя большевиков лично встречал председатель исполкома Петросовета меньшевик Н.С. Чхеидзе, от лица Совета выразивший надежду на «сплочение рядов всей демократии». Но первое же выступление Ленина разрушило эти надежды. Он призвал к «социальной революции», что вызвало смущение даже среди ленинских сторонников, для которых эта идея показалась слишком радикальной. Однако Ленин упрямо гнул свою линию. Выступив в ночь с 3 на 4 апреля на состоявшемся во дворце Кшесинской большевистском собрании со своими «апрельскими тезисами», он громил идеи, поддерживаемые значительной частью социал-демократии — о расширении буржуазно-демократической революции, поддержке Временного правительства и защите революционного отечества в войне, изменившей свой характер с падением самодержавия. Вместо этого Ленин провозгласил свои лозунги: «Никакой поддержки Временному правительству» и «вся власть — Советам». Главной задачей была объявлена подготовка пролетарской революции для свержения власти буржуазии и переходу к социалистическому строю. По выражению Л.Д. Троцкого, *«партия оказалась застигнута врасплох Лениным не менее, чем Февральским переворотом... прений не было, все были ошеломлены, никому не хотелось подставлять себя под удары этого неистового вождя».*

«Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных, — вспоминал Н.Н. Суханов. — Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного. Казалось, из своих логовиц поднялись все стихии, и дух всеокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников. Ленин вообще очень хороший оратор — не оратор законченной, круглой фразы, или яркого образа, или зах-

ватывающего пафоса, или острого словца, — но оратор огромного напора, силы, разлагающий тут же, на глазах слушателя, сложные системы на простейшие, общедоступные элементы и долбящий ими, долбящий, долбящий по головам слушателей до бесчувствия, до приведения их к покорности, до взятия в плен. (...) Ленин говорил, вероятно, часа два. Мне не забыть этой речи, но я не стану и пытаться воспроизвести ее в подлинных словах хотя бы в небольшом экстракте. Ибо совершенно безнадежное дело — воссоздать хотя бы слабый отблеск впечатления от этой речи: мертвая буква не заменит живого, бурлящего красноречия, главное же — нельзя вернуть неожиданности и новизны содержания, которое теперь уже не будет аффрипировать, не будет удивлять, а будет звучать теперь банальностью и... очень печальной банальностью...»

Кадет И. Куторга так характеризовал Ленина-оратора: «Ленина я слышал во время одной из его знаменитых речей с балкона дворца Кшесинской. Помню, мы, гимназисты-буржуи, собралась целой большой ордой: наше боевое задание — сорвать речь Ленина. Мы уже знали и от тех, кого считали нашими политическими руководителями, и еще больше путем собственного наблюдения, что именно от этого страшного человека исходит днем и ночью раздуваемое пламя социальной ненависти. Первое впечатление было не сильным. Речь спокойная, без жестов и крика, внешность совсем не «страшная», можно сказать сугубо мирная. Содержание этой речи я понял не столько по словам коммунистического вождя, сколько по поведению окружающих. Если при слушании Зиновьева и Троцкого мы присутствовали (как бы) при пропаганде гражданской ненависти и войны, то здесь то и другое было уже как бы фактом. То, к чему те призывали, у Ленина было уже очевидностью, фактом, чуть ли не чем-то само собой понятным и почти обыденным. И это сказывалось на толпе. Слушатели Зиновьева ругались, безобразничали и грозили; слушатели Ленина готовы были с деловым и занятым видом сорвать у прихвостней буржуазии и ее детенышей головы. Надо признаться — такого сильного раствора социальной ненависти мы еще не встречали и мы «сдали», не только испугались, но психологически были как-то разбиты. Конечно, митинга Ленина мы не сорвали и сорвать его не могли».

С бешеной энергией включившись в работу, Ленин только с апреля по июль 1917 года написал более 170 статей, брошюр, проектов резолюций, воззваний. В дни I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившем в июне 1917 года, Ленин заявил о готовности большевиков немедленно взять власть в стране в свои руки.

На слова меньшевика И.Г. Церетели, что «в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть...», последовал знаменитый ленинский ответ — «Есть!» (позже вошедший в историю в виде фразы «Есть такая партия!»). А уже через месяц петроградские большевики приняли участие в антиправительственных выступлениях 3—4 июля 1917 под лозунгами передачи власти Советам и переговоров с Германией о заключении мира. 20 июля Временное правительство отдало приказ об аресте Ленина по обвинению в государственной измене и организации вооруженного восстания. Большевицкий вождь снова вынужден был уйти в подполье. Изменив внешность, он скрылся недалеко от Петрограда — в шалаше на озере Разлив, а затем — в Финляндии.

Нелегально вернувшись в Петроград осенью 1917 г., Ленин приступил к организации восстания, предлагая действовать решительно, организованно и быстро. 25 октября 1917 года Временное правительство было арестовано, и в тот же день на открывшемся II Всероссийском съезде Советов были приняты ленинские декреты о мире и о земле и образовано новое правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. Октябрьская революция, ставшая логическим продолжением революции февральской, привела к еще большему расколу общества и, как следствие, породила братоубийственную Гражданскую войну, кровавый террор и уничтожение всего того, что хоть как-то ассоциировалось со «старым миром».

С конца 1917 по 1924 год Ленину предстояло проявить себя уже в новом качестве — из лидера радикальной партии он превратился в создателя и главу первого в мировой истории социалистического государства. Большевикам не только удалось «подобрать» власть, совершенно дискредитированную за несколько месяцев либералами и социалистами, но и удержать ее, разгромив всех своих врагов и конкурентов. Создав новый тип государства, за который была заплачена страшно высокая цена, Ленин показал себя одной из самых выдающихся личностей XX века мировой истории. Но роль, сыгранная им в русском истории, вот уже 100 лет продолжает вызывать горячие споры. Одни его люто ненавидели, другие — боготворили. И если И.А. Бунин называл Ленина «выродком» и «нравственным идиотом от рождения», явившим миру «нечто чудовищное», то М. Горький считал, что «туча лжи и клеветы» вокруг имени «вождя мирового пролетариата» никогда не затмят «факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира». И таких противоположных мнений о

Ленине можно привести превеликое множество. Для кого-то он до сих пор остается «вождем мирового пролетариата» и «творцом новой жизни», для кого-то - кровавым палачом русского народа, разрушителем православной страны, принесшим на алтарь своей утопии миллионы человеческих жизней...

«Прошло много лет, и судьба в самом деле исключительным образом отметила моего тихого и скромного школьного товарища, превративши его в мировую известность, в знаменитую отныне историческую личность — Владимира Ильича Ульянова-Ленина, сумевшего в 1917 году выхватить из рук безвольного Временного правительства власть, в несколько лет путем непрерывного кровавого террора стереть старую Россию, превратив ее в СССР, и произвести над ней небывалый в истории человечества опыт — насаждения коммунистического строя на началах III Интернационала, — писал в своих воспоминаниях бывший гимназический товарищ и политический антипод Ленина А.Н. Наумов. — Ныне положен он в своем нелепом надгробном московском мавзолее на Красной площади для вечного отдыха от всего им содеянного... Наследство оставил Ульянов после себя столь беспримерно сложное и тяжкое, что разобраться в нем в целях оздоровления исковерканного сверху донизу России сможет лишь такой же недюжинный ум и талант, каким обладал отошедший ныне в историю, гениальный разрушитель Ленин...»

Александр НИКИШИН

ТЕРРОРИЗМ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛИБЕРАЛ-БОЛЬШЕВИЗМА

В год столетия Октябрьской революции враги России пытаются применять против нас те же, что и сто лет назад, террористические методы. В последнее время в российском политикуме стал вырисовываться весьма странной союз — союз коммунистов и радикальных либералов. Инициатором или как минимум человеком, вбросившим в инфопрос-

транство эту идею, стал Алексей Навальный. И хотя обсуждение этого вброса в либеральных СМИ и соцсетях показало почти полное неприятие этой идеи с обеих сторон, очень многие отметили и очевидные преимущества от такого объединения. В основном это были крупные «теоретики» и радикальные группы.

Действительно, оба движения, либералы и коммунисты, вышли из одной колыбели, имеют одних отцов-основателей, теоретическую базу и громадный опыт борьбы. Можно сказать, что оба эти направления — результат раскола, оформившегося в 1927 году, когда Иосиф Сталин предотвратил очередную революцию своих прежних соратников под руководством Льва Троцкого. В результате немалая часть большевиков эмигрировала на Запад, поучаствовала в строительстве социализма в Европе, где теперь у власти в большинстве государств находятся социалистические партии, и провозгласила глобализм целью развития человечества.

Российские либералы — плоть от плоти западных глобалистов, наследников Троцкого, а российские коммунисты в своей массе считают себя наследниками Сталина и теории развитого социализма. Хотя никто до сих пор не удосужился научно сформулировать этот термин. Объединение коммунистов с либералами может принести обоюдную выгоду обоим движением, так как их ресурсы и возможности взаимно дополняют друг друга. У коммунистов есть законодательные инициативы Государственной думы и широчайшее представительство в местных органах власти, огромный протестный электорат, объединенный разветвленной структурой местных комитетов и ячеек, а также собственные СМИ. У либералов большое количество узнаваемых публичных личностей, в том числе и в высших эшелонах власти, экономике и бизнесе, контроль многих секторов экономики, культуры, финансов, образования, крупнейшие СМИ, разветвленная сеть интернет-ресурсов с большим количеством сторонников и, главное, зарубежная поддержка и большие деньги. И если эти две силы объединятся, Россия получит огромный деструктивный центр, способный совершить очередную революцию.

В России снова стали востребованы «профессиональные революционеры», хотя эта «профессия» не описана ни в одном профессиональном справочнике. Только сейчас люди, подобные Ленину и Троцкому, «профессиональные революционеры» XXI века, имеют огромную научную, практическую и финансовую базу, плюс опыт работы во всех горячих точках мира, где происходили «цветные революции». Подоб-

ная ситуация уже складывалась в России ровно 100 лет назад и закончилась величайшей трагедией русского народа.

Сейчас в обеих политических силах хватает радикально настроенных людей, а мировой опыт либералов-глобалистов по созданию различных террористических организаций и использованию их в своих политических и экономических целях способен создать из этих людей в России настоящий боевой террористический таран против власти и общества. Тем более что коммунисты-большевики тоже имеют серьезный опыт достижения своих целей методами политического террора. Их партия первоначально и создавалась как обыкновенная террористическая организация. Чтобы не быть голословным, предлагаю вспомнить историю создания и методы партии большевиков — партии Ленина.

В начале 90-х годов XIX века существовала одна политическая группа, о которой очень не любит вспоминать официальная коммунистическая историография, но прямой наследницей которой стала ленинская партия большевиков. В крупных российских городах — Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге появилась организованная сила, которая называла себя «босьяками». Как пишет С. Мицкевич в своей книге «На заре рабочего движения в Москве» (1919 г.), это движение хотело опереться в своей революционной борьбе на многочисленный слой босьяков, а также разночинцев, понимая под этим словом мелкую служащую интеллигенцию. Босьяки стали одной из основ будущего большевизма и ленинизма. Движение также получило название «махаявщина» — по фамилии польского социалиста-революционера Махаевского, автора книги «Умственный рабочий». Махаевского и Ленина объединяло стремление опираться исключительно на деклассированный элемент. Но если Ленин это не афишировал и даже скрывал, то у Махаевского эта цель открыто провозглашалась как программа действий. Согласно этой программе, классовым идеалом пролетариата являлся *«не социализм, а эгалитаризм — уравнивание доходов, имущественное равенство, экспроприация всего привилегированного общества, не исключая и интеллигенции с ее знаниями»*. Движущей силой и здоровым элементом рабочего движения Махаевский считал воинствующих хулиганов, босьяков, люмпенов, вносящих в рабочую среду живую струю «здорового пролетарского смысла».

Махаевский в дальнейшем отошел от этого политического движения, а вот Ленин взял его на вооружение и сделал основным девизом будущей революции. Созданная на первом съезде в 1896 году при организационной поддержке «Бун-

да» (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России) в отсутствие Владимира Ленина РСДРП, после съезда полностью обезглавленная арестами всего руководства, досталась ему в плачевном аморфном состоянии. И он стал строить партию по новым организационным принципам, принципам классической секты. Уже на втором съезде в 1903 году Виктор Мандельберг (Посадовский) провозгласил, что «все демократические принципы должны быть исключительно подчинены выгодам нашей партии, включая и неприкосновенность личности». (II съезд РСДРП. Протоколы, М., 1959. С. 181.). После этого съезда Ленин стал резко расширять социальную базу партии за счет лишенных национального сознания полуинтеллигентских слоев, недоучившихся студентов и даже гимназистов и семинаристов. Однако опорой, основой партии оставались люмпен-пролетарии, уголовники и босяки. Как писал вождь мирового пролетариата, привлекать к большевистской партии «мы должны всех без исключения: и кустарей, и пауперов, и нищих, и прислугу, и босяков, и проституток» (Ленин В.И. ПСС, 4-е изд. Т. 9. С. 214–215.).

Переняв опыт многочисленных российских сионистских сект, Владимир Ленин стал строить структуру партии на жестких диктаторских принципах абсолютного подчинения. С несогласными с его методами внутри партии он расправлялся любыми методами, включая клевету, шельмование, отказ от своих слов и обещаний. Как писал один из его соратников, «Ленин был жестоко упрям на все случаи жизни, не переносил чужих мнений, по поводу чего они ни высказывались бы, и не в одной политике, завистливый до иступления, он не мог допустить, чтобы кто-нибудь, кроме него, остался победителем. Жестокое и злое проступало в нем — как в любом споре, так и в игре в крокет или в шахматы, когда он проигрывал. Проявить независимость, поспорить с ним о чем угодно или обыграть его в крокет — значило раз навсегда приобрести себе врага в лице Ленина» (Б.Никитин «Роковые годы», гл.19).

Два идеологических столпа, на которых Ленин строил партию, были антиправославие и терроризм. В Православии он видел огромного конкурента за души людей. Он писал: «...всякая религиозная идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость... самая опасная мерзость, самая гнусная зараза» (О религии и церкви. М., 1977. С. 31.). О террористических методах борьбы он еще в 1901 году заявлял: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора». (Ле-

нин В.И. ПСС 4-е изд. Т. 9. С. 316.). Исходя из этих двух принципов и было начато строительство партии большевиков.

В основе организационной структуры партии был положен смешанный мафиозно-сектантский принцип. Было создано несколько уровней посвящения в тайну организации. Всей полнотой информации владел только тот, кто находился на верху пирамиды. Он согласовывал свои действия с боевым центром. Уровнем ниже находились тайное оперативное руководство и инструкторы боевой организации. Еще ниже — исполнители различных актов террора, которые получали задания от представителей более высокого уровня и следовали их точным инструкциям. Внизу организации была «массовка» — рядовые члены, которые привлекались к работе, но ничего не знали о характере деятельности и составе высших уровней посвящения. Самой боевой и жесткой была Уральская организация партии в Екатеринбурге. Боевой частью руководил будущий «серый кардинал» революции Яков Свердлов. Он, в свою очередь, подчинился «Боевому центру» при ЦК партии в составе Моисея Лурье (Михаил Иванович), Азария Шкляева (Лазарь), Эразма Кадомцева (Пётр-Павел), Уринсона (Виктор), Минея Губельмана (Ярославский). Свердлов создал уникальную структуру организации, позволившую партии практически безбоязненно совершать террористические акты, погромы, бандитские налеты и экспроприации.

При каждом комитете РСДРП Я.Свердлов создавал 3 дружины. Одна была легальная и известная всем, в нее входили руководство и рабочие. Остальные две были тайными. Каждой дружине присваивался номер — №1, №2 и №3 (Воспоминания Кадомцевых Э.С. и О.М., ноябрь 1924 года. Пермский государственный архив.). Основной боевой единицей были вторые дружины, состоящие, в свою очередь, из «десятков», отрядов, в которые входили молодые люди из деклассированных элементов. Каждый «десяток» имел свое специальное назначение: отряд разведчиков (разведка и слежка), отряд минеров (закладывание мин), отряд бомбистов (бомбометание), отряд стрелков (стрельба из огнестрельного оружия). Также во второй дружине был отряд мальчиков-разведчиков и распространителей листовок и партийной литературы. Материальное обеспечение отрядам обеспечивали многочисленные мастерские бомб, схроны с оружием, химические лаборатории и слесарные мастерские. Боевики второй дружины также работали в подпольных типографиях, подделывали печати и изготавливали документы. Каждым

отрядом руководил десятский. Отряды, в свою очередь, разбивались на «пятки» со своими руководителями. Каждый член «пятка» знал только своего непосредственного руководителя, который, в свою очередь, — только своего десятского. Функциями вторых дружин были совершение погромов и политических убийств полицейских, представителей власти, «черносотенцев», любых неугодных партии лиц. Кинуть бомбу в квартиру, где за столом в семейном кругу сидел неугодный человек, было в порядке вещей. Некоторые боевики специализировались на убийствах полицейских и их агентов, некоторых убивали на службе и даже в их домах и квартирах. Существовал популярный способ теракта: делались фиктивные доносы и убивали пришедших на обыск полицейских. Во время таких террористических актов гибли немало родственников и близких, а также случайных людей.

Грабежи и экспроприации обеспечивали партию необходимыми средствами. Грабили банки, кассы, конторы, транспорт с деньгами. Каждая экспроприация проходила с многочисленными жертвами. Каждая акция отличалась тщательной проработкой деталей — собирали сведения, распределяли обязанности, чертили планы, изготавливали ключи, оружие, бомбы, продумывали пути отхода, делали хронометраж. В дружине существовала круговая порука и «повязка кровью». Каждый боевик должен был осуществить минимум один теракт, уметь управлять лошадью, каретой, паровозом, автомобилем, хорошо знать анатомию человека и в совершенстве владеть всеми видами холодного и огнестрельного оружия и взрывных устройств. Для получения необходимых навыков устраивались постоянные тренировки и спарринги. К примеру, послужной список террориста К.А. Мячина: в 1905 году — метание бомб в казаков, в 1906 году — подготовка к взрыву воинских казарм, метание бомбы в квартиру руководителя «черносотенцев», в 1907 году — метание бомбы в отделение полиции, захват оружия, захват динамита, ограбление почтового поезда с деньгами (похищено 25 тыс. руб.), ограбление самарских артельщиков (похищено 200 тыс. руб.), в 1908 году — нападение на уфимское казначейство, первое миасское ограбление (похищено 40 тыс. руб.), убийство надзирателя Уварова, второе миасское ограбление (похищено 95 тыс. руб.). Членами уральских вторых дружин были многие будущие убийцы царской семьи, такие как П.З. Ермаков. Вторые дружины не брезговали дружбой и сотрудничеством с откровенными бандитами.

На Урале существовали так называемые «лесные братья» — банда, возглавляемая товарищем Я. Свердлова Александром

Лбовым. «Лесные братья» вместе с большевиками совершали убийства, ограбления, «эксы», рэкет, но часть денег оставляли себе, а не передавали в партийную кассу. Связь между А.Лбовым и Я.Сверловым, а также координацию совместных действий осуществляла жена руководителя большевиков Минея Губельмана — К.И. Кирсанова. Над вторыми дружинами стояли легальные первые дружины, члены которых обладали высшей степенью посвящения в тайны организации. Первые дружины состояли из двух частей — выборной и кооптированной. В них руководитель мог внести любого человека по своему усмотрению. В выборную часть входили по одному члену из каждого отряда второй дружины и командующий всей боевой организацией, «тысяцкий», избравшийся представителями 1-й и 2-й дружин совместно. Также туда входил постоянный представитель партийного комитета. Кооптированная часть первой дружины состояла из различных боевых специалистов — инструкторов, руководителей мастерских по изготовлению бомб и оружия, завхоза, казначея и секретаря. Выборная часть формировала совет боевой организации, выносящего решения, кооптированная — ее штаб, который разрабатывал устав организации, инструкции, стратегию и тактику боевых акций, а также руководил обучением бойцов и вооружением. В третью дружину входили агитаторы, массовики, члены партийных комитетов и новые члены партии. В третьих дружинах проходило боевое обучение под руководством членов второй дружины. Каждый инструктор должен был обучить и подготовить «пяток» из третьей дружины. Наиболее подготовленные члены третьей дружины после проверки терактом переходили во вторые дружины. Подготовивший их инструктор «отвечал головой» за своих подопечных. Благодаря такой структуре достигалась максимальная конспирация, которая включала максимальную ответственность, вплоть до смерти, за каждое порученное дело и каждого обученного террориста.

Абсолютным руководителем с диктаторскими полномочиями всех террористических большевистских организаций был В. Ленин, который лично следил за проведением многих операций, эксов и терактов. Г.В. Плеханов признавал: «В Ленине поражает его неразборчивость в средствах, особенно обнаружившаяся в 1905—1907 годах», а также мотивы «личного честолюбия» (ГАРФ, ф. 1826, ц. 12, ч. 1, л. 100, л. 112). Позднее, когда за уголовные преступления стали арестовывать членов большевистской партии не только внутри России, но и за рубежом, Ленин озаботился имиджем своей партии. Перед каждой акцией исполнители пи-

сали заявления о выходе из партии, а после успешного завершения — вновь о приеме. Этот трюк позволял сохранять «лицо» РСДРП и позволял ей выглядеть солидной политической партией.

Методы и навыки боевой террористической деятельности большевики в полной мере проявили после своего прихода к власти, развязав массовый террор против своего народа, применяя химическое оружие, массовые расстрелы и пытки, реквизицию всего имущества, создавая искусственный голод и атмосферу ужаса и нереальности происходящего. Многие из боевиков вторых дружин стали чекистами, руководителями лагерей, прославились своими зверствами и нечеловеческой жестокостью. Справедливости ради надо сказать, что немногие из них пережили 1937 год, что вызывает понятную злобу и ненависть к Иосифу Сталину у современных российских либералов, многие из которых являются их прямыми потомками.

В начале XX века в России большевиками проводился ярко выраженный политический террор против госслужащих, представителей власти, силовых органов, общественных и религиозных деятелей, купцов и предпринимателей, патриотических союзов и организаций, профессиональных союзов. Только за один год с октября 1905 года было убито и ранено 3611 государственных чиновников. К концу 1907 года число чиновников, погибших и искалеченных боевиками, превысило 4500 человек. К этому нужно добавить 2180 убитых и 2530 раненых частных лиц. С января 1908-го по май 1910 года отмечено 19 957 терактов и экспроприаций, в результате которых погибли 732 должностных лица и 3051 гражданин, а 1022 чиновника и 2828 частных лиц получили ранения. Всего за 1901—1911 гг. террористами было убито и ранено около 4,5 тыс. государственных служащих различного уровня. Попутно было лишено жизни 2180 и ранено 2530 частных лиц. В общей сложности в 1901—1911 годах, жертвами террористических актов стали около 17 тыс. человек.

А как же на подобный террор реагировал «кровавый царизм»? Как это ни странно, Российская Империя имела одно из самых либеральных в мире уголовных законодательств. Число смертных казней, как абсолютное, так и относительное было самым низким в мире. За 25 лет с 1876-го по 1900 г. было казнено 419 человек, то есть по 16,5 в год. Для сравнения, в 1866—1899 гг. в США было казнено 2928 человек. В самый разгар террора в России власть также крайне либерально относилась к террористам. Чем закончился этот либерализм власти, все прекрасно знают — переворотом, Граж-

данской войной, геноцидом народа, почти полным уничтожением русской государственности, морали и веры.

Сейчас рассчитывать на прежний либерализм власти в отношении терроризма явно не приходится. Реформированные структуры Росгвардии готовы пресечь любое проявление терроризма в стране — конечно, если будет приказ. Приказы же, в свою очередь, зависят от политической воли и решимости тех, кто их отдает. А с этим у части российских элит могут возникнуть проблемы. Особенно если террор будет совмещаться с массовыми уличными акциями по технологиям «майдана». Декан факультета политологии МГУ Андрей Шутов на семинаре «Будущее России» заявил: *«Раньше лидеры давали контент, содержание и только после этого выводили заинтересованных. Сейчас другая технология. Сначала вывести, а потом дать контент. Это очень опасно, потому что человек на улице уже подчиняется законам толпы. В этом контексте лидер может возникнуть молниеносно. Зажег фразой — и вперед»*. А учитывая, что Навальный не брезгует ничем, даже политической педофилией, в «зажженной» толпе могут оказаться и дети, жесткие действия правоохранителей против которых могут взорвать, в свою очередь, уже общество, не говоря уже об информационной буре за рубежом.

Тесные связи и взаимодействие псевдонационалистов в лице В. Мальцева, коммунистов в лице В. Рашкина, и либералов в лице «Парнаса», были продемонстрированы во время акций «Димон ответит» по всей России. На многих акциях лозунги против коррупции мгновенно переросли в политические требования, не связанные с заявленными, а молодежь под гитары распевала Виктора Цоя: «Мама — анархия, папа — стакан порвейна». Так работают западные технологии.

Доцент факультета политологии МГУ Иван Чихарев заявил относительно событий 2012 года: «На основе анализа сетевого контента было установлено, что формирование месседжей было связано с частью российской блогосферы. Была разработана идеологическая схема, когда Навальный парадоксальным образом встроился и в либеральную, и в «националистическую» повестку. За этим стояли определенные центры, созданные при американских университетах. Эти технологии продолжают действовать и сегодня».

Я бы добавил, что к этой схеме сегодня подключили коммунистов вместе с другими леворадикальными марксистскими течениями. Тем более что в их среде есть множество своих «навалных», деятельность которых сдерживает лишь недостаток денег и западной поддержки. Трения между российскими левыми и либералами объясняется прежде всего тем,

что Запад выбрал либералов. Он их полностью поддерживает и финансирует. Левым «навальным» остается лишь скрипеть зубами, видя какое количество средств и славы получают либеральные «навалы». Эта ненависть перекинулась и на прежнюю демократическую администрацию США. Левые блогеры усиленно критиковали западных политиков и дипломатов, посвящая им огромную часть производимого контента. Однако с приходом новой республиканской администрации Трампа количество этого контента уменьшилось на порядки, а у многих свелось к нулю. Левые ждут, что на этот раз Запад выберет их, и поток долларов и евро потечет на их счета, а не к либералам. Либералы для коммунистов сейчас являются не противниками, а конкурентами. Наиболее радикальная часть левых пытается внедриться и участвовать в любых федеральных и международных молодежных мероприятиях. К примеру, на организованном Коммунистами России круглом столе, посвященном проведению XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Сочи, который прошел в начале апреля в Саратове, представитель молодежной организации «Рот Фронт» так агрессивно «достал» модератора, что последний с целью успокоения юноши и возможности конструктивно продолжать работу пообещал организации участие в фестивале.

Современные большевики очень активно готовятся возродить и применить опыт 100-летней давности, совместить его с современными технологиями и адаптировать к российской реальности. Идет усиленная идеологическая накачка молодежи с применением всех методов информационной войны. Именно на родине самых успешных и жестоких большевистских организаций, в Екатеринбурге, прошла конференция «Октябрьская революция: мифы и реальность», организованная движением «Суть времени». С точки зрения информационных технологий и пропаганды очень характерны темы докладов на конференции: «Уничтожали ли большевики культуру? Распродали ли большевики музейные ценности?», «Свергали ли большевики царя?», «Адмирал Колчак: национальный герой или военный преступник и пособник интервентов?»

Нам необходимо понять: вырабатываемые Западом новые технологии обольванивания и «информационной» агрессии чаще всего опережают меры реагирования на них. Наивно рассчитывать только на силовые структуры и игнорировать трагический опыт нашей страны. «Тот, кто не помнит своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его вновь» (Джордж Сантаяна).

МОСКВА, 1937

В середине 1930-х советское общество было потрясено политическими процессами. Потрясено тем, что известные всей стране пламенные революционеры, герои Гражданской войны, борцы за власть Советов (этим словосочетанием маскировалась диктатура большевиков), за дело Мировой революции вдруг оказались контрреволюционерами, врагами народа и агентами иностранных разведок.

Начало было положено процессом «Объединённого троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 года, когда на скамье подсудимых оказалось 16 человек во главе с ближайшими соратниками Ленина, бывшими членами Политбюро ЦК ВКП(б) Зиновьевым (Апфельбаумом) и Каменевым (Розенфельдом). Затем в январе 1937-го состоялся процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра» из 17 человек во главе с Пятаковым, Сокольниковым (Бриллиантом) и Радеком, тоже близкими соратниками Ленина. Затем в июне того же года — процесс «Антисоветской троцкистской военной организации» (маршал Тухачевский, командарм Якир и др.). И, наконец, в марте 1938-го — процесс «Антисоветского правотроцкистского блока» во главе с бывшими членами Политбюро Бухариным и Рыковым (Рыков был также и председателем Совнаркома).

Остальные процессы относились к деятелям меньшего масштаба и на общественное сознание действовали не так сильно — народ уже проникся мыслью, что все экономические трудности и неразберихи проистекают по причине подрывной деятельности врагов Советов, пробравшихся на самые высокие государственные и партийные посты. Ставить же под сомнение правильность политики ЦК ВКП(б), а тем более говорить об этом вслух, осмеливались уже только самоубийцы. Более того, самые преданные государству представители народа так заострили свою бдительность, что даже случайные производственные ошибки и неудачи относили на счет происков врагов народа и сигнализировали об этом

куда следует. Одновременно с громкими процессами, в столице и по всей стране проходили более «тихие», на которых расстрельные приговоры выносили не суды, а «тройки» или ОСО («Особые совещания»).

С высоты XXI века все эти процессы выглядят, конечно, липовыми. Ни Зиновьев, ни Сокольников, ни Бухарин, ни даже сам высланный за границу Троцкий врагами Советской власти и врагами партии никогда не были. У них не было и больших политических разногласий со Сталиным (кроме одного, о котором скажем ниже). Если в 1926—1927 гг. Сталин клеймил блок Троцкого—Зиновьева за идею ускоренной индустриализации за счёт закабаления крестьянства и если в то время он занимал общую с Бухариным и Рыковым позицию, то в 1929 г. (когда «ленинская гвардия» в основном уже была отлучена от высшей власти) он взял эту идею на вооружение при проведении коллективизации и составлении первого пятилетнего плана. Рыкова же и Бухарина обвинил в правом уклоне и неверии в силы партии и народа (последние двое, кстати, оказались всё-таки правы: пятилетний план выполнить не удалось, продуктивность сельского хозяйства резко упала, и всё это завершилось страшным голодом в 1932—1933 гг.).

Конечно, Сталин растоптал внутрипартийную демократию, которая существовала при Ленине и которая допускала инакомыслие, споры, а до 1921 года — и разные политические «платформы», но — только среди высшего партийного руководства. Конечно, с точки зрения общепринятого гуманизма, Сталин боролся с противниками и утверждал свою единоличную власть самыми жесткими методами. И, конечно же, в жернова политических репрессий по вздорным доносам попало множество совершенно невинных людей (в органах НКВД даже существовало своеобразное «соцсоревнование» по количеству разоблачённых «врагов»).

Однако с точки зрения большевизма, считавшего христианскую мораль реакционной, а потому не признававшего вообще никакой морали, кроме «революционной целесообразности», действия Сталина вполне гуманны и логичны. Ведь большевики во главе с Лениным, Троцким и Свердловым уже на второй день после захвата власти развязали неслыханный кровавый террор против своего самого главного политического «оппонента» — народа. Террор этот не прекращался никогда, даже в годы нэпа (как писал Ленин Каменеву в 1922 г., «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору»). Не только за неподчинение власти, но даже за «чуждое» социальное происхождение большевики-ленинцы безжалостно карали «виновных» и часто — смертью.

Тот террор, а по существу — геноцид русского народа, по числу жертв был несоизмеримо страшнее сталинского. Его организаторами и палачами были как раз те, кто потом стали жертвами сталинских репрессий. Одни, как Бухарин, были идейными вдохновителями красного террора. Другие, как Зиновьев и Каменев, давали политические установки. Третьи, как Тухачевский, Ягода, Пятаков, Якир, Петерс, Фриновский, отдавали непосредственные приказы, а четвертые — преимущественно чекисты-«интернационалисты», прежде чем расстрелять, загоняли жертвам под ногти иголки, выжигали на теле кресты или сдирали с живых кожу. Видимо, поэтому известный еврейский писатель Леон Фейхтвангер, приехавший в СССР понаблюдать за сталинскими процессами, не нашёл в них ничего предосудительного. Не нашёл он даже антисемитизма (хотя процент репрессированных высокопоставленных евреев был весьма велик). Об этом он и написал в своей книге «Москва, 1937».

Писатель, однако, упустил из виду важнейшую причину тех событий: Сталин направил русло своей политики на строительство нашего государства («победа социализма в отдельно взятой стране»), а его оппоненты продолжали, по выражению В.Кожина, «бредить химерами мировой революции», им было «на Россию наплевать». В ходе следствий выяснились и некоторые вещи (не оглашённые на судебных заседаниях), которые заставили Сталина по-иному взглянуть на роль Троцкого (Бронштейна) и его соратников в Октябрьской революции. Например, Раковский, один из обвиняемых по делу «Правотроцкистского блока», на допросе показал, что все три «русские» революции финансировались банкирами США и Германии — в основном, членами клана Ротшильдов. Что Троцкий был прямым их ставленником. Что все эти революции были тщательно спланированным международным заговором против России. Что, наконец, «весьма сильное учение» Маркса есть ловко состряпанная приманка для простофиля, всего лишь «научный» камуфляж истинных целей мировой закулисы. Эти и подобные показания ложились на стол Сталину.

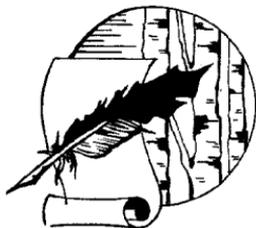
Таким образом борьба Сталина с соперниками за установление своей единоличной власти, по сути, была борьбой за независимость Советского Союза, за освобождение страны от «пятой колонны» — агентов Фининтерна. Именно этим, в первую очередь, следует объяснить жестокость приговоров врагам независимости государства — действительным врагам, а не мнимым. Именно поэтому троцкисты ещё в 1920-е годы «обзывали» Сталина «национал-коммунистом» и об-

виняли его в отходе от марксизма-ленинизма и интернационализма, в предательстве интересов мировой революции. Что ж, справедливо обвиняли! Ведь понятия «мировая революция» и «интернационализм» для посвящённых имели в те годы тот же смысл, что сегодня «глобализация», а именно — путь к захвату всемирной власти международными заговорщиками.

Что касается высокопоставленных военных, уничтожение которых, по утверждению Хрущёва и его многочисленных последователей, привело якобы к поражениям в начале Великой Отечественной войны, то в действительности Тухачевский был одним из организаторов заговора, причем не против Сталина лично, а против государства. Это подтверждается первым же письменным показанием маршала: «Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию всё касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа. Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузов, Примаков, Путина и др., о чем подробно покажу дополнительно».

Факт заговора подтверждает и самоубийство начальника политуправления РККА Гамарника накануне ареста.

Но, наверное, лучшую оценку тем событиям даёт запись в дневнике Геббельса 8 мая 1943 г.: «Шла конференция рейхс-ляйтеров и гауляйтеров... Фюрер вспомнил случай с Тухачевским и выразил мнение, что мы были полностью неправы, когда поверили, что таким способом Сталин уничтожит Красную армию. Верным было обратное: Сталин избавился от оп-позиции в Красной Армии и, таким образом, положил конец поражечеству».

Светлана СУПРУНОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Рядом с народом

Разведусь я с поэтом, и уйду я в народ,
То бишь к дворнику Федыке...
Буду двор с ним мести по утрам,
Собирать стеклотару...

Диана Кан

Эх, знал бы Герцен, что затеял,
А мне теперь вот разгребать.
Народ всю жизнь пахал и сеял,
Кормилец, в общем, так сказать.
Подумалось: ведь нету риска,
С народом и себя найду.
Чтоб рядом быть, ну очень близко,
Я к Федыке-дворнику уйду.
Какие тут уже сомненья,
Я буду с ним гонять чай,
Ещё читать для просвещения
Стихи (конечно же, свои).
Читать о городе и роще
(А Федыка и всхрапнёт порой).
Оденусь в старое, попроще, —
И ну с утра махать метлой!
Ах, всё ж решусь, задумки пылки,
Ведь можно жить и без строки,
Лишь собирать в мешок бутылки,
Сгребать окурки и плевки.
Захочет Федыка похмелиться —
Я тут как тут, аж гордость прёт.
Где Кан? — встревожится столица.
Вестимо, где — ушла в народ!

Теучки в классике, утечки,
И шепоток пройдёт опять:
Такие, знаете, словечки
Порою стала выдавать!
И голос странный, как продутый,
И взгляд как будто нездоров,
Краснеет даже критик Лютый,
Слыхавший много разных слов.
Но стоп! Задето за живое.
На кой такие женихи.
Взбредёт же в голову такое,
Когда не пишутся стихи!..

В тумане

Зачем пишу я строки эти,
Признаюсь, брат, не знаю сам.
Гляжу в окно, там бомж в кювете
Буылки ищет, дует ветер,
И пустошь вторит небесам...

Николай Зиновьев

Нет, я не вышел на дорогу,
Да и чего мне делать там?
Опять пустыня внемлет Богу,
А пустошь вторит небесам.

Гляжу в окно, там всё другое,
И шёпот слышится везде,
Как что-то тайное такое
Там говорит звезда звезде.

И ветер за окном не свищет,
В кювете бомж, как страшный сон.
Увы, он счастья не ищет,
Смотрю, чего же ищет он.

Ушёл с бутылкою, далёко,
А я, как истинный пиит,
В окне белею одиноко,
Потом перо моё скрипит.

Пишу, пишу — была б охота,
Туману, как всегда, нагнал.
О только бы в тумане кто-то
Не разглядел оригинал!

Душа поэта

Не лезьте в душу, дураки,
Она, как отчина, безмерна.
Там в роще детства родники
И первый поцелуй неверной.
Там в пашне тонет Святогор,
Там через реку едет грека —
Через растянутый простор
От дурака до человека.

Я в этот день не пойду на войну..
Просто на поле широком усну,
Прикрыв полстраны кулачищами.
Игорь Тюленев

В моей душе совсем не хлам,
В ней перезвоны благовеста.
Чего в ней делать дуракам? —
Им всё равно не хватит места.
Она без края и конца,
И в ней десница Кузнецова,
Что пил из черепа отца.
Там череп тот, даю вам слово.
В ней прёт орда со всех сторон.
Вон грек, что ехал через реку,
И та река седых времён,
И злющий рак, что цапнул греку.
В ней печь, и с мясом пироги,
И плуг, и старая подкова,
И лапоть, кажется, Вольги,
И даже кисти Васнецова,
И подо льдом утопший швед.
Весь мой багаж кому доверить?
Наверно, я такой поэт,
Каких аршином не измерить.
Дыхну — и скатится орда,
Завистник зреет, что тут скажешь!
Такой простор во мне, когда
Расстелешь карту и приляжешь.
Раскинешься на карте весь,
Всё втиснул в душу без сомненья,
А в ней то колики, то резь —
Не лопнула б от растяженья.

О конкуренции

Не ходите, мальчики, в поэты,
В мире горше доли не найти.
Вам ещё неведомы секреты,
Что судьба готовит на пути.

Евгений Семичев

Раздавал я мудрые советы,
Ну, короче, делал я добро:
«Не ходите, мальчики, в поэты,
Не берите, девочки, перо!»

Это поначалу небо звёздно,
Стих, другой — и ты с собой не схож,
И поймёшь, что влип, но будет поздно,
И покорно к музе побредёшь.

Здесь нацедят яда, и не только,
Разойдутся — не угомонить,
А тревог-то: кто да с кем, и сколько,
И болезное: быть или не быть!

Дальше — хуже, в душу влезут бесы,
И судьбу порой не разглядишь:
То возникнут на пути дантесы,
А глядишь, и сам себя решишь.

Так пугал я племя молодое,
Конкуренты лезут, на беду.
Только бы оставили в покое,
А оставят — буду на виду.

Начитавшись классиков

Я бы мог, наверно, жить иначе.
Будто лёд, кремнистый путь блестит.
Не жалею, не зову, не плачу —
И звезда с звездой говорит.

Лев Котюков

Выхожу один я на дорогу,
Пишется неплохо при луне.
Допишусь до книги понемногу.
Дай же, Джим, на счастье лапу мне!

Вроде бы зима, — а дождь и слякоть,
Прячу шею в тёплое кашне.
Ох, февраль! Достать чернил и плакать,
Вспомнив Гюльчатай и Шаганэ.

Молния ударила, сверкая,
Но её в стихах не восхваляю.
Я люблю грозу в начале мая,
А зимой, поверьте, не люблю.

А ещё, друзья, люблю культуру,
Только книг приличных не достать.
То-то и печатают халтуру,
Что умом Россию не понять.

Превосходство

Когда, раздвинув остриём поленья,
Наружу выйдет лезвие огня,
И наваждение стихосложения
Издалека накатит на меня...
Я вспоминаю лепет Пастернака.
Сергей Гандлевский

Когда свой томик трепетно беру
И с ним ложусь в тенёк под куст малины,
То вспоминаю всякую муру —
Сюсюканье Цветаевой Марины.

Когда автограф с важностью даю
И еду на побывку в Комарово,
То вспоминаю, как галиматью,
Сухое бормотанье Льва Толстого.

Когда на свадьбе через тёмный сад
До ветру будем бегать мы, слабея,
То мы поймём, что пили суррогат,
И вспомним стих Гандлевского Сергея.

Маясь уходом

Когда умру, о сколько будет слёз!
И сколько слов! И сколько возлияний!
Надежда Мирошниченко

Писатели, правление, родня,
Сбежится люд, барышники с базара,

И понесут притихшую меня
По улицам родного Сыктывкара.

И к образу поэта, как штрихи,
Появятся — ни много и ни мало —
На плюшевых подушечках стихи —
О как трудилась, сколько написала!

А сколько слов приятных и речей,
Как много всё же о себе не знала!
И сладость слов — как нá душу елей.
Подумаю: зачем я умирала?

И прокурлычат громко журавли,
Прислушаюсь: всё слёзы и рыдания,
И вот уже бросают горсть земли.
Последние мгновенья расставанья!

Но голоса знакомые слышать...
Замечу, эти были не речисты.
«Тебя нам будет очень не хватать!»
И догадаюсь — это пародисты.

Загадка Ильича

Ночью к стенке я поставлен,
Словно белый офицер.
Приговор читает Сталин,
Взявший душу на прицел.
Говорит, что я бесценен,
Хоть и вражеский поэт,
У него товарищ Ленин
Отбирает пистолет
И кричит: «Поэт он крупный,
Недоступный палачам,
Мы его с Надеждой Крупской
Изучаем по ночам!»

Владимир Скиф

«Капитал» в шкафу пылится.
На столе горит свеча.
Крупской по ночам не спится,
Нету сна у Ильича.

Томик мой любовно глядя,
Вождь зовёт её в кровать:
«Ну, ложись, товарищ Надя,
Будем Скифа изучать».
«Я в литературе дока, —
Говорит она в ответ, —
Знаю Пушкина и Блока,
Фета помню, Скифа — нет».
Надя сердится, похоже,
На издательский товар
И на всякий случай всё же
Надевает пеньюар —
До колен, полупрозрачный,
Тонкий, словно из дождя,
Взгляд бросает многозначный
На раздетого вождя.
Шевелит губами Ленин, —
Вроде как стихи зубрит,
Говорит, что я бесценен,
«Вот так глыба!» — говорит.
Да, у баб свои запросы.
Крупская лежит, ворча.
Ну, какие тут вопросы
О потомстве Ильича!

Преступление и наказание

Да простит меня Бог и Природа,
В ком и символ, и смысл естества,
Я ворую слова у народа,
Не стыдись своего воровства.

Владимир Молчанов

Это гены такие, порода,
По-другому уже не бывать,
Я ворую слова у народа,
А ведь мог бы и не воровать.

Жаль народ, но привычка сильнее,
Благо совесть утихнет к утру.
Он богатый, а я победнее,
Потому у него и беру.

И к тому же народу я родный,
Никогда не предъявят мне счёт.

Знаю, знаю характер народный —
Не поднимется, стерпит народ.

Я вчера возле слова крутился
(В нём загадочный образ сиял),
Всё курил, ну, короче — крепился.
Видит Бог: не хотел, но украл.

Слово к слову — вот сборничек новый,
Снова слава, почёт до седин,
И пришёл, не стерпел участковый:
«Одевайтесь, — сказал, — гражданин!»

Запомнявала

Его я целовала горячо,
С ним, только с ним! Навеки. Я решила!
Всё помню. Всё!.. Припомнить бы ещё,
К кому я это, собственно, спешила.

Алла Мережко

Всё помню. Всё!.. Брехали дружно псы,
И планов я настроила немало.
Высокий лоб. Роскошные усы.
А собственно, кого я целовала?

Потом я помню тёмный сеновал,
Как паспорт я листала на рассвете.
Но кто мне это, собственно, сказал,
Что он женат и у него есть дети?

Ещё я помню взгляда чистоту.
Всё, этот мой! Навеки. Я решила!
В прикиде белом, нацепив фату,
К кому я это, собственно, спешила?

Да мне ли о несбыточном тужить!
Другой в костюме модного фасона.
«Как звать тебя?» — успела лишь спросить
Под сладостные звуки Мендельсона.

Готовку, стирку помню и теперь,
Как сковородкой замахнулась в споре.

С носками и сорочками, за дверь
Чей чемодан я выставила вскоре?

Все имена затёрты, впору выть,
Картины лишь всплывают в беспорядке.
А может, стоит одного любить,
Коль с памятью такие неполадки?

Блоха и таракан

Вчера на кухне таракана я поймал,
Поднял за ус его брезгливо над диваном.
Хотел убить...Но посмотрел в глаза
Он мне с укором странным и пространном.
Я посмотрел в глаза его тогда
И понял, что под корочкой хитина
Скрывается особая среда
Интеллигентного, печального мужчины.

Алексей Кащеев

Я чай хлебал и ел варенье.
Тут, уважительно тиха,
Как мимолётное виденье,
Явилась на столе блоха.

Была беременна и в трансе.
О этот безнадёжный вздох,
Ах, эта ножка в реверансе!
Мелькнуло: жаль, что я не блох!

Я понял суть её печали,
Ведь я поэт, а не чурбан.
За блюдечком усы торчали —
Вот он, виновник таракан!

Я подтолкнул его к подруге,
«Совет вам да любовь», — сказал,
Но он попятился в испуге, —
Мол, кто такая? Ну, нахал!

Я кончил стих, доел варенье.
Редактор, видно, был козёл,
Коль, прочитав моё творенье,
В санэпидстанцию пошёл.

Александр КАПЛИН,
доктор исторических наук

РОССИЯ И ЕЁ «СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ»

Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — Революция и Россия.

Ф.И. Тютчев

В апреле 1848 г. Ф.И. Тютчев написал по-французски записку Государю Императору Николаю I о положении в Европе после только что произошедшей февральской революции, где констатировал: в Европе уже давно (т.е. со времен «Великой» французской революции) *«существуют только две действительные силы — Революция и Россия».*

Но *«существование одной из них равносильно смерти другой!»* А потому никакой мир между ними невозможен. Ф.И. Тютчев был уверен, что эта величайшая борьба («какой когда-либо мир был свидетелем») и определит на многие века не только всю политическую, но и религиозную будущность человечества. И причину непримиримого противоречия автор видит именно в духовной сфере.

Для пояснения этого он обращает свой взор на свое Отечество: «Россия прежде всего христианская империя; русский народ — христианин не только

СИМВОЛ ВЕРЫ

в силу православия своих убеждений, но ещё благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он — христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы».

Совсем иное дело — Революция. Она — «прежде всего враг христианства! Анти-христианское настроение есть душа Революции; это её особенный, отличительный характер».

Ф.И. Тютчев обращает внимание на то, что самовластие человеческого «я», заменяя Бога, возводится в политическое и общественное право и на этом основании пытается овладеть обществом.

Революция присвоила знамя христианства («братство»), в то же время отвергнув чувства смирения и самоотвержения, составляющие основу христианства. Их Революция намерена заменить духом гордости и превозношения.

А это «высокомерие ума», этот дух, сокрушающий «все христианские верования», принесла именно разрушительная философия.

За пять лет до тютчевской Записки молодой журналист Карл Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» записал следующие слова: «Критика религии освобождает человека от иллюзий, чтобы он мыслил, действовал, строил **свою** (выделено мной. — **А.К.**) действительность как освободившийся от иллюзий, как ставший разумным... чтобы он вращался вокруг себя самого и своего действительно-го солнца».

То есть именно «разумным» человек как раз и станет в процессе критики религии (надо полагать, христианской) и замене её на «свою». По Марксу, это — «разочарованный» человек, «который остался отныне наедине с самим собой — в том отношении, что нет уже никакой высшей силы, которая задавала бы ему смысл и ставила перед ним цели и задачи — ему только и остается вращаться вокруг самого себя...»

Но только ли лишь «вокруг самого себя»? А как же быть со словами: «Кто не со Мною, тот против Меня...»?

Сами революционеры (в частности, «богостроитель» «религии без бога» А.В. Луначарский) разрешают наше вопрошание о К. Марксе: «Он стал на сторону Сатаны».

Вращающийся «вокруг самого себя», Маркс обращается к философии материалиста, атеиста Фейербаха, провозглашающего освобождение человечества от религии, и уже в 1845 г. в тезисах о Фейербахе формулирует революционный вывод: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело

заключается в том, чтобы *изменить* его». И критикует он Фейербаха именно за то, что тот «не понимает значения «революционной», «практически-критической» деятельности».

Из 11 тезисов о философии Фейербаха Маркс трижды (в первых четырёх тезисах) настаивает на необходимости именно «революционной практики». Его слова подкрепляются активной деятельностью. «Манифест коммунистической партии», опубликованный на шести языках в Лондоне 21 февраля 1848 г., Маркс и Энгельс начинают со слов: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Но это не просто «призрак», это — «сила», которая открыто излагает «свои взгляды, свои цели, свои стремления».

Всемирно-историческая задача «самоэмансипации» не просто выработана, провозглашена, но и спланирована.

В статье, подводившей итоги революционного 1848 года, Маркс писал о «славянской сволочи» (Lumpengesindel). Немцев же, в противоположность славянам, он объявил народом революционным. Немного позже те же темы развивал и Энгельс.

И впоследствии ни о ком не отзывались они с такой ненавистью и презрением, как о славянах, которые для них не только варвары, «неисторические» народы, но и величайшие носители реакции в Европе.

Но еще большую ненависть у них вызывала Россия как «оплот мировой реакции». Ненавидя Россию, Маркс долгое время презрительно отзывался о возможности в ней революции, считая, что там может быть только «бунт» (1863 г.).

Ф.И. Тютчев обращает внимание на то, что именно русская мысль, отдаленная от революционной среды, могла «здро́во оценить факты, в ней проявляющиеся».

Да, «могла». Но много ли их — представителей «русской мысли» из образованного сословия — было в то время?

Глубочайший знаток русского слова К.С. Аксаков видел огромную разницу между людьми, которые «мыслят», и теми, которые «думают»: «Всегда ясна мысль, всегда туманна дума. Дума — это мыслящая мечта...» И как раз «мыслящие мечтатели» из образованного слоя не просто преобладали, они господствовали в Русской земле.

Выдающийся православный богослов, архиепископ Никанор (Бровкович), отмечал, что с середины XVIII в. «христианский мир представляет страшную, можно сказать небывалую свалку всяких антихристианских учений...»

Неудивительно, что и термин «revolution» (как и «adeptus»), первоначально появившийся в среде астрологов и алхимиков (о чем — ниже) в период так называемого «Возрожде-

ния», вошел в лексикон западноевропейских «гуманистов». В Российскую империю, по компетентному заключению проф. Н.К. Пиксанова, в XVIII в. проникли все виды организации и «систем» западного масонства (английского, шведского, немецкого, французского, шотландского).

В эпоху либеральных преобразований Императора Александра I эта традиция была продолжена, закреплена и развита. Второе десятилетие XIX века в России «проходит под знаком Библейского общества». Помимо уже традиционных лож, распространяются новые секты, создаются тайные общества, усиливают свое влияние иезуиты.

Ю.Ф. Самарин подчеркивает, что в александровское время вся сила иезуитов заключалась в «духовном безсилии» высших слоев петербургского общества. Здесь могли рассчитывать на успех и получать сочувствие «всякое, со стороны занесенное учение, политическое или религиозное, всякая фантазия, всякий призрак»: «По-видимому, всё сияло благонамеренностью... а между тем, живое, народное самосознание гибло. При сильно развитом государственном патриотизме терялся народный смысл; историческая память была как бы отшиблена... народный язык сделался как бы чужим, своя вера упала на степень всякой иной веры». В «эту-то дряблую и рыхлую среду, безсильную духом, оторванную от народной и церковной почвы, питавшей ее вещественно и духовно, врезались иезуиты...»; никакого отпора не было: «Дворянские души и... капиталы сами собою устремились в раскинутые сети...»

Многие тогдашние дворяне уже рождались эмигрантами (по меткому замечанию Ф.М. Достоевского).

В то же время постепенно набирает силу и «антибиблейская» идеология, во главу которой выдвигается архимандрит Фотий (Спаский), архимандрит (затем епископ, ныне причисленный к лику святых) Иннокентий (Смирнов), А.С. Шишков. Борьба этих тенденций находила отражение в обществе, церковных кругах, в Синоде и привела к изгнанию иезуитов (1820 г.), официально запрещению масонских лож (1822 г.).

Первое революционное выступление в России (бунт масонов-декабристов в 1825 г.) было подавлено.

Но не следует преувеличивать видимую формальную победу над антихристианской мистикой (в том числе и повторное официальное запрещение масонских лож (1826 г.), и закрытие Библейского общества. Она больше уже не покидала Русскую землю, а продолжала развращать умы и сердца...

Трудно поддающееся учету число мистических книг оставалось в самых различных библиотеках. По воспоминаниям писателя, графа В.А. Соллогуба, после смерти его влиятель-

ного тестя, «герметика», «почетного члена всех масонских лож», графа М.Ю. Виельгорского (1788—1856), осталось «несколько тысяч книг герметического содержания. Большая часть этой драгоценной (?! — А.К.) библиотеки поступила в Императорскую публичную библиотеку... Некоторую часть я имел случай отыскать в амбаре курского имения вместе с разными кабалистическими латинскими рукописями и частными письмами масонского содержания. Это собрание, по возможности приведенное в порядок, пополняется сочинениями теологическими и указывает на переход герметизма к иллюминизму, к мистицизму, к пиетизму, а впоследствии довели к скептицизму, к либерализму, к гегелизму, к коммунизму и к нигилизму, уже мечтающему о терроризме».

И это о графе Михаиле Юрьевиче Виельгорском! Аристократе, композиторе, музыканте, слугителе муз!.. Что же говорить о сотнях и тысячах других «русских иностранцев»?!

Неудивительно, что в 1853 г. в частной переписке И.В. Киреевский заметил, что «натиск иноверия и безверия так силен, что уже почти не осталось ни одной мысли общественной, политической, нравственной, юридической или даже художественной, которая бы более или менее не была запачкана и измята неправославными руками, в которых она побывала».

Граф В.А. Соллогуб же в недоумении восклицает: «С трудом верится, чтобы целое поколение умов отборных могло углубляться не только в изучение халдейской премудрости и формул умозрительной символистики, но и еще серьезно занималось алхимическими препаратами...» И не просто: «целое поколение», а «целые поколения!»

Высшее общество, «свет», «русские иностранцы» рабствовали чужому уму. А то, чему они рабствовали, — было ложь.

Этому не удивляется К.С. Аксаков. И это констатирует Ю.Ф. Самарин, когда описывает четыре вида неверия общества, в котором «родился, воспитывался и умер Хомяков» (а это 1804—1860 гг. — А.К.), основоположник «православно-русского направления», которое их противниками было в насмешку названо «славянофилами».

Но вернёмся к Ф.И. Тютчеву.

Прекрасно знакомый с Германией, где ему довелось прожить и прослужить почти четверть века, Ф.И. Тютчев видит, что в ней «нет ни одного желания, ни одной потребности (как бы искренна и законна она ни была), которую Революция, овладев ею, не исказила бы и не обратила бы в ложь». И именно «антихристианской душой» Революции объяс-

няет Ф.И. Тютчев ее «заветную мечту» — «крестовый поход против России», которая (мечта) в 1848 г. обратилась в «военный клич».

Следовательно, «русская мысль» и «революция» — несоместимы, как несоместимы христианство и антихристианская душа (как тут не вспомнить одно из выражений Тертуллиана: «Душа обыкновенно становится христианкой...»).

Сконцентрировав своё внимание именно на духовной стороне мировых процессов, Ф.И. Тютчев выделил то главное их отличие, которое овладело и российским обществом и чему так последовательно противостояли славянофилы, надеясь, что русский народ «додержится», а «беглецы» из высшего сословия — «обратятся».

Суть тех процессов, о которых высказался Ф.И. Тютчев, не могла пройти мимо внимания церковных мыслителей. Будущий игумен Черемнецкого монастыря о. Антоний (Бочков) в письме (1848 г.) к Оптиным старцам писал: «Революция во Франции не есть частное зло, а только воспламенение тех подкопов, которые подведены под всю землю, особенно европейскую... Теперь страшен уже не раскол, а общее европейское безбожие <...> Если восторжествует свободная Европа и сломит последний оплот — Россию, то чего нам ожидать — посудите!.. Да не узрит душа моя грядущего царства тьмы». А преп. Макарий Оптинский заметил: «В Европе бушуют политические страсти, а у нас — стихии. Началось с Европы, кончится нами».

О том, что общественная мысль Европы насковзь пропитана безбожным рационализмом, говорил и святитель Игнатий (Брянчанинов). Действие этой мировоззренческой основы Просвещения, полагал он, будет чем далее, тем обширнее и разрушительнее. Всплеск революционных событий на Западе в 1848 г. святитель Игнатий считал прямым следствием рационализма и ожидал в грядущем только усиления «мятежей».

Россия здесь не была исключением, но проповедь фанатичного атеизма «с разрушительными предположениями и намерениями» и общая безнравственность пали и на её почву. Однако подлинно православные русские мыслители не только духовно зряче оценивали выявлявшее себя зло, но противостояли ему.

Интересно заметить, что как бы в ответ на революционные события в Европе появляется первое научное специальное сочинение о прославленном благоверном защитнике от нашествия Запада — «Великий князь Александр Ярославич Невский». Ее автором выступил неутомимый архивист (а впоследствии и профессор Императорского Московского университета) И.Д. Беляев.

Ф.И. Тютчев же продолжал исследовать «корень западного мира» — католицизм — то, что ещё осталось на Западе от «положительного христианства». «Папству и римскому воярсу» с «русской точки зрения» он посвящает свою новую статью, часть которой была опубликована в 1850 г.

Протестанство и XVI век для Ф.И. Тютчева — «великий погром»; папство же — «столп, который ещё кое-как поддерживает на Западе весь тот край христианского здания», который уцелел после этого «великого погрома». Но не этот «столп» есть «последняя религия Запада». Ею является «идолопоклонство людей Запада перед всем, что есть форма, формула и политический механизм». Этой-то религией и пользуются «революция», «менее совестливая, чем дух тьмы».

Она принесла в мир новое учение — о верховной власти народа. А это есть не что иное, как верховенство человеческого «я», опирающегося на силу. Вот откуда страсть к политическим учреждениям. Поэтому совершенно логичен вывод: «Новейшее государство потому лишь изгоняет государственные религии, что у него есть своя; а эта религия есть революция». И именно папство много веков назад дало «революции» необходимый «задаток».

Но Ф.И. Тютчев смотрит не только назад, но и вперёд, отмечая отличительную черту современности: связь между революцией и утопией. Ибо революция способна только разрушать. Собираясь создавать, она **неизбежно впадает в утопию**.

Итак, Ф.И. Тютчев исследует «самое хитроумное и грозное» («какое видали люди»), «злое начало» — революцию. Она смертельный враг России. Это «мир зла, стоящий наготове и во всеоружии, с его церковью безверия».

Духовный сын знаменитого оптинского старца, преподобного Макария, И.В. Киреевский, внимательно следил за развитием событий и в России, и в Европе. Общая его установка в конце 1840-х — начале 1850-х гг. сводилась к минимуму перемен из-за того, что делаться они будут в западном духе и от них «будет плакать русский человек». Он говорил о «нравственной заразе», от которой «гниет Европа», с грустью смотрел, «каким лукавым, но неизбежным и праведно насланным безумием страдает теперь человек на Западе. <...> Он кричит лягушкой и лает собакой, когда слышит Слово Божие».

В этих условиях И.В. Киреевский считал, что самое лучшее для России — «как можно меньше перемен, особенно перемен существенных», «покуда западный дух не перестанет господствовать в наших понятиях и в нашей жизни, так,

что остается еще русским то, что стоит, а всё, что движется, подвигается к Немечине».

Очень сожалел о том, что «западное безумие стеснило и нашу мысль», И.В. Киреевский приходит к убеждению, что «направление философии зависит, в первом начале своем, от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице». Таким образом, И.В. Киреевский усматривает зависимость не только русского быта от коренного русского ума, но и философствования от святоотеческого наследия.

События 1848 г. А.С. Хомякову дали основания сделать вывод, что отжили не условия и формы общества, а духовная жизнь Западной Европы, ибо совершается «суд истории» над односторонностью латинства и протестантства. Следовательно, сама история, «вызывает к жизни и деятельности более полные и живые начала, содержимые нашею Святою Русью».

Подчинение же Западу будет до тех пор, пока не осознается его односторонность. По А.С. Хомякову, западный раскол, есть в то же время и ересь против догмата церковного единства: «...решив догматический вопрос без содействия своих восточных братий, Запад <...> совершил над ними *нравственное братоубийство*. По неизбежной последовательности наследники этого преступления должны прийти к *братоубийству вещественному*».

Отсюда неудивительно в начале Крымской войны заявление парижского архиепископа Сибура о том, что «война, в которую вступает она с Россией, не есть война политическая, но война священная; не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная... истинная причина к этой войне, причина святая, причина угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь Фотия, укротить, сокрушить ее, что такова признанная цель этого нового крестового похода и что такова же была скрытая цель и всех прежних (и будущих, добавим мы. — **А.К.**) крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом».

Говоря о том, что и как было заимствовано с Запада, А.С. Хомяков в «Послании из Москвы к сербам» называет это «безумием» высшего сословия, оторвавшегося от народа: «Оно хотело подражать всему иноземному, хотело казаться иноземным, и для народа оно сделалось иноземным. Исчезло всякое духовное общение, всякий обмен мысли <...>. Ошибка высших ввела низших в ошибку, ей противоположную, и наше слепое поклонение знанию и просвещению Европы остановило надолго развитие знания и просвещения в Русской земле». Внутреннее разъединение принесло гибельные последствия.

Наличие только двух слов «безумие» и «гибельные» весьма красноречиво свидетельствует об оценке А.С. Хомяковым «дела Петрова»: «Вся земля русская обратилась как бы в корабль, на котором слышатся только слова немецкой команды». Забытые заветы великих русских православных святых многими в высшем сословии беззастенчиво попирались. Нравов Европы не гнушались, а насильственно насаждали».

По слову же К.С. Аксакова, «подражание Западу доходило до неистовства <...> Горькое, горькое явление! Бедственное и унижительное!»

В первые дни нового царствования (1855 г.) К.С. Аксаков пишет «Записку» «О внутреннем состоянии России», дошедшую через графа Д.Н. Блудова до Императора Александра II. В «Записке» К.С. Аксаков считал своим долгом сказать «со всею силою правды» (вложив в нее «весь плод» «наблюдений и замечаний») «всю истину о России».

Для исполнения своего назначения России необходимо (по К.С. Аксакову) поступать не по чуждым ей теориям (независимо от того: заемные они или доморощенные), а по собственным понятиям и требованиям. Русский народ, не искавший политической свободы, ищет свободу нравственную, общественную, свободу духа. Издревле Русь разделилась на Государство и Землю, правительство и народ.

Если государствование становится для народа целью, то тогда исчезает высшая цель, и он перестает быть народом. При русских началах государственная власть должна быть монархической, ибо общество правительством быть не может. Вне народа и общественной жизни может быть только лицо. Монархическое неограниченное правительство, в русском понимании, является защитником истинной духовной свободы, свобода же политическая «не есть свобода».

Однако при Петре I со стороны правительства, а не народа, были нарушены начала гражданского устройства России, был оставлен русский путь. Петра I К.С. Аксаков называет «величайшим из великих людей». Но его переворот есть свидетельство того, «какое глубокое внутреннее зло производит величайший гений, как скоро он действует одиноко, отдаляется от народа и смотрит на него, как архитектор на кирпичи».

Именно при Петре началось зло, которое осталось таковым и во времени начала царствования Александра II. Более того, неизлеченное, оно еще и усилилось. Происшедший при Петре общественный разрыв — это разрыв древнего союза Земли и Государства, царя с народом. Образовалось иго Го-

сударства над Землей, и Русская земля «стала как бы завоеванной, а Государство — завоевательным». Но «новопреобразованные русские», встав в рабское отношение к власти, ощутили в себе политическое властолюбие.

Петр, придав России внешнее величие, внутренне поразил ее растлением. Да и внешние дела совершались силами допетровской России. Внешняя сила может существовать, пока еще внутренняя не исчезла. А потому «внутреннее величие» должно быть первой главной целью и народа, и правительства.

Простой же народ еще держится своих древних начал, хотя «петровская система» всё более и более влияет и на него своею «вредной» стороной. И чем больше будет посягательство на внутреннюю, общественную свободу народа, тем больше народ будет искать свободы внешней, политической.

Итак, делает вывод К.С. Аксаков, петровская правительственная система ведет к тому, что «Россия перестанет быть Россией», и тогда революции ее сокрушат.

По К.С. Аксакову, для русского народа «Православная вера есть весь смысл его жизни, без нее он не имеет значения». Подобные мысли высказывали все без исключения славянофилы.

«Западники», «русские иностранцы», «свет» поначалу недооценили угрозу со стороны небольшой группы тех, кто отказывался присягать их идеалам или выходил из их рядов (где можно было найти кого угодно: мистиков, атеистов, тяготивших к западным конфессиям, — церковно-православного человека среди западников не было никого). Они поспешили осмеять «православно-русское направление», назвав их в насмешку «славянофилами».

Но наиболее «продвинутые» из западников поняли, в чем дело.

И совершенно не случайно так рьяно сражались со славянофилами революционеры-демократы («типичные неоязычники, при всем их убежденном атеизме») и представители генетически родственных им течений. «Война наша с ними, — писал в 1858 г. А.И. Герцен, имея в виду славянофилов, — была в самой сущности воззрения; она не могла не быть. Они смешивали с народностью не только детское поклонение детскому периоду нашей истории, но и православию». А «православные теории» для А.И. Герцена были «жалкими».

Интересно, что еще в переписке 1830-х годов со своей будущей женой Н.А. Захарьиной, уподобляя её Пресвятой Деве, Герцен себя отождествляет с архангелом Гавриилом, принесшим благую весть (правда, оговаривая, что он — архангел

лишь в отношении Натальи, а на самом деле — «как медаль, у которой с одной стороны архангел Гавриил, а с другой — Люцифер»). Как тут не вспомнить библиотеку М.Ю. Вильгорского!

В «Былом и думах» (1861) А.И. Герцен славянофилам посвятил специальную главу «Не наши». Автор подводил черту: борьба с ними давно кончилась. Но это была неправда. Ибо А.И. Герцен сразу же выступает с тяжким обвинением. Оказывается, «на славянофилах лежит грех, что мы долго не понимали ни народа русского, ни его истории», а славянофильские «иконописные идеалы и дым ладана» «мешали разглядеть народный быт и основы сельской жизни».

Но не только это. А.И. Герцен, говоря о И.В. Киреевском, заключает: «Между им и нами была церковная стена». Западник Герцен сознался в том, о чем многие другие предпочитали помалкивать.

Помимо светских православных русских мыслителей напал он и на церковных. Один из желчных памфлетов А.И. Герцена, изданный в зарубежном органе революционных демократов — «Колоколе», был направлен в адрес святителя Игнатия (Брянчанинова). Памфлет изобиловал наглой ложью, а ехидно-насмешливый тон уже в названии («Во Христе сапёр Игнатий») обличал сам себя.

Замечательно сочетание имен: едва ли не самый умный (если уместно в данном случае говорить об уме в истинном смысле слова) из представителей революционной России 1850-х — 1860-х гг. — Герцен клеветает на одного из наиболее одухотворенных русских иерархов того времени.

В безупречно благородной манере возражая противнику, святитель Игнатий шаг за шагом опровергает возведенные на него обвинения. В системе революционных взглядов, подметил святитель, крестьянский вопрос служит лишь ширмой, за которой революционеры скрывают своё стремление захватить верховную власть в стране.

Итогом замечаний святителя Игнатия стала оценка «Колокола»: «Начало журнала, как и якобинства — есть ложный образ мыслей; оружие его: софизмы, ирония, ругательство; характер — исступленная дерзость, отвержение правды, любви, приличия, благопристойности. Он может действовать увлечением на слабоумных: силы убеждения в нем нет. Напротив того, всякий основательный человек тотчас поймет, как «Колокол» понимает свободу и как пользуется ею — поймет, что народ, руководимый таким исступленным руководителем, непременно должен прийти в смятение, взяться за топоры и ножи».

В предчувствии грозной беды для России святитель Игнатий указывал соотечественникам духовные средства её врачевания. Народ, — и, в частности, душа человеческая недоступны безбожному рационализму со всеми его последствиями, пока они ограждены святой верой.

В предреформенный и пореформенный периоды святители Игнатий (Брянчанинов), Феофан (Говоров) и др. в своих проповедях неустанно предостерегали «от увлечения духом настоящего времени», убеждали, что современный «дух мира сего» есть дух вражды против Бога, дух охлаждения между людьми. Они признавали необходимость изменений современных внешних форм жизни, но объясняли, что истинный прогресс предусматривает, прежде всего, духовно-нравственное совершенствование, основанное на православном вероучении.

Что же представляла собой тогдашняя земля Русская?

К.С. Аксаков описывал следующим образом: «В основании видим мы простой народ, так же, как и в старину, верующий глубоко, хранящий святыне свои основы, веру и быт, с нею согласный; но он лишен всякого участия в общих делах <...> теперь именно над русским простым народом... в обществе, русским началам изменившем, идет вражда, и борются два направления. Одно силится поддержать свою неправду — измены всему русскому и покорности западным уставам. Другое искренно жаждет восстановления русских святых начал веры, русского основного образа жизни, всего русского духа, русского ума и христианских добродетелей, по крайней мере, в общем деле. С одной стороны, всякое упорство и желание... остаться без труда подражателями Запада; с другой стороны: бодрая надежда и деятельное стремление возвратиться к святым началам русской жизни...»

Однако подготовка реформ 1860-х гг. в России и их проведение не способствовали этому стремлению да и пониманию собственной истории.

Святитель Феофан (Говоров) в проповеди от 8 сентября 1863 г. отмечал: «Вслед за окончанием Крымской войны (как будто плотина какая прорвалась), широкой рекой потекли к нам западные учения о неслыханных дотоле, противных духу Христову, порядках в жизни семейной, религиозной, политической, кои гласно стали слышаться в речах и читаться в печати...»

Глубоко одухотворенное отношение к жизни придавало особый смысл в глазах святителя Игнатия понятию «прогресс». Он сочувствовал ему, когда это слово предполагало

преуспевание человечества в христианстве, в добродетели, в науках и искусствах, но всегда оставался непримиримым врагом прогресса вне Бога, религии и нравственности.

Он был противником революционных идей, в которых видел стремление преуспевать в безбожии и безнравственности. Революционное развитие, по его убеждению, приведет к ниспровержению всех властей и законов, к гибели гражданского общества.

Гибельную революционную воронку видел и Н.Я. Данилевский, который считал, что Россия больна опасной болезнью, которая может привести и к смерти, и хуже, чем смерть, — «безплодному и бессильному существованию».

Болезнь эту — «европейничанье», он связывает с Петром, с его страстной любовью к Европе и двойственным отношением к России (любовью к её мощи и силе, как орудиям своей воли и планов, и ненависть к началам русской жизни, к самой этой жизни). После Петра I правящие государством лица относились к России «с одною лишь ненавистью». Европейничанье, как болезнь, может окончательно «лишить историческую жизнь русского народа внутренней зидительной силы» и «сделать бесполезным, излишним самое его существование...»

Для избавления от духовного плена и рабства необходим «тесный союз со всеми плененными и порабощенными братьями», необходим «грозный опыт истории», который Н.Я. Данилевский видит в разрешении «восточного вопроса». И «всё грозное значение России заключается в том, что она прибежище и якорь спасения пригнетенного, но не раздавленного, не упраздненного обширного славянского мира». Если же Россия не поймёт своего назначения, её неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного. Этого-то как раз и не желает Н.Я. Данилевский своей Родине.

В известной степени, именно Н.Я. Данилевский, видя, что настоящая глубокая опасность заключается именно в осуществлении идеала западников («в воцарении не мнимой, а действительной, столь любезной им общечеловеческой цивилизации»), по сути дела, даёт толчок К.Н. Леонтьеву и его выводам о «среднем европейце» как «орудии всемирного разрушения».

А.И. Герцен — один из тех революционеров, кто особенно был на слуху у тогдашней публики. Ф.М. Достоевский, говоря о типе Герцена, заключил: «В полтора года лет предыдущей жизни русского барства за весьма малыми исключениями

ями истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и с русской правдой».

«Шестидесятники» подхватывали его идеи. Ю.Н. Говоруха-Отрок, порвав с идеями «шестидесятников», назвал их впоследствии «не отпетыми мертвецами». И он не ошибался даже в самом буквальном смысле слова.

11 января 1870 года, в два часа пополудни, в Париже состоялось «гражданское погребение» Герцена. На сообщение прессы откликнулся замечательный русский публицист В.И. Аскооченский: «Над злосчастливым Герценом совершено «гражданское погребение», без молитв, без креста, без христианского напутствия в жизнь вечную».

«Куда ж явится этот «гражданин» с правами своего революционного гражданства?» — задавал вопрос В.И. Аскооченский. И продолжал: «Не туда ли, где вечная революция, где ненавидят молитву и боятся креста? Не к тем ли существам, принцип деятельности которых есть вечное отрицание и нескончаемая злоба против царства Христова, основанного на земле, и вершиною своею касающегося неба? Да, нет и не может быть страшнее того наказания, которое сам себе уготовляет человек...»

«Вечная революция» влекла к себе свои несчастные жертвы. Понимали ли они сами свое состояние? В 1869 г. М.А. Бакунин написал Н.П. Огареву: «Мне глубоко жаль Герцена и тебя. Всех вас жаль. Да, нелегко дается нам жизнь. Ну, да ничего, пока живем, выдержим и до последней минуты будем делать свое дело».

Возникает вопрос: «Свое» ли «дело»?

Ответ на него поищем в биографии лучшего русского критика конца XIX в. — Ю.Н. Говорухи-Отрока (1852—1896).

Учась в Императорском Харьковском университете, Юрий Говоруха-Отрок читал в большом количестве всё доступное, а особенно периодическую печать. Неудивительно, что он испытал немалое влияние революционной публицистики, идей А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского и их единомышленников.

По воспоминаниям публициста и критика Н.И. Черняева: «Время было тревожное. Почва для агитации благоприятная. Из десяти студентов пятеро или шестеро повторяли с чужого голоса революционные фразы и видели спасение России в немедленном присвоении и применении к делу отрицательных и разрушительных доктрин <...> При таких условиях мудрено было не влететь в «революцию» даже таким юношам, которые по своим наклонностям не могли и не должны

были попасть в её сети. Дух товарищества, мимолетные увлечения, случайные знакомства и т.д. — все это имело решающее значение».

В апреле 1874 года Ю.Н. Говоруха-Отрок познакомился с одним из инициаторов «хождения в народ» С.Ф. Коваликом, приехавшим в Харьков, и некоторыми другими вольнодумцами. Он посетил три сходки, но вскоре вышел из кружка, обратившись к литературному труду.

Подготовив несколько рассказов и повестей, в декабре 1874 г. Юрий поехал в Петербург, чтобы лично познакомиться с Н.К. Михайловским, надеясь опубликовать их в «Отечественных записках». Михайловский высоко оценил литературный талант начинающего писателя. Но сотрудничеству их не суждено было состояться. 18 декабря 1874 г. к Юрию в гостиничный номер пришли и объявили, что он уже месяц находится в розыске в связи с начавшимися арестами его харьковских знакомых. Хотя, по воспоминаниям самого потерпевшего, все его ««политическое преступление» состояло, в сущности, в болтовне на разные революционные темы — в болтовне, которая тогда была в ходу между молодежью».

Сначала его отправили в Александро-Невскую часть, где он провел первые сутки своего заключения. Именно здесь Ю.Н. Говоруха-Отрок пережил настоящее потрясение, повлиявшее на всю его дальнейшую жизнь. Услышав утром тихое пение в коридоре, он подошел к дверному окошку и увидел группу арестантов, которые стояли перед висевшей в углу иконой и стройно пели «Отче наш». Он, «тогда довольно равнодушно относившийся к религии, хотя не лишенный, если не религиозного, то эстетического чувства, невольно перекрестился». И действительно, никакое торжественное служение не производило на него «такого странного, полумистического, полухудожественного впечатления, как это тихое и стройное пение арестантов».

С 24 декабря 1874 г. по 13 декабря 1875 г. Ю.Н. Говоруха-Отрок находился в одиночной камере Петропавловской крепости. Свое пребывание здесь арестант описывал так: «Камера была просторная и, как я потом убедился, прекрасно устроенная в гигиеническом отношении: сухая и теплая; но видом она напоминала склеп, со сводчатыми стенами <...> На столике я заметил маленькую книжку в черном переплете — это было Евангелие».

Именно оно изменило внутренний мир начинающего писателя, не раз писавшего об этом: «В первое время (в продолжение целого года), пока длилось дознание, книг «с воли» получать было нельзя. Единственная книга, которую я имел,

было Евангелие: я нашел его в камере, на своем столе. Потом мне разрешили купить Библию. С полгода я только и имел лишь Библию и Евангелие».

Л.А. Тихомиров впоследствии замечал: «Умственные интересы его пошли далеко в сторону от «революции». Революционеры-народники не оставляли надежду вернуть «вероотступника» в свои ряды. Однако Ю.Н. Говоруха-Отрок видел свой путь иным.

В феврале 1889 г. к Юрию Николаевичу в Харьков с предложением о сотрудничестве из газеты «Московские ведомости» приезжает Л.А. Тихомиров, идейный путь которого отчасти был похож на путь Ю.Н. Говорухи-Отрока: они судились по «Процессу 193-х», сидели в Доме предварительного заключения.

Но, в отличие от Ю.Н. Говорухи-Отрока, Л.А. Тихомиров в молодости был настоящим революционером, эмигрировал в 1882 г., вместе с П.Л. Лавровым издавал за границей «Вестник Народной воли», который нелегально ввозился в Россию. О том, как он раскаялся в своих заблуждениях, Л.А. Тихомиров рассказал в изданной за рубежом книге «Почему я перестал быть революционером?» (1888 г.). Л.А. Тихомиров обратился к правительству с просьбой о разрешении ему вернуться в Россию, и такое разрешение было получено.

Язвительные отклики на книгу Л.А. Тихомирова появились раньше, чем она попала в Россию. Так, в газете «Новости» появился материал на ее заграничное издание — «Запоздалое раскаяние». Ю.Н. Говоруха-Отрок нашел необходимым поддержать Л.А. Тихомирова, сразу три фельетона он посвятил объяснению причин, по которым нравственно неокрепшая молодежь легко попадала в сети революционеров.

Первоначально в России были опубликованы пространные извлечения из книги Л.А. Тихомирова. На эту публикацию Юрий Николаевич также откликнулся, отметив, что видит в этой книге свидетельство перелома в русских умах, происшедшего за последнее десятилетие. «Я много раз старался доказать, — писал Говоруха-Отрок, — что русский нигилизм есть явление психологическое, а не политическое, и, конечно, только с этой точки зрения понятны случаи такого покаяния, как покаяние г. Тихомирова — покаяния, не вызванного никакими расчетами и являющегося только делом совести и больше ничем...»

Но такое «обращение» не привлекало «прогрессивных» художников. И.Е. Репин пишет «Отказ от исповеди» (1879—1885), «Арест пропагандиста» (1880—1892), «Сходка (При свете лампы)» (1883), «Не ждали» (1884—1888).

Сравнивая течение событий перед Великой французской революцией с настроениями в Отечестве, святитель Феофан Затворник пришел к выводу, что Россия была готова повторить опыт Франции: «Как шла французская революция? Сначала распространились материалистические воззрения. Они пошатнули и христианские и общерелигиозные убеждения. Пошло повальное неверие: Бога нет; человек — ком грязи; за гробом нечего ждать. Несмотря, однако, на то, что ком грязи можно бы всем топтать, у них выходило: не замай! не тронь! дай свободу! И дали! Начались требования — инде разумные, далее полоумные, там безумные. И пошло всё вверх дном. Что у нас?! У нас материалистические воззрения всё более и более приобретают вес и обобщаются. Силы ещё не взяли, а берут. Неверие, безнравственность тоже расширяются. Требования свободы и самоуправства — выражается свободно. Выходит, что и мы на пути к революции».

В декабре 1888 г. Фридрих Ницше в письме (неотправленном) императору Вильгельму II пишет о «грядущем «колоссальном кризисе, какого еще не бывало на земле», о «глубочайшем конфликте совести в человечестве, который будет вызван решением, принятым вопреки всему, во что веровали люди, что они почитали священным». В письме ставилась задача продолжения «переоценки ценностей», тех из них, что еще оставались непереоцененными.

Ту же задачу решали и современники Ницше в России. Большой резонанс имели воззрения Л.Н. Толстого, особенно религиозные, в которых православные люди видели опасную угрозу.

Так, святитель Феофан читал основные сочинения Толстого 1880-х гг. и с тревогой заключал: «Тут-то, вишь, сокровища премудрости изрыгнуты... хулы на церковь Божию, на св. отцев и даже на апостолов, кои все суть исказители учения Христова... Сам же он не верит ни в Святую Троицу, ни в Воплощенное домостроительство, ни в силу таинств <...> Как будущей жизни нет у него, а люди продолжают жить только в потомстве, то вся забота у него — составить программу счастья на земле».

В этих положениях и заключалась для святителя Феофана, вся абсурдность, противоречивость толстовских идей. Едва ли можно было осчастливить людей на земле, проповедуя непротивление злу силой: «...пусть бьют, режут, грабят — терпи, но молчи... не защищайся...»

Другие моменты, которые выделяет святитель Феофан у графа, наоборот, звучали очень соблазнительно: отмена судов, полиции, жандармов, присяги, военной службы как на-

сила над свободой; необязательность брачного союза. «Доказывает, криво толкуя слова Господа в нагорной беседе, — с большими натяжками». Подобные несоответствия приводили его в крайнее недоумение. Как он и полагал, все попытки воплотить толстовское учение в жизнь обернулись полным провалом. Не случайно такой утопизм Л. Толстого по-своему критиковали и революционеры — более последовательные строители «земного счастья».

Читая религиозные сочинения писателя, святитель Феофан не переставал удивляться несуразности его суждений, называя их бреднями самыми безалаберными: «...Мне представляется, что он близок к помешательству... Так у него всё нелепо. И я дивлюсь.., что многие соблазняются».

И в самом деле, учитывая авторитетное имя писателя, его идеи получили широкое распространение в российском обществе и особенно среди молодежи. Разрушая веру в Бога и Церковь, они убивали в людях подлинную духовную жизнь, и, в конечном итоге, учили жить только для земли, а значит и по-земному.

В этом контексте суть толстовской философии, которую можно выразить в одной фразе: «Пусть погибнет весь мир, лишь бы я сознавал себя правым» — являлась всеобъемлюще разрушительной.

На 80-летие графа откликнулся (в нелегальной печати) и Ленин, опубликовав статью «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908), где особенно подчеркнул, что совокупность его взглядов «выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции».

По Ленину, «Толстой отразил накипевшую ненависть... желание избавиться от прошлого». А это желание было в том числе: «смести до основания и казенную церковь, <...> расчистить землю...» Но что особенно ненавидит Ленин? — «Проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению, т.е. культивирование самой утонченной и потому омерзительной поповщины».

Итак, граф Толстой — «зеркало... революции», пусть и «кривое», пусть и не совсем и не только «русской», но «революции».

«Кричащие противоречия» толстовщины, по Ленину, выражают недостатки и слабости «нашей революции». Но Толстой отразил «накипевшую ненависть».

Приобретенный революционный опыт масс выдвинет более закаленных борцов.

Ленин, в отличие от графа Толстого, был сугубо практичным человеком. Еще в 1902 г. он уже видел необходимость централизованной боевой организации революционеров — «партии нового типа», которая «перевернёт» Россию. А годом раньше Ленин заметил: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора».

Одной из настольных его книг было сочинение французского социолога Гюстава Лебона «Психология народа и масс». Вот что писал Лебон в своей другой книге «Психология социализма», выдержавшей к 1908 г. пять изданий и выпущенной на русском языке в 1908 г.: «Социализм — самая страшная из опасностей», «социализм должен быть где-нибудь испытан, ибо только такой опыт исцелит народы от их химер, и все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы этот опыт был произведен за пределами нашего отечества...» По Лебону, эту «экспериментальную школу» в назидание всему миру должны пройти враги французов.

Внимательный ученик Лебона — Ленин — готовил эту «школу» в России. Ей предстояли великие испытания, о чем неустанно напоминали наши великие старцы.

Русско-японскую войну (1904—1905 гг.) святой праведный отец Иоанн Кронштадтский воспринял как суд и наказание Божие, обличал безверие, праздность, стремление к роскоши и удовольствиям образованных и состоятельных людей; пьянство, сквернословие и маловерие простого народа.

Объектом особых опасений о. Иоанна была деятельность революционной антицерковной интеллигенции. Главной причиной революционного брожения в России он считал отпадение людей от Церкви. «Бредни Толстого» встречали его резкое неприятие.

С великой скорбью наблюдал о. Иоанн за ростом революционных настроений, за расшатыванием нравственных устоев и падением монархического чувства. Он увещевал: «Наилучший, Богом учрежденный и освященный образ правления — монархический, в каком гонении, пренебрежении от революционеров наших и всех сочувствующих им!.. Да подумайте же вы, русский народ, трезво, здраво, к чему стремитесь? — К низвержению всякого общественного строя и уклада житейского, к хаосу общественному! Познайте вы, ведь это диавольские, а не Божеские дела!.. Вы губите себя и Россию».

Во время революционной смуты 1905—1907 гг. слово о. Иоанна звучало на всю Россию: «Господь вверил нам, рус-

ским, великий спасительный талант православной веры... Восстань же, русский человек!.. Кто вас научил непокорности и мятежам безмысленным, коих не было прежде в России... Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу — и вам и России».

Великий кронштадтский пастырь видел, что «Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению», и грозно предупреждал: «Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония».

«Откуда у нас эта анархия, эта революция», — взывал о. Иоанн в своем слове в Неделю Православия в 1906 году: «Этот социализм, эта нелепая коммуна, эти забастовки, разбой, убийства, хищения, этот царящий разврат, это огульное пьянство — от неверия и безбожия. Как хитер и лукав сатана! Чтобы погубить Россию, он раздул в ней безверие и разврат чрез злонамеренных писателей, чрез русские средние и высшие школы и чрез так называемую интеллигенцию... Совершается распадение государства. Без насаждения веры и страха Божия в России она не сможет устоять».

Как бедственно духовное состояние народа и его «образованных» представителей и как далеко может пойти революция, видели и многие пастыри и архипастыри. Архиепископ Антоний (Храповицкий) при вступлении в управление Харьковской епархией (1914) подчеркивал: «Тогда (речь идёт о 1860-х гг. — А.К.) люди заблуждались и ошибались, теперь они просто не хотят знать истины <...> Тогда шли против Бога и Родины, думая, что служат добру и истине, теперь ненавидят самую истину, презирают самое понятие нравственного порядка и смотрят на жизнь как на море наслаждений».

В июле-сентябре 1917 г. Ленин, после поражения июльского восстания пишет работу «Государство и революция», впервые опубликованную в мае 1918 г. Накануне уничтожения тысячелетней российской государственности и исторического уклада русского народа он приходит к выводу о том, что «революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна». Неудивительно, что к первой годовщине Октябрьского переворота, 3 ноября 1918 г. в Александровском саду у стен Кремля была установлена фигура Робеспьера, которая, правда, простояла всего несколько дней: в ночь с 6-го на 7-е ноября она была разрушена.

Но еще раньше, в августе 1918 г., в Свяжске при Троцком был установлен и торжественно открыт памятник «революционеру высшей величины» — Иуде Искарйоту.

Дело Люцифера, Каина, Иуды, астрологов-революционеров, мистиков всех систем и градусов, Робеспьера, Маркса, Ленина, Троцкого, идея всемирной революции принесли свои разрушительные плоды...

В декабре 1918 г. по распоряжению пришедшего к власти на Украине правительства С.В. Петлюры митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий) с некоторыми своими сподвижниками за противодействие «самостийникам» объявить автокефалию Украинской Церкви был арестован. Петлюровцы содержали узников в тяжелых и оскорбительных условиях в базилианском униатском монастыре в г. Бучач (Тернопольского округа). Здесь митрополит Антоний написал несколько сочинений, в частности, и свою основную работу о Ф.М. Достоевском (с подзаголовком «Не должно отчаиваться»).

После кровопролитнейшей Гражданской войны и при господстве богоборческой власти в бывшей Российской империи, вопрос об отношении к торжествующему злу потребовал ответа от спасшихся русских беженцев. Поэтому, совсем не случайно в начале 1920-х гг. И.А. Ильин заговорил о «*национально-религиозной самообороне*».

В 1923 году в газете «Правда» была опубликована статья Троцкого «Можно ли контрреволюцию или революцию сделать в срок?», которая имела в виду германскую революцию (в то время И.А. Ильин как раз и находился в Берлине).

Ответ давался в самом начале текста: «Конечно, нельзя...» Но интереснее не начало, а окончание статьи Троцкого: «Революция обладает могущественной силой импровизации, но она никогда не импровизирует ничего хорошего для фаталистов, ротозеев и простаков...»

Именно таковым не был выдающийся русский психиатр, «непобедимый воин Императорской Российской армии», беженец, Н.В. Краинский, который считал, что с гибелью Великой родины — «все мы падшие», а падшим людям присущ гимн покаяния.

Для И.А. Ильина (как и для Н.В. Краинского) русская революция была разрушительным безумием и величайшей катастрофой в истории всего человечества. В письме к П.Б. Струве от 19 июля 1925 г. И.А. Ильин отмечал: книга «О сопротивлении злу силою» была им задумана не только как

опровержение толстовства, антитезис ему (лозунгу графа: «несопротивление злу насилием»). В своем труде И.А. Ильин «искал решения вопроса настоящего, религиозного, пред лицом Божиим», и автор был убеждён, что решение «содержалось в древнем духе православия».

В своей книге И.А. Ильин везде говорил о «*православно обоснованном мече*», а не об «оправданном», не об «освященном», и не о «святом» «мече», опираясь в данном случае на послания апостолов Петра (1 Пет., 2, 13-16) и Павла (Рим., 13, 3-5). Именно с таких позиций И.А. Ильин и рассматривает свой предмет. А для этого ему необходима была верная постановка проблемы, где речь в первую очередь идёт о «внутреннем», «реальном», «подлинном» зле, которое «впервые дано человеческому духу с такою откровенностью», о «злой человеческой воле» в духовном смысле и о «*подлинной любви к добру*».

В результате своего исследования И.А. Ильин пришёл к несомнительному и определённом ответу: «*Физическое пресечение и поуждение могут быть прямою религиозною и патристическою обязанностью человека; и тогда он не вправе от них уклониться. Исполнение этой обязанности введет его, в качестве участника, в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада*». И не человеку (подытоживает И.А. Ильин) судить человека за служение мечом, а Богу. А перед Ним верный носитель меча предстанет «в день суда» с тем «дерзновением», которое даётся истинною любовью.

В изгнании И.А. Ильин даёт исчерпывающий ответ на один из самых трагических вопросов русского православного бытия. Верный выход из трагического задания он находит «*в необходимом сопротивлении злу силою с принятием на себя ответственности за своё решение и деяние, и с непрременным последующим всежизненным нравственно-религиозным очищением*». Этот исход он считал именно таким, который указывает православное христианство.

Важнейшим вкладом эмиграции в понимание основ русского бытия стала «Русская идеология» святителя Серафима (Соболева), первоначально представленная в виде доклада на Архиерейский Собор (август, 1838 г.), а затем и в виде книги. Это был итог размышлений об исторической судьбе России. Автор отстаивал необходимость для России монархического правления, осуждал секулярные преобразования Петра и его последователей, призывал к «восстановлению в будущей России истинного самодержавия на основе симфонии властей».

Если славянофилы предупреждали о губительной опасности до «великой катастрофы», то И.Л. Солоневич, переживя её

(хотя и признавал, что «дороги нашей революции пройдены ещё не все»), надеялся на «великое возвращение». Этим оптимизмом, который он считал неотъемлемым для православного русского человека, он был близок славянофилам. А поэтому, несмотря на то, что «физически» «мы» оказались разбиты, «исторически и морально оказались правы МЫ».

Как и К.С. Аксаков, И.Л. Солоневич считал, что при всей её трагичности «русская история, в сущности, очень проста». Но российская историография «за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения», а потому необходимо вернуться «к себе домой, на родину — после двухсотпятидесяти лет (теперь уже после более трехсот! — А.К.) философских и физических скитаний по философическим и физическим задворкам Европы». Ибо Россия имеет свои пути, и «поэтому никакие политические заимствования извне ни к чему, кроме катастрофы, привести не могут».

Духовное состояние подсоветского русского народа второй половины XX века в церковно-православной среде оценивалось достаточно критично.

Одну из наиболее резких оценок дал в своей книге «Великороссия: Крестный путь» (1999) известный церковный историк, протоиерей Лев Лебедев. Он высказал мысль, что «в России Русский Народ как Историческая Личность был распят и *погиб* на исторической Голгофе, в основном, с 1917 по 1945 г.», то есть к 1945 г. «внутри России было навсегда покончено с православным Русским Народом». А то, что осталось к концу XX века — это «отбросы Народа Русского». В этом народе «нечему воскресать и возрождаться, кроме народного себялюбия».

Исходя из этого, прот. Л. Лебедев делал вывод, что «сомкнувшийся круг 1000-летия Крещения Руси... обнаружил хотя и страшную, но очень ценную правду: современное русскоязычное население бывшего Союза — это подлинная *духовная пустыня* или область «мерзости запустения», стоящей на святом месте бывшей России, где изредка встречаются, как некие оазисы или островки, относительно православные и относительно русские явления в виде отдельных людей, имеющих «Любовь истины», или в виде их дружеских, общественных, культурных, просветительских объединений. Но это именно — малые оазисы, которые не способны обратить пустыню в цветущий сад...»

С этих позиций нетрудно объяснить итоги «перестройки»: крушение СССР, «Великую криминальную революцию» (тер-

мин С. Говорухина, т.е. передел общенационального достояния между коррумпированной компрадорской властью, мафией и иностранным капиталом).

Состояние Российской Федерации и её народа в 1990-е годы получило в публицистике, литературе, кинематографе и другие самые нелестные оценки, описания и изображения. Но жизнь оказалась сложнее и не столь беспросветной, чем было описано самыми строгими её критиками.

Между тем духовный импульс от празднования 1000-летия Крещения Руси (1988 г.), обретение Церковью свободы, постепенное воцерковление крещеного народа, дало свои плоды. Одним из них стала реабилитация жертв революции, а затем и канонизация Новомучеников и Исповедников Российских. Именно Русская Православная Церковь спасла погибающий народ и новое государственное образование.

Народу необходимо было вернуться в Церковь, а государству — устоять. Особую значимость в этих процессах имеет причисление к лику святых Царственных Страстотерпцев на Юбилейном Архиерейском соборе в августе 2000 г.

На этом же Соборе произошло еще одно значимое событие — принятие «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». По словам тогдашнего председателя Синодальной рабочей группы, митрополита Кирилла (Гундяева), никогда прежде не существовало официального церковного документа, в котором была бы сформулирована и систематизирована позиция Церкви по широкому кругу проблем жизни современного общества.

Эти «Основы социальной концепции...», излагающие базовые положения Русской Православной Церкви по вопросам церковно-государственных отношений и ряду современных общественно значимых проблем, стали документом, отражающим официальную позицию Московского Патриархата во взаимоотношениях с государством и светским обществом. Они были изданы большими тиражами, помещены в сети Интернет, включены в учебный процесс духовных школ и т.д.

В 2000 году произошли и выборы нового президента Российской Федерации. Постепенно начали осуществляться реформы, приостановившие падение России в бездну.

Возвращаясь к словам Ф.И. Тютчева из эпиграфа к данной статье, можно заключить, что они несколько не утратили своего значения. Но сегодня их нужно относить не только к Европе, а и ко всему миру. И тогда тютчевский вывод примет такой вид: «Давно уже **в мире** существуют только две действительные силы...»

Но ныне Революция как смертельный враг России находится уже не только **вне**, но и **внутри** самой России, а потенциально (в эпоху Интернета) — **внутри сознания** каждого человека. Слова из «Братьев Карамазовых»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» — это и о дне сегодняшнем. Сказано, правда, о «страшной, но и таинственной вещи» — о красоте. А отнести можно и к Революции.

Если уже в середине XIX века невозможно было не согласиться с И.В. Киреевским, что «почти не осталось ни одной мысли <...>, которая бы более или менее не была запачкана и измята неправославными руками, в которых она побывала», то теперь слово «почти» можно убрать из этого контекста. Более того. Многие мысли не только «запачканы» или «измяты», они изначально **отравлены** смертельным ядом.

Говоря о современном противостоянии Революции и России, мы должны иметь в виду, что в поле зрения русской мысли этот вопрос попал практически двести лет назад (если вспомнить противостояние мистицизму, меры, принятые по подавлению и расследованию декабрьского бунта 1825 г., рождение триады «Православие, самодержавие и народность» и т.д.). Русская православная мысль увидела подлинную сущность своего смертельного врага. Она неустанно предупреждала власти и общество о его губительной опасности. Она не отчаялась после 1917 года, когда враг безжалостно уничтожал православный народ всех званий и сословий.

Эта русская мысль и теперь с нами. Но мы должны находить уже свои ответы на по-новому сформулированные задачи.

И.В. Киреевский в одном из писем 1853 года отмечал: на Россию «даже и теперь никто не имеет права смотреть... иначе как на государство православное». Всё, что противно православию, будет враждебно России «столько же, сколько и вере ее», «всё, что препятствует правильному и полному развитию православия, всё то препятствует развитию и благоденствию народа русского; всё, что дает ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, всё то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое».

Конечно, мы не можем не учитывать наличия других вероисповеданий в современной России, недооценивать, унижать их или пренебрегать ими. Но, тем не менее, — не можем и теперь не смотреть на современную Россию как на прежде всего государство православное.

А коль так, то и еще один вывод И.В. Киреевского не утратил значения и теперь: «Чем более будет проникаться духом

православия государственность России и правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство... благоустроеннее, ибо благоустройство правительственное возможно только в духе народных убеждений».

Не устарел и К.С. Аксаков с его мыслью о том, что первой главной целью и народа, и правительства должно быть «внутреннее величие». «Залог» же величия — есть «живое чувство собственного достоинства» (П.В. Киреевский). Но всё это должно быть основано на «любви к родному пепелищу» и «отеческим гробам» (А.С. Пушкин), на национальной памяти... Но Революция стремится убить и то, и другое, и третье...

«Современное положение явной, видимой нам России есть дело Промысла, иначе оно непонятно, иначе оно невозможно для того, кому понятно. Наша вера помогает нам и сама выводит нас из своего грешного круга и вводит в Церковь. В подмосковных лесах некогда молился Сергей — и не погибла Россия. В дебрях Саровской пустыни молился монах Серафим, и его молитва держала Россию. Молится кто-нибудь и теперь, ибо — держится Россия!» — писал А.С. Хомяков.

Русская православная мысль предшествующих двух веков (и духовная и светская) удивительно единодушно даёт совершенно однозначные ответы: глубинные внешние и внутренние причины Революции существуют. Они рождают предпосылки, которые часто выглядят вовсе не тем, чем их хотят представить ее «кукловоды».

А потому «угрозы» реальны, они ощутимы и различимы для ясного, незатуманенного взора — куда бы он ни взглянул: масштабная коррупция, падение реального уровня жизни значительных слоев населения, безработица, вопиющая поляризация общества по многим параметрам, засилье «пятой колонны», сложная демография, пьянство, растущая наркомания и распространение ВИЧ-заболеваний... Здесь — питательная почва для всякого недовольства, здесь возможна материализация различных технологий «цветных революций» под видом «белоленточников», протестов против передачи Церкви Исаакиевского собора и т.д. и т.п.

Но это вовсе не должно вводить в уныние, легкомысленную реакцию, панику... Наши великие святители Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, св. праведный о. Иоанн Кронштадтский и др. завещали прежде всего смотреть на **духовные** основания явлений.

В разложении православного сознания святитель Игнатий видел предвестие неминуемой общественной катастрофы

фы. Подменяя святую истину ложью или вовсе отвергая её, человечество не один раз потоками крови оплачивало свои заблуждения. «Религиозные недуги человечества, — убеждался святитель, — всегда отражаются на внешнем быте его. Свидетель этого — вся история».

Человеком непременно движет его «образ мыслей», то есть мировоззрение. Но между тем, сожалеет святитель Игнатий, люди обыкновенно считают мысль чем-то маловажным, а потому они очень малоразборчивы в принятии тех или иных суждений. Однако именно с принятием правильных мыслей, рождается всё доброе, а с принятием ложных — всё злое: «Отчего случается иногда, что люди становятся в фальшивое положение и действуют во вред себе и всем? От принятия и усвоения ложных мыслей и понятий, от действия из области человекоубийственной лжи. Вся история человечества доказывает это поразительнейшими фактами».

В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846) Н.В. Гоголь оставил нам завет — обращать внимание на два обязательных условия, без которых невозможны никакие благие преобразования в России: нужно любить Россию и ничего не делать без благословения Церкви: «Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым». А это есть одно из афористичных выражений возможной русской симфонии и русской идеологии.

Революция — некогда угнездившаяся в Европе, отвергнувшая Христа и поклонившаяся его противнику и клеветнику — пожинает плоды по всему миру. Ныне уже далеко не только европейские революционеры несут знамя смерти. Достаточно посмотреть на кровавые дела США и вскормленного ими радикального ислама под черным знаменем т.н. «Игила».

И только тогда Русский народ не утратит способности к «национально-религиозной самообороне» от этого «легиона», когда будет верен своему Спасителю и его Святой Церкви.

РАСТЛИТЕЛЬ

В конце марта этого года завершила работу комиссия, проведшая по запросу депутата Госдумы Н.М. Поклонской комплексное (психологическое, культурологическое, юридическое, лингвистическое) исследование снятого режиссером Алексеем Учителем фильма «Матильда», порочащего последнего русского царя Николая Второго, причисленного Русской Православной Церковью к лику святых. Заключение этой комиссии, спустя некоторое время, были опубликованы в прессе. Фильм, получивший финансирование из государственного бюджета, признан экспертами оскорбляющим религиозные чувства верующих. Комиссия пришла к выводу о недопустимости публичной демонстрации фильма «Матильда», в связи с высокой степенью «провокативности и уничижения». Выводы экспертов, являющиеся, по мнению депутата Поклонской, «достаточными и необходимыми» для недопущения фильма в прокат, депутат направила Генеральному прокурору Российской Федерации.

А еще некоторое время спустя, 22 апреля (как раз в день рождения Ленина,

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

при власти которого царя Николая убили), режиссер Учитель победно поведаль присутствовавшим на собранном для этого мероприятия о завершении монтажа фильма, который планируется запустить в прокат 25-го октября — как раз к дате, символизирующей столетнюю годовщину Октябрьской революции. И об этом знаменательном событии на следующий же день хором поведали пять десятков средств информации, в том числе несколько центральных каналов.

Критику сей *многообещающей* *фильмы* затрудняет то обстоятельство, что эту «Матильду» до сих пор еще почти никто не видел. И этот «сильный» аргумент уже прозвучал из уст многих авторитетных защитников этого кино, вплоть до Пескова (являющегося фактически запасным «ртом» главного нашего зрителя, запускаемым в действие, когда главному зрителю из-за множества дел некогда открывать собственный рот). В этом духе высказался и премьер-министр Медведев, которого мы, кроме прочего, всякий раз лицезреем по телевизору в дни православных праздников, чинно стоящего с супругою в главном храме страны. Что же касается самого главного нашего зрителя, то он на заданный прямой вопрос на «Прямой линии с президентом» в очередной раз удачно выкрутился, как Штирлиц из анекдотов, однако посланные им «мэседжи», думаю, не оставляют сомнений в том, на чьей стороне высочайшие симпатии.

По поводу упомянутого «сильного» аргумента замечу, что многое можно распознать и по «запаху» — «запах» двухминутного презентационного ролика, который назойливо крутили по телевизору, дает об этом новоиспеченном «киношедевре» и о его «духовной» направленности достаточное представление. К тому же для тех, кто вовсе не собирается смотреть это кино, полагаю, позволительно публично обосновать такое свое решение, и, чтобы высказаться, вовсе необязательно вместе со всем российским народом ожидать обещанного «хэппи-энда» аж до 25-го октября.

Лично я не собираюсь смотреть этот фильм по причине того, что прежде видел другие фильмы этого режиссера, составил уже мнение о его «моральном облике» и творческой методе — и считаю, что он ничего важного и полезного не может сказать нашему народу о царе Николае Втором, тем более в день 25 октября, когда столетняя годовщина трагических для страны событий побуждает к их ответственному осмыслению. Поэтому мнение режиссера Учителя о царе Николае, прославленном Русской Церковью в лике святых, мне не интересно, как не интересно, например, мнение Парасюка о Достоевском или Бондарчука (младшего) о Сталинграде.

Стараясь убедить немногочисленных своих читателей сэконо­мить время на просмотре новой рекламируемой *фильмы* этого режиссера, а равно и других его фильмов, я, чтобы не быть голословным, взял на себя неблагодарный труд (срав­нимый, пожалуй, с малоприятным трудом ассенизатора) про­смотреть чуть ли не всё наследие упомянутого творца, с са­мого начала его творческой биографии. Всё-таки речь идет о деятеле, удостоенном звания Народного артиста России, кри­тиковать которого — это в некотором смысле всё равно, что идти против воли народа...

Как это ни покажется смешным, но творческое «станов­ление» нашего режиссера едва ли не исчерпывающе может быть охарактеризовано шуточной поговоркой советских вре­мен, пародирующей идеологический догматизм коммуни­стических охранителей: «Сегодня он играет джаз, а завтра Ро­дину продаст».

Учите сами. Вот этапы этого творческого пути.

Учитель начинает как документалист. Первый свой доку­ментальный фильм — «Сто тысяч «я» — он снял в 1977-м году о детской игре «Зарница». Фильм начинается цитатой Бреж­нева о коммунизме. В фильме пионеры в галстуках играют в «Зарницу» и готовятся к подвигам.

Следующий фильм — «Пуск. Портрет одного события» (1978 г.) — о пуске Саяно-Шушенской ГЭС. Начинается и завершается фильм цитатами Брежнева.

Затем фильм 1980 года — «Сколько лиц у дискотеки». По­свящён, как сказано в фильме, «становлению советской дис­котеки».

С этого времени режиссер Учитель выявляет себя большим поклонником всяких «прогрессивных» направлений в музы­ке. Брежневские цитаты заканчиваются, и постепенно сме­няются иными ориентирами. И даже в следующем фильме о Саяно-Шушенской ГЭС («Кто за?», 1982 г.), посвященном тамошним комсомольским вожакам, Учитель в 18-минутный фильм умудрился вмонтировать пять песен в исполнении Макаревича, занимающих по продолжительности почти треть фильма. И хотя до конца советской эпохи он еще дела­ет реверансы в адрес тружеников полей Нечерноземья (фильм «Тебе доверена земля», 1983 г.) или героических комсомолок (фильм «Планета «Наташа», 1986 г.), однако в фильмах сво­их акценты уже расставляет другие. И если бы появился, до­пустим, откуда-то из иных миров беспристрастный наблю­датель, не знающий наших деталей, но обращающий внима­ние на главное, то непременно бы заключил, что примерно в это время у нашего Учителя поменялось начальство.

К концу советской эпохи у Учителя уже появилась, наконец, возможность снимать фильмы на излюбленные темы, отбросив из своего «художественного продукта» всякие комсомольские добавки. В фильме «Рок» (1988 г.) комсомолом уже не пахнет: он посвящен жизни и творчеству ведущих советских рок-музыкантов — Гребенщикова, Цоя, Шевчука... На тему «их простота и человечность».

Затем был фильм «Обводной канал» (1989 г.), в начале которого некий персонаж из сумасшедшего дома рассказывает врачам, что его признали сумасшедшим за то, что он в армии читал по ночам «Капитал» Маркса. Таким образом, можно уже констатировать, что Учитель примерно в это время окончательно расстался не только с комсомолом, но и с коммунистической идеологией вообще.

Следующим был фильм «Елы-палы, или Митьки в Европе» (1990 г.) — о неформальной группе художников, известных под названием «Митьки»: рисователей забавных картинок «а ля рюс», своего рода «матрёшек» для продажи на Запад (эти художники выделялись на общем фоне также тем, что в качестве своеобразной униформы, подчеркивающей их простецкую сущность, облачались в тельняшки). В фильме Учителя «Митьки», попав на этот самый Запад, распустили восторженные слюни от того, что им удалось попить пива без очереди, пообщаться с голой женщиной на нудистском пляже, быть принятыми каким-то европейским чином и так далее, после чего с полными сумками гостинцев они возвратились домой. Фильм намекает на то, в каком качестве нас, вместе с нашими «национальными особенностями», готовы приветствовать на Западе.

После падения Советской власти Учитель еще отдает дань прежнему увлечению, сняв фильм «Последний герой» (1992 г.) — о Цое, и переходит к следующему этапу в своем «творчестве». Хоть страна и распалась, но остался народ, который и дальше нужно чему-то учить.

Далее был фильм про режиссёра Виктюка («Баттерфляй», 1993 г.). В начале фильма (в том месте, где молодой Учитель прежде ставил цитату из Брежнева) Виктюк, с балкона, ругается матом. Вместо того чтобы привлечь нашего кинематографиста за мелкое хулиганство, ему на кинофестивале под названием «Россия» дают первый приз. Дают, конечно, не только за матюки. В фильме еще много всего, чем может порадовать своих почитателей Виктюк. Этим фильмом открывается новый этап в творчестве нашего персонажа.

Утвердившись кинематографической премией и уяснив, за что их теперь дают, Учитель посчитал, что может уже замахнуться и на художественный кинематограф.

Дальше уже пошли, в основном, «художества»...

Первый свой художественный фильм он снял в 1995 году — «Мания Жизели» — о жизненной драме балерины Спесивцевой. В фильме знаменитая балерина меняет любовников (а с одним из них режиссер заставляет ее совокупиться прямо на экране: видимо, чтобы погрузить зрителя в полную достоверность происходящего), меняет страны проживания и в конце концов сходит с ума; а будущий отец Иоанн (Охлобыстин) очень убедительно играет балетмейстера и гомосексуалиста Сержа Лифаря. Даже «Википедия» констатирует, что в фильме события из жизни прославленной балерины интерпретируются «очень вольно».

В 1997-м Учитель снова возвратился к документальному кинематографу ради того, чтобы снять фильм «Элита», в котором показал «человеческое лицо» нашей «элиты», укрепившейся в России после расстрела парламента 1993 года и после «выборов» 1996-го. То есть опять же — за «их простоту и человечность». Авена, Шохина и прочих...

Потершись возле «элиты», как кинематографический Ручников возле богатых англичан, Учитель получил возможность художественно замахнуться на классика нашей литературы Ивана Бунина...

Фильм о Бунине «Дневник его жены» (2000 г.) получился роскошный: Бунин изображен в нем как жалкая личность, раздираемая эгоизмом и старческим сладострастием... В фильме щедро представлена лесбийская любовь и прочие новации... Неудивительно, что фильм получил кучу кинематографических премий, а сам его создатель был удостоен звания Народного артиста России. «Народ», стало быть, оценил...

Столкнувшись со столь грандиозным художественным явлением, хотелось бы воспользоваться им в качестве своеобразной иллюстрации для разговора о духовных истоках, питающих творчество нашего теперь уже знаменитого режиссера и подобных ему творцов. Тем более что речь идет о неком, скажем так, родовом недуге — и потому хулить или, напротив, хвалить одного нашего Учителя за подверженность этому недугу было бы, пожалуй, несправедливым. Ведь он в своем творческом «развитии» двигался по давно накатанным рельсам...

Истоки эти богоборческие. Питаемое ими искусство утвердилось в Европе в качестве доминирующего в эпоху

Просвещения. Наследниками этой жутко прогрессивной эпохи — в науке и в искусствах — являются сегодня все те, кто не замечает и не желает замечать присутствия Божьего в жизни, от либералов до коммунистов. В рамках просвещенческого мировосприятия считается, что человек сам по себе хорош, «звучит гордо», но ему мешают развить его добрые качества всевозможные «оковы» — религия, государство, семья... А если бы «оковы» не мешали, то этот хороший изначально человек развился бы до заоблачных высот. Отсюда и идея о коммунизме, о «новом человеке» и о том, например, что прогрессивные социальные условия могут сделать из Шарикова «чрезвычайно высокую психическую личность»...

Поэтому-то положительные персонажи заболевших этим недугом европейских литератур, а за ними и русской литературы, мня себя «лучами света», сражались, в основном, с окружающими их «темными царствами». Расшатывая традиционные устои в своих странах, заражая гордыней и своеволием и без того грешных потребителей этих «художеств»... Правда, честные русские художники, обнаружив вокруг себя тогда еще православный народ и будучи честными, не могли не признать, несмотря на все прогрессивные теории, что этот народ в нравственном отношении стоит выше своих «просветителей»... Но на них мало обращали внимание, хоть и, впоследствии, милостиво оставили всех этих «вопящих в пустыне» литераторов, во главе с Толстым и Достоевским, в качестве нашей местной экзотики, могущей привлечь иностранных туристов, — как другие их привлекают всякими своими сфинксами или дракулами. В целом же наше общество избрало себе иных, «просвещенных», учителей, и встав на те самые «рельсы», устремилось на всех парах и продолжает двигаться до сих пор в сторону ожидаемого прогресса. Поэтому, кстати, и теперь, после коммунистической эпохи, оно в массе своей не развернулось в другую сторону и не обратилось к православию, а предпочло получать «духовную пищу» от своих «братьев по вере», либералов, — и наслаждается теперь той «духовной пищей», которая льется с телеэкранов.

Но возвратимся к логике наших «просветителей». Если человек изначально хорош — то удивить потребителя «культурной продукции», зрителя или читателя, можно разве что разными отклонениями от этой «нормы». Поэтому изготовители «культурной продукции», чтобы добиться финансового успеха, пишут книги, снимают фильмы о всякой гадости — как о редкости, могущей привлечь внимание... Поэтому и с экранов телевизоров нам подсовывают всяких «монструмов», которых в обычной жизни не встретишь... Заодно происхо-

дит некий «моральный подкуп» зрителя, которому с экрана сообщается, что о своем духовном состоянии он может не беспокоиться, ибо он и так хорош — и ничуть не хуже тех демонов, которых каждый день демонстрируют по телевизору, и даже самого Бунина, «подноготную» которого так искусно разоблачил режиссер Учитель...

В отличие от человека, воспитанного «эпохой просвещения», всякий верующий человек знает, что для искаженной первородным грехом человеческой природы редкостью, способной удивить и достойной того, чтобы быть запечатленной, является как раз то, когда человек смог возвыситься над своим животным состоянием, удержаться от греха, создать нечто, мотивированное любовью и долгом, а не расчетом и эгоизмом. Последнее же есть как раз та печальная «норма», в которую затягивается всякий человек, не сопротивляющийся своей порченной природе.

И хотя многие православные русские писатели, как Гоголь или Достоевский, и изображали в своих произведениях отрицательных персонажей, всяких Чичиковых и Верховенских, но речь у них шла о неких воплощенных человеческих грехах и пороках, а не о реальных исторических персонажах.

Поэтому, говоря о Бунине, стоило бы, в первую очередь, обратить внимание не на его эгоизм, честолюбие и прочие сомнительные «достоинства», которые обнаружил в нем или приписал ему наш Учитель, а на его великую любовь к Родине, позволившей ему запечатлеть на все времена чудные картины ушедшей России.

В фильме же Учителя об Иване Бунине — от Бунина, человека со страстями и идеалами, самозабвенно любящего Россию, остался только похотливый старик и честолюбец, жадущий получить Нобелевскую премию, известие о получении которой он, оставшись наедине, встретил ликующим душераздирающим криком (сию живописную художественную подробность, как и многие другие черты, которыми наделил Бунина от своих щедрот Учитель, оставим на «совести» режиссера).

Впрочем, даже и в описании бунинских пороков нашему кинематографисту стоило бы проявить осторожность, помня знаменитые слова Пушкина о Байроне (из письма к Вяземскому): «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чёрт с ними! Слава Богу, что потеряны. <...> Оставь любопытство толпе и будь заодно с Гением. <...> Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает испове-

ди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы — иначе...»

Несмотря на все свои страсти, Бунин не был таким жалким человеком, каким изобразил его Учитель, хотя бы потому, что сам по себе великий талант, дарованный ему Богом, — есть великое счастье. Поэтому даже в описании бунинских пороков попытку измерить бунинский объем учительским стаканом стоит признать слишком самонадеянной.

Наверное, если бы о Бунине у нас было снято множество фильмов — о том, чем Бунин отличается от всех нас, и о том, что позволило ему сделать тот вклад в нашу литературу, который он сделал, — то и к фильму Учителя, быть может, можно было бы отнестись снисходительнее — как к образцу ущербного восприятия, позорящему самого кинематографиста. Но так как других фильмов о Бунине наши кинематографисты не сняли, то нельзя не пожалеть, что о Бунине наш кинозритель, в том числе и наше юношество, будет узнавать из этого мутного источника...

В дальнейшем режиссер Учитель не стеснялся высказываться и на другие, жизненно важные для нашего общества темы. Вот, к примеру, еще один его фильм, «Пленный» (2008 г.), — о войне в Чечне. Главная мысль, которую доносит до нас этот фильм, — о том, что кому-то из двух, русскому или попавшему в русский плен чеченцу, неизбежно придется погибнуть. Даже несмотря на личное взаимное расположение. В общем, нужно делать выводы: или душировать чеченцев (как задушил русский солдат чеченского пленного), или они задушат нас... Есть, правда, и прямо-таки напрашивается еще один путь: во избежание ненужного кровопролития, немедленно демонтировать нашу многонациональную и многоконфессиональную Россию...

Хотелось бы всё же верить, что прежде чем следовать «гуманному» поучению Учителя, мы все-таки вспомним, что Христос пожертвовал собою за всех нас: евреев, русских, французов, чеченцев и прочих. И если перестроим свою жизнь по-христиански, то никого губить ради себя не будем... И сами станем другими, и относиться к нам будут по-другому... Не сразу, конечно, но нужно хотя бы стать на этот спасительный путь... И только на это и можно надеяться... Тем более что мы уже больше тысячи лет числимся в последователях Христа, и всю эту тысячу лет, до нынешних «прогрессивных» времен, умудрялись уживаться с другими наро-

дами... Это как раз те, что распяли Христа, исходили из того, что «...лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин, 11, 50).

Всего — до «Матильды» — Учителем снято несколько художественных фильмов. Если же обозреть всё его творчество, документальное и художественное, и попытаться охарактеризовать его художественный вклад в нашу культуру какой-то одной фразой, то на ум приходят пресловутые «Окна Овертона». Те самые, посредством которых народ постепенно причаляют к неммыслимому, — делая это неммыслимое сначала «приемлемым», затем «разумным», затем «нормальным» и так далее — вплоть до насаждения этого, прежде неммыслимого, а теперь «нормального» всеми средствами глобального подавления...

Если обратить внимание на художественную манеру Учителя, его внимание к художественным деталям, то на первый взгляд может показаться, что наш Учитель — простой, скажем так, «оформитель». Велело, к примеру, в свое время советское начальство «инженерам душ» и всяким «творческим единицам» от литературы, кинематографа или эстрады художественно оформлять начертания партии насчет необходимости завести для молодежи игру «Зарницу» или строительства ГЭС, или подъема сельского хозяйства в Нечерноземье... — и они оформляют... Велело нынешнее главное «начальство», находящееся теперь не в Москве, снимать фильмы, в которых бы нашему обществу навязывались в качестве его приемлемых членов гомосексуалисты, лесбиянки и прочие подобные «неформалы», и чтобы на экране непременно наличествовали половые акты, чтобы персонажи матерились и так далее — и наши «оформители» всё это снимают... Добиваясь «совершенства» в художественном воплощении...

Однако, если вспомнить об «окнах Овертона» — а у режиссера Учителя из фильма в фильм каждый раз попадает что-либо «прогрессивное», раздвигающие наши «горизонты дозволенного», главным образом, в интимной сфере, — то становится понятным, что Учитель — не простой «оформитель», а, скорее, «служитель» — служитель «окон Овертона». И если внимательно присмотреться к тому, **что** он втаскивает к нам в эти «окна» и **чему** теперь учит, то для более точной характеристики его художественной деятельности больше подходит другое слово — растлитель. Едва ли не в каждом его художественном фильме явлено какое-нибудь паскудство. И этого рода «художества», подаваемые к тому же под раскрученной «торговой маркой» с педагогическим названием «Учитель», попадая на неокрепшие души, сеют там ядовитые семена.

И вот — фильм о царе Николае Втором. В год, когда прошло сто лет со времени падения у нас самодержавной власти, Учитель решил предьявить в качестве персонажа своего кино последнего русского самодержца. Убиенного безбожной властью и, повторяю, причисленного впоследствии Русской Церковью к сонму святых.

Кино — занятие дорогое, требующее вложения денег. В нынешнем мире финансовые потоки контролируют те, кого профессор Катасонов называет «хозяевами денег» и кто через «полномочных своих представителей» хозяйничает в финансовой сфере во всех почти странах мира. Они-то, в конечном итоге, и определяют направление развития кинематографа в мировом масштабе. Благодаря тому, что бывший Советский Союз финансово пребывал вне этой системы, стал возможен удивительный феномен советского кино. И хотя всемирные кинематографические моды и оказывали на него влияние, но это влияние не было все-таки определяющим. Лучшие советские фильмы учили доброму и вечному. Теперь же все по-другому...

Теперьшние всемирные «начальники», на содержании которых находятся мировые СМИ, кинематограф и всё, что касается «зрелищ», по своему мировоззрению далеки от христианских идеалов, к которым стремился в своей жизни последний наш самодержец. Однако и «безыдейными» их назвать нельзя. Они как раз очень даже идейны, и деньги, которые они накопили, — для них только средство для воплощения своих целей. Цели же — антихристианские...

И если говорить о самодержавии — наиболее органичной форме государственного устройства православного народа, то для тех, кто заказывает теперь всемирную «музыку», очень нежелательно, чтобы нынешний наш народ воспринимал эту форму сочувственно, ибо это может дать возможность России возродиться на традиционной основе, стать сильной и несокрушимой. Им, напротив, требуется, чтобы личность царя вызывала у зрителей только брезгливость, и чтобы сам он был представлен в качестве нелепого существа, по непонятной причине пользующегося незаслуженными привилегиями и могущего себе позволить всякие «излишества» в виде «матильд» и прочего.

Полагаю, что именно это, сквозь «дым» красочных декораций и соблазнительных картин, постарается донести до зрителей наш народный артист, приставленный к нашему народу в качестве «учителя» и даже «инженера душ» (ибо воцерковленных в нашем народе всего несколько процентов от всего населения, остальные же черпают «духовные ценности» из телевизора и кино).

Учитывая же «гонения» и ущемление «творческой свободы» со стороны «клерикалов» и прочих «мракобесов» вроде автора этих строк, можно не сомневаться, что по итогам всех осенних «баталий», связанных с выходом фильма, мировая «элита» и самые взыскательные законодатели мировых кинематографических мод примут нашего Учителя в свое «буржуинство».

Надо сказать, что упомянутая всемирная «прописка» нашего кинематографа отчасти даже снимает подозрения в некой преднамеренной злокозненности каждого конкретного режиссера, который просто получает возможность открыть свою «кинолапочку» в наших пределах и действовать по предписанному ему «сверху» «правилам игры». Обосновавшись у нас со своим «кинобизнесом», все они, не мудрствуя лукаво, «делают деньги», не ведая, что творят. Главным итогом подобного «творчества» видится финансовый успех, на фоне чего для каждого из подобных «творцов» отодвигается на задний план вопрос «на что он руку поднимал» тем или иным своим «художеством». Впрочем, то, что Учитель в роли царя Николая снял порноактера, свидетельствует все-таки об «особом» его «уважении» к нам и к нашей истории.

В общем, цели, которых добивается Учитель, этим фильмом, будут достигнуты. Но нужен ли нашему народу этот фильм? Чему нас может научить сей очередной «учитель» — в год столетия национальной катастрофы, которую нам предлагается осмыслить с помощью его фильма?

То, что наш народ все-таки возвратился (хоть и под влиянием страха) к спасительным для него формам государственного устройства, воплотившимся в сталинском «самодержавии», и смог, благодаря этому, совершить много великого — свидетельствует о том, что мы хоть и не либеральный народ, а, скорее, «ветхозаветный», поддающийся воспитанию страхом... И нам, ввиду грядущих испытаний, к этим спасительным формам вольно или невольно придется возвращаться, несмотря даже на «просвещенное» мнение Учителя.

Сегодня нашему народу, брошенному на растерзание и растление «учителей», очень не хватает активной роли государства, которое в лице высших руководителей должно бы сознать, что для народа вредно, а что полезно, и помогать ему выбрать полезное. Но государство, даже давая деньги на фильм о государственном деятеле, почему-то об этом не думает. Это свидетельствует о том, что, к сожалению, нынешние наши государственные руководители не сознают пока своего родства и своей преемственности ни с тысячелетней дореволюционной Россией, ни с Россией советской... И тоже

ведут себя пока как некие представители нездешних сил... А ведь в этом конкретном случае им, освоившим уже азы западной толерантности и стоящим на страже предотвращения религиозной вражды, стоило хотя бы озаботиться недопущением надругательства над тем, что почитается святыней у православных христиан, учитывая то, что православное христианство все-таки благодетельствовано у нас статусом одной из традиционных религий.

Но так как помощи в этом от государства мы неизвестно еще когда дождемся, единственное спасение от этой, нас посетившей напасти, видится в том, чтобы на это «зрелище» не смотреть. И замечательный пример тому подала сама депутат Поклонская, принципиально отказавшаяся смотреть непотребную фильму.

И это вовсе не призыв к пассивности. Вообще, нашему обществу, для его духовного здоровья, стоило бы понемногу воспитывать в себе этот полезнейший навык. Вместо того, чтобы своей трудовой копеечкой подпитывать всякую низость, отравляющую наши души. Развитие технических средств предвещает, что нам еще и не такое могут преподнести... Сейчас ведь самое время для всевозможных «режиссеров», которые еще покажут нам «небо в алмазах»... И нынешний мелкий бес, устроивший на нашем несчастье свой бенефис, является только предтечей бесов более крупных. «Апокалипсис» об этом предупреждает...

ГОСУДАРСТВО ВТЯГИВАЮТ В ЗОНУ РИСКА

СМИ сообщили о том, что Министерство юстиции РФ с начала этого года работает над созданием единого реестра населения, в котором будут храниться сведения обо всех гражданах России.

По словам чиновников из Минюста, создаваемый ими в рамках федеральной программы «Электронная Россия» госреестр граждан объединит информацию о жителях на основании данных ЗАГСов начиная с 1926 года.

В него войдут сведения из налоговой службы, полиции и других ведомств по 19 пунктам: ФИО, пол, национальность, место жительства, родственные отношения, сведения о рождении и смерти и др., при этом каждому человеку будет присвоен уникальный неизменяемый номер.

Работу намечено завершить к началу 2020 года. В пилотном режиме в создании реестра уже участвуют 9 субъектов РФ. Второй этап начнется с июля 2017 года и охватит все регионы страны.

Это — не первая инициатива определённых кругов по созданию единой базы данных на всё население страны. В 2002 г. была принята федеральная целевая программа «Элек-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

тронная Россия», в 2010 году в её рамках был принят закон № 210-ФЗ о госуслугах, переводящий обязанности государства в сферу электронных услуг, в 2016-м — принят закон о создании межведомственной системы «Контингент», предусматривающий создание единой базы данных на всех жителей страны.

В рамках «Контингента» файл на гражданина должен открываться с момента его рождения, а закрываться после его смерти. Единым идентификатором назван страховой номер индивидуального лицевого счета (СНИЛС), данные должны стекаться из недр Минобра, Минздрава, ФНС, ФМС, Пенсионного фонда, Минтруда, Рособрнадзора и пр. и составлять всю полноту информации о гражданине, который тут именуется «персоной». Доступ к информации должен иметь определённый круг лиц за исключением самого гражданина.

Бурные протесты общественности привели к тому, что президент отклонил уже принятый Государственной думой и одобренный Советом Федерации закон о создании системы «Контингент». По его мнению, «необходимо проработать перечень конкретных сведений, содержащихся в системе, а также определить тех, кому разрешено иметь доступ к таким данным, и их ответственность».

В Комитете Госдумы по образованию и науке позднее предложили создать комиссию для доработки отклоненного Путиным закона, но целесообразность этого вызывает вопросы: каждое ведомство и без того имеет свои базы данных, которые позволяют ему четко отслеживать процессы и тенденции в своей сфере, и незачем ее делать массивной и обширной.

Недавно член Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Ольга Павлова заявила, что персональные данные каждого второго россиянина в опасности. По её мнению, «часть ответственности лежит на самих пострадавших, вместе с тем это и зона ответственности интернет-ресурсов, откуда из-за плохой защиты уплывают данные».

С этим трудно не согласиться, но при этом мы видим действия, направленные не на решение вопроса, а на увеличение рисков.

Так, Минэкономразвития и Минкомсвязь России готовят соответствующие изменения в законодательство, согласнo которым банки возьмут на себя права и обязанности многофункциональных центров (МФЦ), начнут приём и выдачу документов для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Также они начнут осуществлять единую первичную очную идентификацию граждан, поскольку банков-

скую идентификацию, по сути, уже приравнивали к госидентификации. В дальнейшем предполагается наделить банки правом выдачи паспортов гражданам.

В апреле был принят закон о выдаче больничного листа в электронном виде, который позволит создать единую базу сведений такого характера по стране.

Информация о человеке — ключ доступа к нему, но при этом не предпринимается никаких мер по охране этой информации. Единые базы данных создаются без согласия самих граждан, в нарушение п.1 ст.23, п.1,2 ст.24 Конституции РФ.

Такая ситуация может ассоциироваться только с установлением принудительного информационного контроля над личностью, который приведёт к потере личностного суверенитета и даже к краже личности, такие прецеденты на Западе уже отмечались.

Это — не имеющая мировых аналогов ситуация по созданию зоны риска для безопасности граждан России, а следовательно, и для безопасности самого государства.

Дмитрий ЛЕКУХ

ТЕХНИЧЕСКИЙ НОКАУТ УКРАИНЫ

Не знаю, у одного ли меня складывается ощущение, что всё происходящее в Киеве и с Киевом, носит, во-первых, глубокий символический характер. А во-вторых, жестко следует давно описанной трехзвенной формуле, плотно вошедшей в современный свидомо-украинский миф: зрада-перемога-руина.

Знаю лишь, что с экзистенциальным характером происходящего ничего не может поделаться даже такой человек, как боксер Владимир Кличко.

Впрочем, по порядку.

Если честно, то бокс братьев Виталия и Владимира Кличко — это один из тех феноменов современной спортивной

действительности, которым Украина могла реально гордиться. И отнюдь не случайно мировые масс-медиа именовали уходящее время «эпохой Кличко».

Впрочем, явление братьев миру символично и без вчерашнего боя, когда эта поднадоевшая «эпоха» наконец-то закончилась. Ведь какие бы «незалежные» мифы ни окружали «тернистый путь братьев Кличко», называть их «исключительным украинским достижением» немного смешно.

Дело в том, что рожденных в казахстанском Семипалатинске в благополучной офицерской семье, впервые оказавшихся на Украине в 1985 году и до сих пор непросто подбирающих слова «на соловьиной мове» братьев можно точно так же относиться к «наследию клятых Советов», как и чуть ли не всё хорошее, что есть на территории этой несчастной страны.

О чём тут говорить: на момент «объявления незалежности» нынешнему мэру Киева стукнуло двадцать лет — это был вполне сложившийся молодой человек. Да и профессиональная карьера Виталия и Владимира тоже мало связана с «козацкой землей».

Братский дебют в профессиональном боксе состоялся в 1996 году, когда они одновременно заключили контракт с Universum Box-Promotion и, переехав в Германию, вошли под опеку немецкого тренера Фрица Здунека. После чего, пусть и не сразу, в супертяжелом весе и началась та самая «эпоха Кличко».

Именно с ФРГ, где братьев действительно по-настоящему уважают и даже считают (во многом справедливо) своими, были связаны их главные достижения на профессиональном ринге, на фоне которых их возвращение на «родину предков» многими воспринималось исключительно как «импортный завоз».

Любопытная деталь: уже будучи известным политиком, депутатом Верховной рады и лидером партии «Удар», Виталий Кличко был вынужден долго оправдываться «тяжелыми семейными обстоятельствами» за то, что 19 апреля 2013 года, когда оппозиционные фракции пытались отправить в отставку премьер-министра Николая Азарова, он находился в Германии.

Все бы ничего, но украинская пресса довольно быстро выяснила, что старший Кличко в это время находился на... вручении пяти «мерседесов», которые пивоварня «Варштайнер» разыгрывала среди пьющих пиво этой уважаемой марки. Виталия тут можно понять: дела метрополии, к тому же связанные со спонсорскими обязательствами, были для будущего мэра украинской столицы, безусловно, важнее.

Ну, а уж бой младшего Кличко с Энтони Джошуа оказался символическим даже в сценарии — посмотреть его стоило уже только за это.

Так получилось, что вразрез с ожиданиями и своей прошлой «консервативной» тактикой украинский боксер с первых минут захватил центр ринга и стал действовать первым номером. Он активно перемещался по рингу, шел вперед, выманивая противника на себя, был легок, агрессивен, да и вообще хорош.

Первые два раунда прошли в красивой и насыщенной позиционной борьбе с небольшим процентом попаданий. А затем, едва ли не против логики происходящего на ринге, случилась «зрада».

На первой минуте пятого раунда темнокожий британский боксер серией ударов отправил украинца в нокдаун.

Кличко встал. И не просто встал, но и сумел уже в следующем раунде организовать самую настоящую «перемогу» — отправить в тяжелый нокдаун британца удалось уже ему самому.

Казалось, бой решен: Джошуа еще пару трехминуток передвигался по рингу буквально на ватных ногах. Народ на стадионе «Уэмбли», в барах и пабах дружно скандировал: «Добивай!»

Но Владимир «добить» не смог, предпочтя экономить силы. Все-таки сорок один год уже, не мальчик. Ресурсы организма, заложенные советской школой, уже, что называется, «на дне». И следующие несколько раундов прошли довольно спокойно, в равной борьбе за небольшим тактическим преимуществом Кличко.

А в одиннадцатом раунде окончательно пришедший в себя Джошуа неожиданно «взорвался». Апперкот! Серия добивающих ударов. Нокдаун! Кличко с трудом поднимается на ноги — и тут же следует еще один нокдаун.

На последних секундах британец зажал противника у канатов. На Владимира было просто больно смотреть, и судья остановил поединок, посчитав, что Кличко не в состоянии отвечать на атаки.

Ну а вишенкой на торте во всей этой истории стала реакция Киева. Украинский президент Петр Порошенко не придумал ничего лучше, как публично поддержать нокаутированного бойца словами «Украина с тобой».

Держа в голове эту фразу, я снова сел и пересмотрел решающий раунд, в котором Владимира в буквальном смысле слова избивали, гоняя по рингу как нашкодившего кота на потеху зрителям...

Слова Порошенко оказались прямо-таки символическими...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ ЕЩЕ НЕ НАСТУПИЛ

Россия в двусмысленном положении. Мы празднуем великую Победу 1945-го, но по сути та война не окончилась — не для нас, а для наших «партнеров», лицемерно обнимавшихся с нашими солдатами на Эльбе в лице солдат «союзников». Искренних простых американцев, англичан, французов и пр., ничего не подозревавших об истинных планах Закулисы, развязавшей эту войну руками Гитлера. Для нас эта страшная война закончилась в 1945-м, но и не закончилась. Потому что она плавно перешла в основную, третью. Сначала в форме послевоенной «холодной», а сегодня в форме жесткой информационной, санкционной, изоляционной войны по всем линиям духовного и материального фронта. И грозит перейти в последнюю ядерную фазу, в тот самый Армагеддон, который был показан Христом тайновидцу Иоанну в Откровении.

Россия подвергается сегодня в подготовительной фазе беспрецедентной глобальной демонизации, постоянным провокациям — геополитическим (Украина), политическим, на дипломатическом уровне, военным (ПРО, НАТО), с помощью наглой лжи, когда всё ставится с ног на голову. Когда истинным агрессором является Запад, а представляется им глобально Россия. Поэтому понятно, почему фактически только для России День Победы остался священным праздником, но никак не для тех закулисных сил, которые планировали взаимоуничтожение Гитлера и Сталина.

В чем же двусмысленность нашего положения? К сожалению, Россия не субъект, а объект международной (скрытой) политики. Все, кто этой политике сопротивляется, должны быть уничтожены. А Россия сопротивляется ей. И двусмысленность в том, что мы празднуем победу в войне, в которой нашу страну использовали для глобальных долгосрочных целей. И по сути, это промежуточная победа Закулисы, ко-

торая еще в середине XIX в. запланировала три мировые войны (Альберт Пайк), в результате которых она надеется прийти к глобальной власти с тем самым правителем на вершине, которого Писание называет антихристом.

Россию как объект постоянно старались использовать. Ленин, искренне приняв марксистские идеалы «освобождения труда от эксплуатации», может быть, и не подозревал, что Россию захотят использовать как пук сухого сена для разжигания «мировой революции». С целью захвата Закулисой глобальной власти. И это счастье России и Божий Промысл о ней, что к власти пришел волевым и мудрый Сталин, уничтоживший в стране глобалистский троцкизм и взявший курс на независимую социалистическую Россию. Закулиса этого не могла ему простить. Да и России в целом, «украшей» идею глобального коммунизма, за которым стояли и стоят иудейские банкиры — Ротшильды, Рокфеллеры, Моргань, Шифы... «Царство Божие» на Земле — древняя мечта иудеев, и их мессия должен его возглавить, как царь иудейский. Потому Христа и убили, что Он сказал, что Его Царство не от этого мира. Русские «украли» эту идею глобального царства, отказались принести себя в жертву за него и приватизировали эту идею. Они приватизировали и масонскую пентаграмму, всё еще висящую на башнях Святого православного Кремля. И красное знамя масонской Французской революции. Всего этого русским нельзя простить. Они «изменники» глобального проекта, и потому они должны быть наказаны. Как был наказан Сталин, опять убранный излюбленным способом Закулисы — отравлением.

Мы должны понять, почему Сталин приравнивается Закулисой к Гитлеру. Гитлер национализировал социалистическую идею, а Сталин национализировал коммунистическую. А эта идея имеет глобальную цель. Но в чем же двусмысленность сегодняшнего положения России? А в том, что она, отказавшись от справедливого социального устройства, подобрала на исторической помойке разбойничий капитализм, потеряв симпатию простых людей всего мира, интуитивно чувствующих в этом измену России своему пути, основанному на Евангелии. Марксистский атеизм Сталин планировал постепенно упразднить. Но не успел. А наш кодекс современной жизни — человек человеку волк.

У нас опять всё смешалось. Мы живем в страшном салате из масонских звезд, языческого зиккурата (мавзолее), монархического герба, борьбы против депопуляции с одновременной «ювеналкой», православия на пару с антихристовым экуменизмом, из заверений о суверенности, однако с жест-

кой привязкой к глобальному доллару — инструменту Закулисы, готовящей приход антихриста. Мы должны в этом во всем разобраться. Бога и Вельзевула примирить нельзя.

К сожалению, Россия не является истинным суверенным игроком на международной арене, потому что не имеет своих денег и своей эмиссии. А деньги правят миром, и, поскольку они в руках глобалистских банкиров, то мир и принадлежит им. Россия могла бы себя утвердить идейно, на пути Правды. Потому что именно в ней Бог. Но правды нет в олигархическом капитализме. И сама Закулиса имеет конечной целью упразднение капитализма и введение некоторого подобия глобального коммунизма с тотальным электронным контролем, заменяющим страх Божий, который развращенные народы Земли потеряли.

Нам не нужно удивляться и обижаться, если Закулиса переписывает историю и посмеивается над нашими пафосными парадами и праздниками Победы над фашистами. Мы их — фашистов — так и не победили до конца. Потому что не Гитлер был главным фашистом, а Закулиса, поставившая его. И третий рейх был не в Берлине, а в Вашингтоне, Лондоне и (тогда еще виртуальном) Израиле. А сегодня этот фашизм последовательно продвигает четвертый рейх. И для его победы нужен Армагеддон — ядерный Апокалипсис.

Нам нужно это всё понимать и, наконец, говорить об этом открыто. В прятки играть бесполезно. Наши сегодняшние победы на военном приоритете (Сирия) не являются истинными победами, потому что на высшем приоритете — идейном — довлеет Закулиса. Нужно обратиться ко всему народу, ко всему его великому духовному потенциалу, чтобы поменять это положение и выйти из красивого сна победы в ВОВ, в которой мы были использованы (так же, как и в Первой мировой, о чем предупреждал ясновидец Гр. Распутин), и обратиться к мобилизационной ковке научно обоснованной, актуальной Победы над четвертым рейхом, захватившем наше сознание потребилкой. Как это делал великий Сталин, воззвавший «Вставай, страна огромная, вставая на смертный бой» с сатанинской ордой!

Эта великая песня открывает наш Парад Победы, но необходимо ее ментально распространить на сегодняшнюю ситуацию и актуализировать в сознании наших соотечественников, чтобы не погибнуть в бутафорных представлениях и в идейном хаосе внутреннего (не)устройства страны.

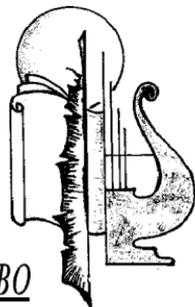
РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

Иван Константинович Айвазовский
(1817 — 1900)

Семья Гайвазовских жила в Феодосии в армянской слободке, и оттуда виднелось море. Это море стало самым любимым для Ованеса. Он смотрел на утлые лодки и торговые корабли, и когда немного подрос, то рисовал их самоварным углем на заборах.

Случилось, что рисунки мальчика увидел городской архитектор Яков Христианович Кох. Пораженный его художественными способностями, он купил ему кисти и краски, преподавал несколько уроков живописи и рассказал об одаренном парнишке градоначальнику Феодосии Казначееву.

Попечительством Казначеева Ованес был устроен в феодосийское трехклассное училище, а затем в Симферопольскую гимназию. Окончив ее, он отправился в Петербург, был принят в Академию художеств и вскоре стал одним из лучших ее учеников. В то время в северной столице блистал некий живописец из Франции. Малоодаренный, но широко известный благодаря шумихе, поднятой вокруг него друзьями и соотечественниками. Не справляясь с большим количеством заказов, француз взял в помощники Гайвазовского. Но подмастерье оказался сильнее мастера. Завидуя таланту Ованеса, француз наклеветал на него царю, и для юноши настали черные дни. Больше полугода тяготела над ним царская немилость. Те, кто раньше хвалил Ованеса, теперь заявляли, что знать ничего не знают и никогда не видели его работ.

ИСКУССТВО

Однако француз к той поре совершенно зазнался, стал дерзок даже с лицами, близкими ко двору, и Николай I велел ему покинуть Россию. Прошло несколько дней, царская опала для Гайвазовского кончилась. А вскоре последовало распоряжение: академику Гайвазовскому сопровождать великого князя Константина в первом практическом плавании по Финскому заливу.

Ованес радостно вступил на палубу корабля: до этого он только с берега любовался фрегатами. Во время плавания молодой художник смог вполне оценить красоту Балтики: даже в серые облачные дни невозможно было оторваться от созерцания своенравного моря! Экипаж корабля скоро полюбил Ованеса, матросы охотно слушали его рассказы о родной Феодосии, офицеры учили разбираться в устройстве корабля — их удивляло, как быстро юноша постигает эту сложную науку. Нравилась экипажу и неустрашимость Гайвазовского: во время штормов он не прятался в каюте, а оставался на палубе и делил с командой все опасности.

В 1837 году Ованес получил Большую золотую медаль за картину «Штиль» и право на длительную поездку в Крым, а затем в Европу. Вернувшись в Феодосию, он по утрам уходил к морю, много писал, и неутомимо боролся за солнце на своих полотнах. В Феодосии бросали якоря боевые корабли Черноморского флота, и однажды генерал Раевский — начальник Черноморской береговой линии — пригласил Гайвазовского отправиться с ним на Кавказ наблюдать боевые действия. На борту военного судна Ованес познакомился с прославленным флотоводцем Лазаревым — первооткрывателем Антарктиды: в 1820 году члены русской экспедиции под руководством Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный» подошли к Антарктиде и, обогнув «вокруг света» льды, подтвердили предположения некоторых ученых о существовании шестого материка. Здесь же, на корабле, состоялось знакомство молодого художника с героями будущей обороны Севастополя — молодыми офицерами Корниловым, Истоминым и Нахимовым.

Во время похода русским пришлось вступить в серьезный бой у Субаши; отвага и смелость Гайвазовского вызвали к нему симпатию моряков и соответственный отклик в Петербурге.

В конце лета 1839 года Ованес вернулся в северную столицу, где 23 сентября получил аттестат об окончании Академии художеств, свой первый чин и личное дворянство. А через год отправился в Италию. Первой на пути странствования была Венеция — город, построенный в XII веке на цыбках тысячелетия, из прикамской ливадии. Итальянский историк писал о Венеции: «Благополучие ее населения обеспечивается всемирной торговлей и прочностью свайных сооружений города на островах — пермскими карагаями». На одном из островов находился армянский монастырь святого Лазаря, где жил брат Ованеса — Саргис (в монастыре Габриэл), которого мальчиком увезли из Феодосии. В монастыре он изучал восточные языки, историю и богословие. Наставники гордились им.

Прибыв в Венецию, Ованес первым делом поехал к брату. Когда добрался до монастыря, старый монах-армянин проводил художника в келью Саргиса, и Ованес увидел худощавого молодого человека

с бледным лицом затворника, редко выходящего из помещения. Стол в келье был завален книгами, старинными рукописями; Ованес ози­рался, ощущая невыносимую боль в сердце. Но брат-монах смотрел на него спокойно, расспрашивал о родных бесстрастно, голос его ни разу не прервался волнением.

Ованеса оставили ночевать в монастыре. В ту ночь, проведенную без сна, он вспомнил родительский дом, нужду, в которой проходило детство... Из-за нее отец и мать отдали Саргиса в монастырь, а Ованеса на побегушки в феодосийскую кофейню. Только участие градоначальника Казначеева помогло Ованесу избежать той пропа­сти, в которую толкала жизнь.

Утром брат сказал Ованесу, что с некоторых пор ему стало казаться странным, что фамилия Гайвазовский больше напоминает польскую фамилию, нежели армянскую. Изучая старинные книги и рукописи, он узнал, что после разгрома турками древнего армянско­го государства и его столицы Ани, десятки тысяч армян спаслись от преследований в других государствах, в том числе в Польше. На­стоящая фамилия Гайвазовских — Айвазян, но среди поляков она постепенно обрела польское звучание — Гайвазовский.

Ованес с тех пор стал подписывать свои картины — Айвазовский. А поскольку его чаще называли не Ованесом, а Иваном, стал писать — Иван Айвазовский. В Венеции он создал несколько этюдов, и через два года приступил к картине «Венеция», которая была не только напоминанием о печальной встрече с братом, но и восхищением ху­дожника перед красотой этого удивительного города.

Четыре года провёл Айвазовский в непрерывных странствовани­ях. Он объездил почти всю Европу, стремясь увидеть всё новые и новые приморские города, гавани, порты... Он много писал, и у него выработался собственный метод работы: не копировать природу, а воссоздавать ее по впечатлению. Это достигалось колоссальной внут­ренней работой! Картины Айвазовского выставлялись во Франции, Англии, имели громадный успех; одну из картин приобрел папа Гри­горий XVI, наградив живописца золотой медалью. Кое-кто погово­ривал, что Айвазовский в Россию уже не вернется, но он вернулся, и даже раньше определенного ему Академией срока.

По возвращении в Петербург он был возведен в звание академика пейзажной живописи. Вслед за этим получил заказ от Морского Министерства написать все русские военные порты на Балтийском море. Выполнив эту сложную работу, Иван Константинович царским указом был причислен к Главному морскому штабу с правом ноше­ния адмиральского мундира. Художнику едва исполнилось 27 лет.

Несмотря на успех и признание, на стремление императорской фамилии сделать его придворным живописцем, Айвазовский рвался в Феодосию. Ничто не могло удержать его в столице, ни обеспечен­ный заработок, ни всеобщее внимание и предупредительность.

Вернувшись домой, Иван Константинович построил на окраине Феодосии дом с мастерской, и с тех пор постоянно жил и работал в любимом городе. В 1848 году он окончил картину «Наваринский бой», помня, как ребенком уносился мыслью в далекую сражающуюся за свою свободу Грецию. Тогда в Феодосии только и говорили что об этой маленькой, но героической стране: и моряки, и торговцы на базарах.

Бои за освобождение Греции, и ее захват велись с 1770 года с временной переменной успеха сторон. В ноябре 1822 года город Мисолунги был осажден 11-тысячной турецкой армией Омара-паши. Оборону вел небольшой греческий гарнизон, и за пределами Греции многие уже не верили в возможность возвратить эту цветущую страну законным наследникам Гомера и Фемистокла. Однако гарнизон оборонялся с таким мужеством, что по истечении трех месяцев Омару-паше пришлось снять осаду. Среди защитников был и поэт Джордж Байрон, купивший на свои средства бриг и наняв команду в 500 человек.

В мае 1825 года Мисолунги вновь был осажден турками и вновь упорно оборонялся силами гарнизона и местных жителей. Успехи Омара-паши были столь незначительны, что пришлось обратиться за помощью к египетской армии. Но и тогда лишь через три месяца город был взят штурмом. Из защитников города в живых осталось полторы тысячи человек: те, кто смог пробиться через турецкие линии.

Героическая оборона Мисолунги вызвала широкий международный резонанс. Англия, Франция и Россия послали помощь. 20 октября 1827 года союзные эскадры, насчитывающие в общей сложности 27 кораблей, начали сражение в Наваринской бухте. Русские корабли находились в центре позиции, принимая на себя основные удары турецко-египетских сил. Корабль «Азов» первым вступил в сражение против пяти неприятельских кораблей, получив в ответ град ударов. Моряки задыхались в дыму и пламени, но обливались водой и снова бросались к пушкам. После меткого выстрела на одном из вражеских кораблей переломилась грот-мачта. Почти одновременно снаряд с «Азова» попал в кюйт-камеру другого турецкого корабля, и тот мгновенно взлетел на воздух. Но и сам «Азов» был изранен. И всё же его моряки пустили ко дну еще одно турецкое судно. Сражение длилось четыре часа, русские уничтожили большую часть турецкого флота.

Вся Россия в те дни повторяла два имени: корабля «Азов» и его командира Лазарева! За свой подвиг Михаил Петрович Лазарев получил звание контр-адмирала, а корабль «Азов» был отмечен высшей наградой: впервые за всю историю русского флота кораблю вручили кормовой флаг со знаменем Святого Георгия.

Наваринское сражение было последним в истории деревянного парусного флота. Много героических сражений в летописи русского флота, но Наваринское — самая величественная его страница. Это был самоотверженный подвиг во имя свободы другой — порабожденной — страны. В 1829 году Греция стала независимой.

На картине «Наваринский бой» Иван Константинович изобразил битву «Азова» с фрегатом Тахира-паши. «Азов» сильно поврежден, однако художник всем строем композиции показал наступательный порыв русской эскадры, не оставляя никакого сомнения в исходе баталии.

Айвазовский был одним из последних и самым ярким представителем романтического направления в русской живописи. Эти черты его искусства особенно проявлялись, когда он писал полные героического пафоса морские сражения, — в них была слышна «музыка боя», без которой батальная картина лишалась эмоционального воз-

действия. Море внушало Айвазовскому безграничное восхищение! Он передавал игру волн, разнообразие света, превосходно зная, как образуется волна в зависимости от состояния погоды, внутренних сил водной массы, облаков и солнца. «Писать молнию, порыв ветра, всплеск волны немыслимо с натуры, — говорил он. — Художник должен запоминать их. Сюжет картины слагается у меня в памяти, как у поэта. Сделав набросок, я приступаю к работе, и до тех пор не отхожу от полотна, пока не выскажусь на нём кистью».

В высокой феодосийской мастерской Айвазовского не было больших окон, из которых он мог бы наблюдать море и небо. Свет проникал через узкие оконца, расположенные под самым потолком. Это было сделано специально: чтобы не отвлекаться от работы, храня в своем сознании образ заранее продуманный.

Однажды пришло в Феодосию торговое итальянское судно, капитан которого был давним приятелем Айвазовского. Он рассказал, что революционные батальоны Италии под командованием Гарибальди, воевавшие с Австрией за полную политическую и национальную независимость родины, полны решимости сражаться до конца, что множество добровольцев из разных стран примкнуло к гарибальдийцам, есть среди них и русские. Перевес пока у австрийцев, но Италия все равно победит!

Эта встреча подтолкнула Айвазовского к написанию картины «Девятый вал». Над бушующим океаном встает солнце, и теперь только стало возможным разглядеть то, что недавно скрывал мрак: люди, вцепившись в обломок мачты, из последних сил борются с разъяренной стихией. Но солнце уже вступило в союз с людской волей: буря ослабевает, и вот-вот пройдет последний, самый ужасный, «девятый вал».

За работой Иван Константинович не мог не вспомнить бурю в Бискайском заливе, когда на их корабле все пассажиры обезумели от страха. Он тоже испытывал сильный страх, но держался рядом с капитаном. Чудом они добрались до Лиссабонской гавани.

Оконченную картину «Девятый вал» Айвазовский выставил в Москве, где ее сразу же приобрел Николай I. Всех восхитил вложенный в нее смысл бесстрашия и победы! Поражал и непревзойденный дар художника: море заполнило полотно до краев; казалось, вот-вот — и вода выплеснется, хлынет в гулкие и просторные залы.

Маринистов уровня Айвазовского за всю историю живописи мир знал не больше десяти, и всё же на Западе многие не признавали его таланта. Как не вспомнить тут изречение Бальзака: «Странную, непрестанную борьбу ведет посредственность с теми, кто ее превосходит».

В 1899 году Россия готовилась отмечать 100-летие со дня рождения Пушкина. Московский Исторический музей обратился к Айвазовскому с просьбой написать картину, где был бы изображен поэт, поскольку Айвазовский знал его лично. И Иван Константинович вновь пережил ту первую встречу с поэтом, случившуюся в Петербурге на академической выставке 1836 года. «Вы южанин, но великолепно передаете краски севера», — похвалил Александр Сергеевич его работу «Чухонцы на берегу Финского залива». Что с ним творилось! Пушкин похвалил! Они потом не раз встречались: юный академик и великий поэт, и всегда Александр Сергеевич был внимателен к Ованесу.

Когда Пушкина смертельно ранили на дуэли, горе юноши не знало границ. У дома на Мойке, где умирал Пушкин, Ованеса стискивала толпа, с такой же надеждой, как и он, ожидающая, что поэт поправится. Переминались с ноги на ногу, прислушивались к каждому слову, произносимому о поэте... В тот день Ованес отморозил ноги. Двадцать девятого января в два часа сорок пять минут пополудни Александр Сергеевич скончался. После стольких надежд, пусть зыбких, такой удар был непереносим! Из-за отмороженных ног Ованес не мог пойти проститься с ним. Тогда приятель достал салазки и в салазках повез Ованеса через Неву к дому поэта.

Айвазовский боготворил Пушкина! Не расставался с его книгами. В них с возрастом еще сильнее открывались ясность и гармония, вечная хвала природе и жизни. К пятидесятилетию со дня гибели поэта Иван Константинович в содружестве с Репиным написал картину «Пушкин у моря». Это одно из самых значительных полотен о великом поэте.

Письмо, полученное от Исторического музея, напомнило художнику, что человеческая жизнь имеет свои пределы, что время идет безостановочно. В тот же день Иван Константинович натянул на подрамник колоссальных размеров холст. Он воплотит море по-пушкински! Взошел на высокий помост. Картина будет называться «Среди волн». Писал по вдохновению, без заготовленных этюдов.

Вот уже и холст разделен на две части: вверху темное грозное небо, а под ним — бушующее море. Вот и центр, где, как в воронке, кипит первозданный хаос, из которого вздымаются две волны...

*Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.
В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы
И блеск, и тень, и говор волн.*

Послушная кисть не прекращала своего бега по холсту, но дух художника находился среди волн, любовался кипящим круговоротом прозрачных валов, игрой зеленовато-голубых и сиреневых тонов. Это они звучали аккордом: «Он был, о море, твой певец!»

Слух о том, что Айвазовский за десять дней написал колоссальную картину, быстро распространился по Крымскому полуострову. К Айвазовскому устремились живописцы и копиисты из Симферополя, Ялты, Севастополя... Едва увидев огромное полотно, каждый из них понимал, что для создания такой картины требуется целая жизнь.

Картина «Среди волн» обрела свое жилище в галерее Айвазовского. Никуда она не будет отправлена отсюда до конца жизни художника, а затем, по завещанию, перейдет вместе с галереей в собственность Феодосии.

Более шестидесяти лет изо дня в день Иван Константинович вставал к мольберту. Писал не только море, писал украинские степи,

поросшие седым ковылем, чумацкие возы на крымских дорогах, прибрежные города и гавани. На деньги, заработанные собственным трудом, украсил родную Феодосию фонтаном, провел водопровод, хлопотал о строительстве железнодорожной ветки. В конце жизни был поглощен идеей создания синтетического образа морской стихии, создав значительный цикл картин, объединенный общностью сюжета и цветовым строем.

Умер Айвазовский внезапно, во сне, в возрасте 82 лет. Его последняя картина «Взрыв корабля», посвященная взрыву Константином Канарисом турецкого корабля у острова Хиос в 1822 году, осталась неоконченной.

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2018 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге Роспечати подписной Индекс «МГ»: 70544 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Финансовую помощь журналу
направлять по следующим реквизитам:

ЗАО «Журнал Молодая гвардия».

Юридический и фактический адрес:

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5-а.

ИНН 7715083142

КПП 771501001

БИК 044525225

ОКПО 29182000

ОГРН 1027739541840

К/с 30101810400000000225

Р/с 40702810738320101178

ПАО Сбербанк России, г. Москва.

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».